ЕЖЕГОДНИК

финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск
2011

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск
2011

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н. И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 4 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 174 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

© Удмуртский государственный университет, 2011
© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Инициатору и создателю Удмуртского диалектологического атласа – 75 7

Поздравления 10

Я З Ы К О З Н А Н И Е 19

Донадзе Н. З. Лингвистический атлас Европы: 1971–2011 гг. 19

Насибуллин Р. Ш. Фиксация названий экзотических животных в удмуртских письменных источниках 30

Ракин А. Н. Сравнительное исследование лексики материальной культуры (пермские языки) 48

Бусыгина Л. В. Названия купальницы в удмуртских диалектах 63

Максимов С. А. Удмуртская берёза и березняк в свете лингвогеографии 71

Семёнов В. Г. Названия василька в удмуртских диалектах и их происхождение 91

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А 99

Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии 99

Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е 113

Родионов В. Г. Типология феномена Г. Верещагина (к проблеме становления национальных литератур) 113

И С Т О Р И Я, А Р Х Е О Л О Г И Я, Э Т Н О Г Р А Ф И Я 120

Макаров Л. Д. Верхокамско-чепецкое междуречье – регион взаимодействия пермских народов с русскими поселенцами 120

Ныммела М. Становясь этнографом. Полевые исследования Фердинанда Линнуса в 1920-е гг. 138

Д И С К У С С И И, Г И П О Т Е З Ы 147
Мясникова А. Б. Языки малочисленных финно-угорских народов России как предмет внимания международного финно-угорского движения 147
Тот С. К вопросу о мансийском названии журавля в контексте хронической дезинформации в финно-угроведении 157

Ю Б И Л Е И 162
Первый художественный руководитель Удмуртского драматического театра, артист, драматург, поэт, прозаик (К 100-летию со дня рождения Игнатия Гавриловича Гаврилова) 162

Р Е Ц Е Н З И Я 166
Сагдеева Ф. К., Миннуллин Б. К. Рец. на: Баширова И. Б. Татарский литературный язык. Семасиология: Монография. Казань, 2010. 532 с. 166

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2011 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований» 168

ИНИЦИАТОРУ И СОЗДАТЕЛЮ УДМУРТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА – 75

В большую науку Риф Шакрисламович Насибуллин пришел, написав кандидатскую диссертацию «Закамские говоры удмуртского языка» в Институте языкознания АН СССР (Москва) и защитив ее в Тарту (Эстония). Диссертация была посвящена исследованию диалектов, сформировавшихся на основе языка пришлого удмуртского населения из разных мест на северо-запад Республики Башкортостан и в Куединский район Пермской губернии. Докторскую диссертацию «Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период)» он защитил в Казани. Риф Шакрисламович – Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки УР, член Российской комиссии Лингвистического атласа Европы. Награжден Почетными грамотами УР и Правительства УР. Его труд оценен по достоинству. Своими исследованиями он внес значительный вклад в удмуртскую и мировую филологическую науку. Исследователи языковых универсалий всего мира с интересом и нетерпением ждут выхода в свет очередных томов «Диалектологического атласа удмуртского языка» (ДАУЯ), западноевропейские коллеги называют его Отцом удмуртского атласа.

В удмуртском языке имеются слова иранского (100), булгарского (200) и татарского (2000) происхождения. Самый мощный пласт заимствованной лексики представляют русизмы. Дооктябрьские заимствования были исследованы очень поверхностно. Некоторые исследователи считали, что лексические русизмы советского периода настолько прозрачны, что ими заниматься не стоит. Р. Ш. Насибуллин придерживался иного мнения: проникновение лексических русизмов в удмуртский язык – это сложный процесс, и необходимо подсчитать, сколько всего слов пришло в удмуртский язык в течение девяти веков в результате

русско-удмуртских языковых контактов и в каком соотношении находятся европеизмы и слова, пришедшие из других континентов, во всем составе русских заимствований удмуртского языка. За каждым заимствованным словом закреплен элемент культуры, и важно знать, сколько элементов культуры и какие пришли в удмуртское общество в различные периоды русско-удмуртских языковых контактов.

Исторические предпосылки усвоения русских слов северными удмуртами стали складываться с XII в., южными – с середины XVI-го. Активный же процесс проникновения русских заимствований начался довольно поздно – в связи с началом книгопечатания на родном языке (1847). С учетом того, с какой стороны проникают русские слова, учитывая состав заимствованных слов и способ их заимствования (через устно-разговорную речь или книжно-письменный язык), Р. Ш. Насибуллин выделил шесть периодов проникновения русских слов в удмуртский язык и разработал систему хронологизации русских заимствований, используя методы лингвистической географии и сравнения с данными письменных источников родственных языков. До начала массового книгопечатания русские слова усваивались через устно-разговорную речь и в основном были связаны с крестьянско-бытовой тематикой. Многим словам, усвоенным таким способом, с юга навстречу шли татарские заимствования, во многих случаях обозначающие те же понятия или предметы, что и русские заимствования. В ходе работы над удмуртской частью Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) Р. Ш. Насибуллин выявил, что изоглоссы отдельных русских и татарских заимствований располагаются все южнее и южнее, отражая хронологию их проникновения в удмуртские говоры: линии встреч ранних параллельных русско-татарских заимствований проходят на севере, более поздних – южнее. На электронных сводных лингвистических картах они напоминают годичные кольца древесины на распиле, которые позволяют провести относительную хронологизацию русских заимствований. Учитывая возможность использования названных линий в проведении хронологизации русско-татарских заимствований в качестве рабочего инструмента, ученый принял бесповоротное решение создать диалектологический атлас удмуртского языка, хотя и знал, что это невероятно трудоемкая работа (предстояло определить опорные пункты, составить вопросник, собрать материалы в опорных пунктах – их всего 175 – во всех регионах проживания удмуртов, составить легенды к картам, создать электронно-цифровые карты, написать обширные комментарии к словам, обозначенным на картах). К тому времени Насибуллин уже имел богатый опыт исследования языка методом лингвистической географии, полученный в процессе работы над Лингвистическим атласом Европы. Обладая таким опытом, идеями и наработками, он возглавил работу лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского госуниверситета, в которой под его руководством выросли молодые ученые: С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Л. В. Бусыгина и др.

Сегодня долгий, многоэтапный, упорный труд Р. Ш. Насибуллина и его коллектива венчается большим успехом – из печати вышло два тома «Диалектологического атласа удмуртского языка», издательством принят третий том. Ждут своей очереди готовые к изданию 4–6 тома. Для написания 7–9 томов отправлен исследовательский проект в российские научные фонды (а собранного материала хватит на сто томов). Атлас не ограничивается отражением заимствованной лексики, но

показывает обширный самобытный пласт удмуртской лексики, связанный с местом обитания удмуртов, их культурой и религиозно-мифологическими воззрениями.

Создан пробный электронный мультимедийный учебник по диалектологии удмуртского языка. При демонстрации системы наиболее эффектны для восприятия содержащиеся в ней электронные говорящие карты. Аудиальное воспроизведение слов в точности соответствует тому фонетическому звучанию, которое характерно для данного населенного пункта.

Учитывая точную датировку более 3 тыс. удмуртских письменных источников, Р. Ш. Насибуллин на их основе составил «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке». Данный словарь уже содержит 45 тыс. русских лексических заимствований. По своим масштабам и полноте охвата слов он не имеет равных в области исследования русских заимствований в языках, испытавших такое же влияние. Дооктябрьские заимствования охватывают более 5 тыс. слов (а не 500!) и укладываются в 249 системно-тематических групп. Заимствования советского и постсоветского периодов заполняют ниши остальных системно-тематических групп (их количество примерно такое же). Последовательное расположение первой фиксации заимствованных слов по годам, объединенных в одну лексико-тематическую группу, дает картину развития деятельности человека в определенной области или углубления в познание исследуемого объекта. Ученый установил прямую зависимость динамики появления в письменных источниках новых слов, пришедших через русский язык, с общественно-политической и экономической ситуацией в стране: при ухудшении ситуации уменьшается приток новых слов.

Р. Ш. Насибуллин разработал стратегию создания различных типов словарей, поставив перед собой такую задачу, чтобы последующие словари базировались на материалах предшествующих. Составленный на основе четырех крупных удмуртских словарей «Обратный словарь удмуртского языка» послужил базой для написания «Сводного словаря удмуртского языка» и «Краткого удмуртско-русского, русско-удмуртского словаря». Последний, в свою очередь, лег в основу «Сравнительного словаря пермских языков». «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» (в соавторстве с В. Г. Семеновым) был использован как рабочий инструмент для составления Вопросника по сбору материалов будущего ДАУЯ. Позже совместно с коми коллегами на его базе был создан «Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь». В издательстве находятся «Словарь антонимов удмуртского языка», «Русско-удмуртско-татарский словарь», «Школьный русско-удмуртский словарь». Создана программа для опознания морфемных структур в связных текстах (программист Я. Р. Насибуллин) для составления «Словаря Кузебая Герда» (Л. В. Бусыгина, А. Т. Байдуллина, Я. Р. Насибуллин) и для Сводного словаря (Р. Ш. Насибуллин, В. Ю. Дудоров, В. Г. Семенов), который бы охватывал все лексическое богатство удмуртского языка. При небольшой доработке они могут выполнять функцию электронного орфографического словаря.

Проректор по науке УдГУ	*Н. И. Леонов*
Директор УИИЯЛ УрО РАН	*А. Е. Загребин*
Директор ФУНОЦГТ УдГУ	*А. В. Ишмуратов*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

КОМИТЕТ ФИННО-УГРОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
FINNO-UGRISTS COMMITTEE OF RUSSIAN FEDERATION
DAS FINNOUGRISTENKOMITEE DER RUSSISCHEN FÖDERATION

167982 Россия, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
Коми научный центр УрО РАН
Институт языка, литературы и истории
Комитет финно-угроведов Российской Федерации
Тел.: 8(8212)245564
Факс: 8(8212)245564
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Доктору филологических
наук Р. Ш. Насибуллину

Дорогой Риф Шакрисламович, поздравляю Вас, талантливого представителя удмуртской науки, с Вашим славным юбилеем. Ваше имя широко известно как в нашей стране, так и за ее пределами – в Венгрии, Финляндии, Эстонии, в зарубежных научных центрах, где занимаются изучением языков и культур финно-угорских народов. Ваши исследования составляют неотъемлемую часть современной удмуртской лингвистики. Благодаря Вам и Вашим коллегам она занимает во многих отношениях передовые позиции в отечественном финно-угроведении.

Особо следует отметить, что Вы являетесь инициатором создания новых направлений в пермском языкознании – лингвистической географии, сравнительной лексикографии, ареальной лингвистики и др. Существенным вкладом в области лингвистической контактологии явится «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке», над завершением которого Вы сейчас работаете. Оценивая Вашу многогранную деятельность, в день юбилея вполне уместно привести поэтические строки Некрасова: «Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, / Заглохла б нива жизни…».

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, благополучия, новых достижений в исследовательской и научно-организационной деятельности.

Председатель Комитета финно-угроведов
Российской Федерации,
17.11.2011 доктор филологических наук А. Н. Ракин

8 3412 685866

Профессору, доктору филологических наук Р.Ш. Насибуллину

Дорогой Риф Шакрисламович!

От имени коллектива Лингвистического атласа Европы поздравляем Вас с юбилеем, желаем успехов на научном и жизненном поприще.
Вы с удивительным постоянством и целеустремленностью развиваете успехи, достигнутые в Лингвистическом атласе Европы, в Вашей фундаментальной работе – Диалектологическом атласе удмуртского языка.
Надеемся, что каждый год Вы будете выпускать по новому тому этого столь важного для лингвистики, этнографии и культуры издания.

С уважением,
Заместитель директора Института языкознания РАН
член Редколлегии Лингвистического атласа Европы
Профессор, д.ф.н. М.Е. Алексеев.

Ученый секретарь Российской комиссии Лингвистического атласа Европы
Старший научный сотрудник Института языкознания РАН
Н.З. Донадзе

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Зав. межфакультетской учебно-научной
лабораторией лингвистического картографирования
и исторической лексикологии УдГУ Р. Ш. Насибуллину

Уважаемый Риф Шакрисламович!

От имени ректората Удмуртского государственного университета и себя лично поздравляю Вас с 75-летним юбилеем!

Выражаю Вам благодарность и признательность за большой вклад в развитие науки и культуры Удмуртской Республики, за многолетний добросовестный труд!

Яркий талант помог Вам добиться широкого профессионального и общественного признания. Вы блестяще реализовали себя как выдающийся лингвист и литературный критик, талантливый ученый и педагог, крупный специалист в области удмуртских диалектов, автор целого ряда научных книг.

Примите сердечные пожелания благополучия, здоровья и добра, дальнейших творческих успехов в профессиональной деятельности!

Ректор
Удмуртского государственного университета *С. Д. Бунтов*

Уважаемый Риф Шакрисламович.

Сердечно поздравляем Вас с семидесятипятилетним юбилеем.
Желаем Вам крепкого здоровья и долголетия.
Желаем также огромных успехов в исследовании и развитии удмуртского языка!

Сектор исследования языков Поволжья

Sirkka Saarinen Jorma Luutonen

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

Уважаемый Риф Шакрисламович!

От всей души поздравляем Вас, доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника науки Удмуртской Республики, почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, поэта-переводчика, литературного критика, со славным юбилеем – 75-летием со дня рождения.

Вы – один из ведущих финно-угроведов России, автор сотен широко известных в научном мире научных и научно-популярных трудов по удмуртскому языку. Поистине многогранна Ваша научно-исследовательская деятельность. Вы прославились прежде всего как исследователь удмуртских диалектов и русских заимствований в удмуртском языке, составитель различных типов словарей с применением современной технологии.

Пройдя основательную школу научно-исследовательской работы под руководством выдающегося финно-угроведа В.И. Лыткина и благодаря самоотверженному труду Вы достигли настоящих успехов в удмуртском языкознании и в целом в финно-угроведении. Крупным достижениям во многом способствовало и хорошее знание нескольких (удмуртского, русского, татарского, башкирского, немецкого и др.) языков.

Неизмерим Ваш вклад в изучение удмуртских диалектов. Вами выявлен и охарактеризован ряд новых закамских говоров. Мировое значение имеют результаты Вашей многолетней работы по разработке удмуртской части Лингвистического атласа Европы с использованием метода лингвогеографии. Представленные в особой системе удмуртские лингвистические материалы способствуют масштабному изучению языкового разнообразия Европы. Вы являетесь организатором, руководителем и создателем первого в России многотомного электронно-цифрового «Диалектологического атласа удмуртского языка». Для этого проведена титаническая работа по организации и осуществлению сбора фактического материала, его систематизации и составления историко-хронологических карт с помощью компьютерной техники.

Огромны Ваши заслуги в исследовании русских заимствований в удмуртском языке. Уникальным является «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке», включающий обширнейший достоверный материал из многочисленных источников трёхсотлетней истории развития удмуртской письменности. Имеют многостороннее научное и практическое значение и другие разнотипные словари, созданные с использованием компьютерной технологии.

Невозможно переоценить роль материалов историко-хронологических карт и словаря русских заимствований в дальнейшем изучении удмуртского языка, а также смежных проблем контактирующих языков. Безусловно, они представляют надёжную основу для решения многих актуальных задач удмуртского

языкознания, в первую очередь проблем диалектологии, лексикологии, истории и развития языка, языковых контактов и других, на многие десятилетия. Эти материалы не менее важны для исследования общелингвистических вопросов в соответствующих направлениях. Ваша разносторонняя плодотворная научно-исследовательская деятельность с использованием современной технологии и методики служит образцом для подобных изысканий по другим родственным и неродственным языкам и в иных областях языкознания.

Вы известны также как способный педагог высшей школы, владеющий обширными теоретическими знаниями в области удмуртского языка и его истории, в финно-угроведении и общей лингвистике. Владея современной методологией научного исследования, вы охотно передаете свой бесценный опыт молодому поколению.

Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, дальнейших творческих успехов на научном поприще.

С уважением от имени коллектива
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева директор
А. С. Казимов

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

ГАЛИМҖАН ИБРАһИМОВ исем. ТЕЛ, ӘДӘБИЯТ һәм СӘНГАТЬ ИНСТИТУТЫ

420111, Казан, Лобачевский ур., 2/31
Тел (843) 292-76-59
Факс (843) 292-21-47

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ и ИСКУССТВА им. ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА

420111, Казань, ул. Лобачевского, 2/31
Email: iyali.anrt@mail.ru, www.iyali.antat.ru

ИНН 1655008901 / кпп 165501001/ ОГРН 1021602853271/ ОКПО 02700078/ УФК по РТ / МФ РТ л/с 02092011000 / Институт языка литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ л/с ЛБГ 00730002 / р/с 40601810192053000001 ГРКЦ НБ РТ Банка России БИК 049205001

[illegible] № [illegible]
На № _____ от _____

Дорогой Риф Шакрисламович!

От имени ученых Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана от всей души поздравляю Вас с юбилеем.

Вы блестяще защитили докторскую диссертацию на тему «Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период)», которая явилась образцом исследования заимствованной лексики. Из удмуртских языковедов Вы первым использовали в качестве источников удмуртские книги, изданные в Казани до 1918 года. Вы блестяще продолжаете исследование данной темы по советскому и постсоветскому периодам.

Диалектологический атлас удмуртского языка, созданный под Вашим руководством, вносит большой вклад в лингвогеографию, в развитие пространственного изучения финно-угорских и тюркских языков. Ваши семинары по созданию электронно-цифровых карт оказывают неоценимую помощь в подготовке Атласов языков других народов. «Диалектологический атлас удмуртского языка» – это синтез языковых материалов удмуртского, русского и татарского языков. Именно Вы стали руководителем такого грандиозного проекта, потому что Вы – и тюрколог, и русист, и известный финно-угровед.

В то же время Вы обладаете блестящим даром переводчика. В Ваших переводах татарские читатели познакомились с чудесными творениями Ашальчи Оки, Кузебая Герда, а удмурты благодаря Вашим переводам поют татарские и башкирские песни. Удмуртская песня «Ой, тӥ чебер нылъёс» («Их сез, матур кызлар») стала хитом среди татар и башкир.

Уважаемый Риф Шакрисламович! Примите искренние пожелания крепкого здоровья, семейного благополучия, дальнейших научных и творческих свершений.

Директор Института, профессор,
член-корреспондент АН РТ — К.М.Миннуллин

Учреждение Российской академии наук
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

450054, Уфа, проспект Октября, 71
Телефон (347) 235-60-77

Глубокоуважаемый Риф Шакрисламович!

В этот знаменательный и памятный день Отдел языкознания и все ученые Института истории, языка и литературы УНЦ РАН горячо и сердечно поздравляют Вас, известного российского ученого, одного из ведущих финно-угроведов мира, с большим и радостным юбилеем!

Ученые России и многих стран мира знают Вас как очень крупного специалиста в области финно-угорского языкознания, который успешно занимается проблемами диалектологии, лексикологии и терминологии. Ваши исследования представляют собой концептуально ценные труды по финно-угорской филологии, известные широкому кругу специалистов в стране и за рубежом.

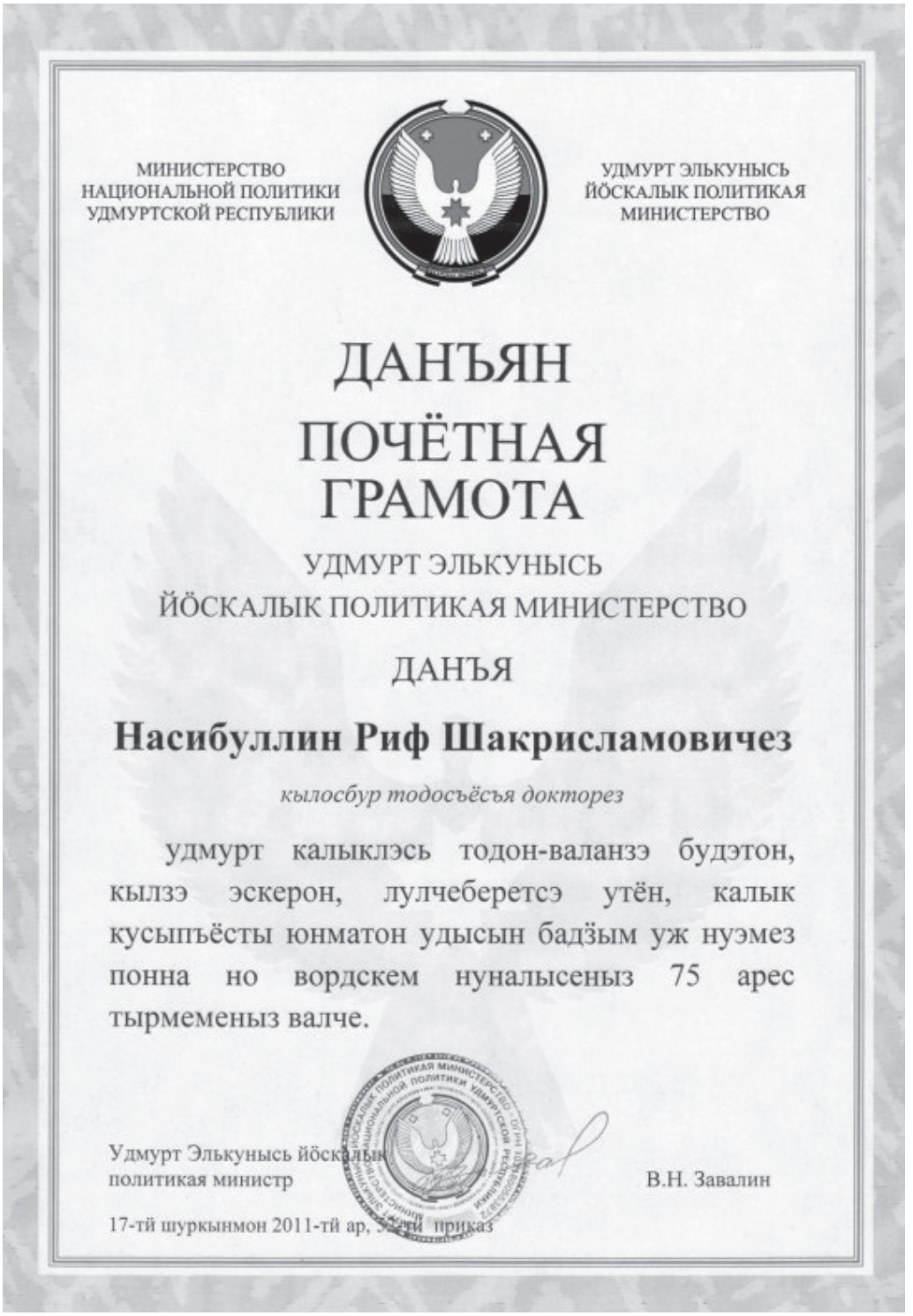
С Вашим именем связаны новые направления в пермском языкознании, как сравнительная лексикография и ареальная лингвистика. Именно Вы заложили основы атласного картографирования в удмуртском языкознании, на базе которого были составлены фундаментальные труды «Диалектологический атлас удмуртского языка» (1–2 т.) (2006, 2011). Они могут служить образцом для составления подобных исследований по другим языкам.

Лексикографические труды «Обратный словарь удмуртского языка» (1992), «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» (2004), «Историко-хронологический словарь русских заимствований в удмуртском языке (по письменным источникам с 1726 по 2009 гг.)» и т.д., созданные Вами и с Вашим участием, стали настольными книгами финно-угроведов, тюркологов не только в России, а также во многих зарубежных странах.

Ваш огромный опыт плодотворной научной работы, трудолюбие, высокое чувство ответственности, скромность, порядочность вызывают глубокое уважение. За многолетний и плодотворный труд, огромный вклад в развитие отечественной науки Вам присвоены звания «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики» и «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

В день Вашего юбилея, уважаемый Риф Шакрисламович, ученые ИИЯЛ и все филологи Башкортостана искренне желают Вам крепкого здоровья, счастья, благополучия, творческого вдохновения и новых научных свершений!

Директор,
д.ф.н., профессор Ф. Г. Хисамитдинова



МИНИСТЕРСТВО
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

УДМУРТ ЭЛЬКУНЫСЬ
ЙӦСКАЛЫК ПОЛИТИКАЯ
МИНИСТЕРСТВО

ДАНЪЯН
ПОЧЁТНАЯ ГРАМОТА

УДМУРТ ЭЛЬКУНЫСЬ
ЙӦСКАЛЫК ПОЛИТИКАЯ МИНИСТЕРСТВО

ДАНЪЯ

Насибуллин Риф Шакрисламовичез

кылосбур тодосъёсъя докторез

удмурт калыклэсь тодон-валанзэ будэтон, кылзэ эскерон, лулчеберетсэ утён, калык кусыпъёсты юнматон удысын бадзым уж нуэмез понна но вордскем нуналысеныз 75 арес тырмемены валче.

Удмурт Элькунысь йӦскалык
политикая министр В.Н. Завалин

17-тӥ шуркынмон 2011-тӥ ар, 3[illegible]-тӥ приказ

Гажано Риф Шакрисламович!

Сюлмысьтымы ӟечкыласькoм Тӥледыз 75 арес тырмон нуналэныды!

Ми, Янаул ёросын улӥсь удмуртъёс, вань ӟеч кылъёстэс, оскымон эш луэмдэс умой тодӥськoм, но юн гажаммес вераськoм. Тӥ трос ужрадъёс лэсьтӥды но лэсьтӥськоды калыкмылэсь, кылмылэсь данзэ, удмуртлыкмес ӝутон понна.

Тӥляд азьветлон амалды, мылысь-кыдысь ужамды, наука удысын сюлмысь тыршемды котьку но удмурт калык понна визьбасьтон луыса уло, Тӥляд нимды котьку нимаса, ушъяськыса верамон.

Сӥзиськoм котьку егит, задор мылкыдо луыны, котыр ласянь быгатыса но дэлето улыны, умоезлы осконды ноку но медаз кысы. Юн тазалык, улонады но тунсыко ужады чебересь азинсконъёс, бадӟым шудбур но трос шумпотонъёс сӥзиськoм.

Юбилеяды сӥзиськoм Тӥледлы
Камысь шукы кадь ик, капчи мылкыд,
Батыр Урал гурезь кадь тазалык,
Мылкыдалля вань люкаськем калык,
Инмысь кизилиос мында ваньбур,
Пиштӥсь зарни шунды быдӟа шудбур,
Азвесь толэзь выллем ик, пальпотон,
Жингрес чингылиос кадь шумпотон.

Янаул ёросын улӥсь
удмуртъёслэн нимынызы
Ю. С. Саитов

Я З Ы К О З Н А Н И Е

УДК 81’28(4)

Н. З. Донадзе

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ЕВРОПЫ: 1971–2011 гг.

Лингвистический атлас Европы – самый крупный научный проект по исследованию языков методом лингвистической географии. Огромный фактический материал, собранный со всего европейского континента, позволил познать много тайн в ономасиологии и семасиологии.

Ключевые слова: Лингвистический атлас Европы, мотивационная карта, ономасиологическая карта, семасиологическая карта, этимология, реконструкция.

Лингвистический атлас Европы в большой мере является инновативным, о чем недвусмысленно заявляет подзаголовок на титульном листе вводного тома Лингвистического атласа Европы [Atlas Linguarum Europae, 1998] на французском, русском, английском, испанском, немецком и итальянском языках: «Новые перспективы в лингвогеографии».

Лингвистический атлас Европы (ЛАЕ) относится к атласам четвертого поколения в соответствии с классификацией атласов по их ареалам: 1) региональные, 2) национальные атласы, 3) атласы группы языков и 4) атласы континентов. По критериям определения границ ареалов атласов ЛАЕ имеет границы географические, а не политические, как у национальных атласов, и не языковые, как у атласов языковых групп, поскольку политические границы часто не совпадают с языковыми. Таким образом, географические границы для ЛАЕ оказались единственно возможным компромиссом. Именно поэтому в состав ЛАЕ вошли только европейские части территорий России, Турции и Казахстана и не вошли, к примеру, Азербайджан, Армения и Грузия, хотя в пользу этого выступали типологи и историки языка, полагавшие, что это могло бы обогатить картину языковых взаимодействий.

Типологически атласы могут быть разделены на две группы: атласы, фиксирующие сырые материалы, и интерпретирующие атласы. ЛАЕ относится к категории интерпретирующих атласов. Кроме того, начиная с первого тома,

присутствуют два типа интерпретаций материалов – традиционная ономасиологическая и инновативная мотивационная.

В Европе представлено по меньшей мере шесть языковых семей: индоевропейская, алтайская, уральская, кавказская, баскская и семитская. Эти семьи охватывают 22 группы языков. Эти группы, в свою очередь, могут состоять из многих различных языков. Легко себе представить, какое значение имеет работа национальных комиссий, и еще более важной является интерпретация собранных в 2 631 населенном пункте (от Исландии до Урала) материалов на уровне департаментов языковых семей, «на плечах» которых стоят авторы карт и комментариев к ним.

Начало совместной работы с европейскими лингвистами во многом явилось заслугой членкора АН СССР Р. И. Аванесова и его человеческим и научным контактам с президентом ЛАЕ А. Вейненом, нидерландским диалектологом и лексикологом, который добился участия всех стран Европы в этом проекте, а также со многими другими зарубежными лингвистами. Также его стараниями была создана Комиссия ЛАЕ при Отделении литературы и языка Академии наук. Помимо рабочей группы в Институте русского языка РАН, а затем и в Институте языкознания РАН, в эту комиссию вошли лингвисты из всех языковых центров на Европейской части территории бывшего СССР, представлявшие 58 языков. Наша комиссия в целом предоставила центральному секретариату ЛАЕ 25 % всех материалов ЛАЕ. Это оказалось возможным лишь благодаря тому, что к моменту вступления уже был собран основной корпус материалов Общеславянского атласа. Вопросник ОЛА использовался при составлении «Первого лексического вопросника ЛАЕ» наряду с вопросниками французского и немецкого атласов. Вызывает сожаление, что тогдашняя редакционная коллегия не учла того, что некоторые из попавших в вопросник ЛАЕ вопросов являлись в ОЛА не лексическими и тем самым оказались непригодны для картографирования в ЛАЕ. На основе сетки ОЛА была составлена сетка ЛАЕ, гораздо более редкая, чем сетка ОЛА. В отличие от сеток других языковых групп, она должна была отражать только основное диалектное членение славянских языков, но при этом она не полностью показывала территориальное расселение славян, в частности, русских, что было заложено еще в концепции ОЛА. Материалы, записанные в фонетической транскрипции ОЛА, переводились в фонетическую транскрипцию ЛАЕ. Однако вместе с материалами других групп и семей, оказываясь в другом контексте, они представляли собой нечто другое, чем просто сумма сопоставленных на картах языковых фактов.

В составлении карт атласа и комментариев к ним принимали участие Р. И. Аванесов (бывший председателем Советской комиссии ЛАЕ с момента ее основания), М. Е. Алексеев (ныне председатель Российской комиссии ЛАЕ), А. О. Васильева, В. Г. Гак, Н. З. Донадзе, А. В. Дыбо, В. В. Иванов, Г.А. Климов, Н. А. Кожина, Т. А. Невская, Б. А. Серебренников, С. А. Старостин, Э. Р. Тенишев, Я. Г. Тестелец, М. Н. Толстая. Поскольку программа ЛАЕ предполагает публикацию примерно 120 вопросов в 12 двойных томах, можно сказать, что издано чуть больше половины предусмотренного: всего 79 карт и 63 комментария. Начиная с 1975 г. были опубликованы вводный том, два вопросника ЛАЕ и 7 двойных

томов с комментариями и картами, новый вводный том (Alinei/Viereck 2003). В 2007 г. был опубликован 7-й том, 8-й том находится в издательстве, а 9-й – на стадии подготовки в рукописи.

Исходные материалы национальных комиссий будут опубликованы в форме CD-rom нидерландской фирмой IDC в Лейдене по окончании всей публикации. В публикации предусматриваются два вида представления данных: по языковым группам и по странам, а позже, в конце работы над проектом, – по вопросам. Таким образом, научный мир получит возможность верификации уже опубликованных карт, сможет предложить свои варианты карт, отличающиеся от опубликованных, сможет составить карты по 300 вопросам, которые не были отобраны для публикации по разным мотивам, и исследовать материалы малоизученных диалектов, доступных только в архивах ЛАЕ.

Были картографированы и опубликованы следующие вопросы Первого вопросника ЛАЕ: радуга, туман, сосулька, молния (сверкающая в небе), молния (попадающая в объект), град, снег, облако, солнце, луна, гром, ветер, идет дождь (синтаксическая и мотивационная карты), пруд, лужа, озеро, море, река, ручей, понедельник, вторник, неделя, медь, олово, гора, свинец, ветка, дерево, орешник, береза, сосна, тополь, дуб, груша, можжевельник, малина, ежевика, терн, гречиха, капуста, помидор, огурец, цветок, василек, подсолнух, овес, кукуруза, кузнечик, божья коровка, соловей, ласка, собака, бабочка, кузнечик, светлячок, колесо, расческа, колдунья, девяносто, Рождество. Количество опубликованных карт с комментариями не равно количеству соответствующих вопросов, так как один вопрос может иметь одну трактовку, ономасиологическую или мотивационную, кроме того, даже при наличии одной из трактовок материалы могут картографироваться более чем на одной карте, тесно связанные между собой вопросы могут быть представлены структурной картой или объединенным комментарием.

ЛАЕ является долгосрочным проектом, его историю можно разделить на периоды: нидерландско-немецкий (до 1987 г.), немецко-итальянский (до 1998 г.), немецкий (по 2005 г.), румынско-итальянский (по настоящее время) – не только в соответствии с тем, в каких странах находятся руководящие органы ЛАЕ, но и в соответствии с концепциями работы. Менялись финансирующие организации, на смену нидерландскому издательству Van Gorcum пришло итальянское издательство Poligrafico (Монетный двор Италии), были внесены изменения в саму структуру ЛАЕ в связи с изменениями, происшедшими в Восточной Европе с 1989 г.: было создано несколько новых национальных комитетов, в частности, в Белоруссии, Латвии, Литве, Молдавии, Словакии, Словении, Украине, Хорватии, Чехии, Эстонии, новой Югославии; были объединены в один два немецких комитета. Балто-славянский департамент ЛАЕ был преобразован в два департамента – славянский и балтийский, однако авторам карт материалы по-прежнему предоставляются с национальными комментариями (по каждому языку отдельно) и с балто-славянскими материалами, сведенными вместе. Соответственно была пересмотрена карта-бланковка, к тому же ее масштаб был увеличен с 1:10 000 000 до 1:7 000 000.

Большая сложность работы над ЛАЕ, замедляющая ее темпы, заключается не только в новых научных требованиях, но и в сложности самого объекта, от-

ражающего европейскую языковую ситуацию, и в сложности организационной структуры ЛАЕ.

«Лишь те авторы, которые писали для ЛАЕ, испытали невероятную сложность совмещения всех различных синтезов, составленных департаментами языковых семей и групп языков и национальными комитетами (кельтским, германским, романским, славянским, балтийским, греческим, албанским, уральским, тюркским, кавказским, баскским, мальтийским и т.д.), по одной-единственной карте, наполняя смыслом собрание материалов, происходящих более чем из 2600 населенных пунктов. Проблемы, с которыми сталкиваются авторы, неравнозначны, от четкой и последовательной этимологии на индоевропейском уровне до выбора различительных уровней для фонетики и морфологии, до составления читабельной легенды, до выбора подходящих символов для передачи ареальной дистрибуции. Именно на этом этапе авторы ЛАЕ затрачивают больше всего времени, и именно этим они занимаются в течение длительного времени [Alinei, 1998, 31]. Помимо этого, еще больше времени требуется на компьютерную подготовку рабочих карт и легенд, на различные этапы внесения исправлений и для редакторской правки. Чтобы в какой-то мере исправить это положение, во многих странах публикуются материалы языковых департаментов и комментарии к картам до того, как они попадут в издания ЛАЕ. В сборниках ОЛА в Москве были опубликованы статьи Д. Брозовича (Загреб) и Э. Тенишева «Дуб», А. Васильевой «Черника», В. Гака «Сноха», Н. Донадзе «Зеркало», А. Дыбо «Орешник», Н. Кожиной «Ежевика».

Первый вопросник ЛАЕ исключительно лексический, кроме того, он зависел при составлении от уже существующих вопросников. Когда был издан Второй вопросник [1979], стало ясно, что инновации, внесенные ЛАЕ, относятся не только к масштабу карты и многоязыковому подходу. Второй вопросник предусматривал проведение новой полевой работы по синтаксису, морфологии, фонологии и фонетике (включая историческую фонологию) и лексике. Лексическая часть вопросника также отличается от Первого вопросника большей последовательностью и богатством. Она имеет разделы семантических полей, ономасиологии и семасиологии. Эти разделы весьма инновативны. Даже самый традиционный для лингвистической географии лексический раздел имел бы чрезвычайно интересные результаты, будь он картографирован. К настоящему времени некоторыми национальными комитетами ЛАЕ была проведена большая подготовительная и практическая работа (в республиках бывшего Советского Союза, особенно в Белоруссии и в Молдавии, а также в Португалии, Нидерландах и Германии). В настоящее время экономическая и политическая ситуация не позволяет организовать и координировать новые полевые работы по Второму вопроснику по всей территории Европы, однако сохраняется возможность отбора более простых вопросов и их картографирование на упрощенной сетке [Alinei, 1998, 32].

Работа над ЛАЕ показала, что Европа действительно является единой. Метод, применяемый в рамках ЛАЕ, вносит значительный вклад в исследование культурного развития Европы. Элементы истории культуры берутся из трех различных источников: заимствованные слова, этимологии в узком смысле реконструкции корней и этимологии в широком смысле, каковыми и являются мотивации.

Сама по себе идея картографирования мотиваций витала в воздухе и до появления ЛАЕ, например М. Кууси составил много карт с мотивациями названий «грибного дождя» во всем мире [Kuusi, 1957], С. Утешены [Утешены, 1977] опубликовал статью по карте Общеславянского лингвистического атласа о названиях божьей коровки, учитывая классификации В. Важного [Vážný, 1972], см. также J. Stroop [1969] в работе о названиях цветка.

Заслугой ЛАЕ, по мнению М. Алинеи [Алинеи, 1993; 1996a,b,c; 1997], является систематизация соответствующей теории и введение практики мотивационной картографии. В так называемых мотивационных картах ЛАЕ при изложении мотивов слов авторы перешагивают границы этимологии, задавая вопросы о причинах и мотивах для названия определенных предметов. Во многом теоретической основой концепции Атласа послужили исследования М. Алинеи по теории мотивации [Alinei, 1974, 499–503; 1980, 289–305; 1998].

Ясно, что, по сравнению с другими подходами, интерес к мотивационному подходу был весьма слабым, поскольку региональные и национальные атласы дают мало материалов для этого, а также и потому, что границы между семантическим и мотивационным подходом размыты. При этом в ЛАЕ используются и традиционные ономасиологический и семасиологический методы: цель первого узнать назначение различных вещей и событий, цель второго – выявить значение данного слова.

Первые две мотивационные карты ЛАЕ были различны: в карте «кузнечик» [Avanesov, Donadze, Ivanov, 1983] авторы сосредоточились на классификационной и описательной группировке без объяснений разных мотиваций и их историко-культурного фона. Причиной тому была недостаточная ясность связи между *кузнечиком* и самыми прозрачными мотивациями его обозначений, а также слабая мотивационная типология названий *кузнечика* в диалектах языков Европы.

Карты «радуга» [Alinei, 1983], напротив, описывают яркое магически-религиозное явление с множеством мифологических мотиваций, таких как «ведьмин пояс», «зуб дракона», «дуга Ноя» и т.д. О христианизации и исламизации в Европе свидетельствуют названия многих природных явлений, и радуга является типичным примером всей лексико-географической стратиграфии. Благодаря континентальному масштабу при мотивационном подходе сотни различных названий специально отобранных вопросов легко выстраиваются в несколько классификационных групп. Среди различных явлений природы радуга отличается во всей Европе чрезвычайно большим количеством антропоморфных мотиваций. «Пояс Завета», «Божья дуга», «дуга святого Мартина/Марка/Бернара/Иоанна, Марии» у христиан, «дуга Аллаха», «мост молящегося» навеяны историческими религиями. Подобные названия являются наиболее поздними. Предшествующий слой – языческий антропоморфный, подобно формам «пояс Laume» в балтийских языках, «дуга Ukko» в финно-угорских языках, «дуга лука Перкунаса» в литовском, Iris и ‘старуха’ в романских и славянских языках, и до него – самый древний зооморфный (в разных европейских ареалах радуга может представать как дельфин, дракон, корова, хобот, червь, сосущие воду). Очевидно, что все европейские народы, хотя и в разной степени, принимали участие в этом развитии. Такой подход, родившийся в рамках ЛАЕ, позволяет отвлечься

от формальных различий между языками и сосредоточиться на сходных или одинаковых идеологических и культурных представлениях для исследования «мотивационного метаязыка» [Алинеи, 1993, 130], общего для всех языков мира. Этот метод также представляется весьма продуктивным для междисциплинарных исследований в связи с историей религий, этнологией, археологией, культурной антропологией.

К этому же слою относятся несколько обозначений Рождества [Alinei, 1998, 253–291] христианского происхождения. К ним принадлежат, например, мотивы ‘Христова месса’, ‘рождение Христа’ и ‘день Христа’ в английском, нидерландском, немецком, испанском, баскском, сардском, греческом и албанском языках, а в основе большей части названий этого праздника лежит зимнее солнцестояние дохристианских времен.

Много названий животных магического и религиозного происхождения. К обозначениям ласки [Alinei, 1986] относятся, например, английское ‘фея’, французское ‘колдунья’, немецкое ‘девушка’, сардское ‘Диана’ и русское ‘домовой’, а также табуистические мотивы: *donnola* ‘девчушка’ в итальянском, *belette* ‘красивая девочка’ во французском языке. Божья коровка [Barros-Ferreira, 1990] связана в финно-угорских языках с богом *Ukko*, в северной Германии с духом *Pucken*, в румынском с *Paparuga* ‘ведьмой’, в итальянском и в австрийском с эльфом, в греческом языке с *Moira*. Кузнечик [Avanesov, Donadze, Ivanov 1983] появляется в Италии под названием ‘беременной матери’ или ‘дамы’, во Франции – ‘девушки’.

В. Пропп [1946] первым показал, что в современной народной литературе сохраняются древние мифы и представления. Его наблюдения имеют огромное значение при интерпретации лингвогеографических данных, которые показывают, что европейская история культуры состоит не из отдельных, совпадающих в ряде случаев явлений, а находится в русле общих прозрачных структур, охватывающих три страта.

Христианский и исламский страт (при преобладании христианского элемента), как самый молодой, занимает первое место в данных ЛАЕ. Одновременно с ним присутствуют два дохристианских страта: зооморфный и антропоморфный. Отобранные для картографирования референты (дикие животные и природные явления) принадлежат к тем двум понятийным категориям, которые часто бывают связаны с магически-религиозными наименованиями.

Вера в то, что колдуньи под видом бабочек крадут масло, молоко и сливки, была широко распространена у германских народов. Нидерландские слова *boterhex, boterwijf* ‘масляная колдунья’ ясно указывают на веру в ведьм. В Европе встречаются также христианские обозначения бабочки, в основном в южной части Европы, такие как ‘маленький ангел’, ‘маленькая пасха’ или ‘жена папы’. Названия из христианского страта встречаются в Финляндии – ‘птица святой Бригиты’. См. четыре карты и комментарий названий бабочки в 5-м томе ЛАЕ [Contini. 5, 147–193].

В трех мотивационных картах, посвященных обозначениям светлячка [Barros-Ferreira, 5, 195–249], анализ лексических форм соединяется некоторыми аспектами истории европейской культуры. В чешском, словацком, словенском,

латышском, литовском, французском и испанском языках он называется ‘святой Иоанн’, ‘радостный огонь святого Иоанна’, ‘свет святого Иоанна’, ‘искра святого Иоанна’ в христианском страте, и в его названиях также прослеживаются антропоморфный и зооморфный страты.

Названия божьей коровки [Barros-Ferreira, Alinei, 4] по частотности прежде всего являются сочетанием христианского или исламского обозначения и названия животного: птица Богородицы (в английском *lady-bird*), курица Марии (в датском *marihyne*, во французском *poulette au bon Dieu* ‘курочка Бога’), корова Богородицы (в английском *lady-cow* или *cow-lady*, в русском *божья коровка*, во французском *vache a Dieu* ‘божья корова’, в итальянском ‘коровка Мадонны’), вол (в испанском *buey de Dios* ‘божий вол’), жук (в немецком *Marienkäfer* ‘жук Марии’, в английском *lady-bug* ‘жук Богородицы’) или маленькое животное (в нидерландском [*Onze*] *Lieveheersbeestje* ‘маленькое животное (нашего) милого Бога’), или имена святых, как, например, итал. *San Martino, San Giovanni, San Nicola*, фр. *Saint Jean, Saint Jacques, Sainte Catherine,* то же в испанском. Исламские части обозначения могут быть ‘Аллах’, ‘мечеть’, ‘Фатима’.

Мотивацией многочисленных названий растений являются ‘черт’ или ‘святой’, ‘священник’, ‘монах’ или ‘архангел’.

Наиболее архаический, зооморфный и тотемный слой существует со времен бесклассового общества, когда реалии обозначались или названиями животных или терминами родства. Эти данные относительно малочисленны по сравнению с антропоморфным или христианско-исламским стратами.

Риглер [Riegler, 1987] писал о древнем тотемном восприятии диких животных и насекомых как самых близких родственников человека, что находило свои соответствия в терминах родства. По Проппу [Пропп, 1946], тотемное животное в основном воплощается ‘матерью’ или родственниками по женской линии. Заслуга М. Алинеи в том, что эта теория подтвердилась на огромном материале языков разных семей в масштабе Европы. Множество терминов родства в связи с названиями божьей коровки, таких как ‘бабушка’, встречается в польском, русском, сербскохорватском, мордовском, удмуртском и финском языках; ‘мать’ – в румынском, белорусском, татарском и башкирском; ‘тетя’ – в итальянском и немецком; ‘невеста’ и ‘супруга’ – в турецком, албанском, македонском и итальянском языках. Слово ‘дедушка’ в значении божьей коровки употребляется в шведском и мальтийском, ‘дядя’ – в албанском языке.

В виде родственницы появляется бабочка в ретороманском слове *mamma-donna* ‘бабушка’, в немецком названии ‘мать’ и в уральских обозначениях ‘отец’ и ‘дедушка’.

В названиях ласки также имеются многочисленные термины родства: слово ‘невеста’ встречается в турецком, болгарском, румынском, итальянском, греческом, албанском и немецком языках; ‘невестка’ – в португальском, итальянском, турецком и венгерском языках, а также ‘крестная’ в Испании (*comadreja*), ‘крестный’ в Германии и ‘мать’ в Англии.

В обозначениях явлений природы примером тотемной мотивации служат финно-угорские термины родства ‘отец’ и ‘дедушка’, употребляемые в качестве обозначения грома [Goeman, Hogerheijde, 3], как и ненецкое слово ‘дедушка’,

употребляемое в значении луны [Brozović, 1]. Часто встречаются названия животных: в обозначениях радуги встречаются слова ‘дракон’, ‘змея’, ‘бык’, ‘корова’, ‘лиса’ и ‘пьющее животное’ в подавляющей части языков и диалектов Европы. Встречаются зооморфные мотивации ‘дракон’ или ‘змея’ для обозначения грома, а также ‘кит’ или ‘дельфин’ – для обозначения молнии [Goeman, Hogerheijde, 3]. Туман [Itkonen, 1] ассоциируется с ‘лисой’ и ‘волком’ во Франции и в Германии.

Таким образом, в развитии культуры в Европе существует следующая закономерно повторяющаяся структура: термин родства или зооморфное название реалии, затем антропоморфное название и, наконец, христианское или исламское название.

Помимо мотивационных и традиционных ономасиологических карт в рамках атласа была подготовлена единственная синтаксическая карта «Идет дождь» [Saarinen, 5]. две семантические карты «Невестка» и «Зять» [Гак, Донадзе; в печати] и две так называемые ностратические карты: С. Старостин «Малина» (в рукописи) и А. Дыбо «Орешник» [Dybo, 2007]. Эти обозначения входят в категорию «культурных слов», во все эпохи широко подвергавшихся заимствованию, и зоны их распространения представляют определенный интерес для выяснения древних контактов между народами Европы. Эти карты закономерно имеют ностратический характер, так как сам корпус данных этих двух вопросов прекрасно подходит для ностратического комментария.

Многие особенности номинации ‘зятя’ становятся более очевидными при сопоставлении их с номинациями соотносительного понятия ‘невестки’. Большее разнообразие и ясность номинаций невестки по сравнению с наименованием зятя объясняется, видимо, патрилокальностью брака у народов Европы (невестка приходит жить в дом мужа). Классификация номинаций в комментарии к карте делается по объему значения (по совокупности сем), по внешней форме номинации (простое слово, производное слово, сложное слово, словосочетание), по внутренней форме номинации (относительные и описательные признаки, взятые за основу при наименовании). В индивидуализирующих обозначениях (ср. рус. *зять*, *шурин*, *деверь*, *сноха* и т.п.) системные связи терминов и объектов не отражаются. В классификационных системах обозначения некоторые различительные компоненты значений получают собственное обозначение, повторяясь в ряде терминов родства, так что форма номинации отражает в известной степени системные отношения между членами лексического (и понятийного) поля. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на разнообразие языковых семей, наименование зятя в языках Европы восходит к определенным типам внутренней формы, которые обусловлены объективными признаками самого объекта. Названия зятя часто связаны с идеей «знакомый», тогда как «невеста, невестка» – «незнакомая», «пришедшая». В некоторых языках (кавказских, испанском) зять/невестка могут нейтрализоваться в значении основы.

Однако и ономасиологический, и семасиологический, и мотивационный подходы ориентированы на прошлое, поэтому естественно ожидать от ЛАЕ помощи при выяснении вопроса об этнолингвистическом происхождении Европы. В принципе, мотивации гораздо менее информативны на географическом уровне, чем на уровне межкультурных исследований. Заимствованные слова принадлежат

обычно к историческому периоду, и в большинстве случаев они относительно молоды, и можно в большинстве случаев проследить пути их распространения. В то же время реконструированные корни восходят к глубокой древности, поэтому часто их мотивация непрозрачна и не может анализироваться. Исследование мотивации слов позволяет, полностью отвлекаясь от формы слов, заниматься подобными или соответствующими друг другу изображениями реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алинеи М.* Лингвистический атлас Европы: первые двадцать два года // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 120–135.

2. *Брозович Д., Крейсен Ю., Тенишев Э. Р.* Названия дуба в европейских диалектах (по материалам карты 53 «Дуб» ЛАЕ) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1989. С. 85–102.

3. *Васильева А. О.* Названия черники в языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1989. С. 113–120.

4. *Гак В. Г., Донадзе Н. З.* Названия зятя по материалам Лингвистического атласа Европы // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 143–150.

5. *Гак В. Г.* Сноха (по материалам Atlas Linguarum Europae) // Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 720–730.

6. *Донадзе Н. З.* «Второй вопросник» «Лингвистического атласа Европы». История вопроса, состояние работы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1996. С. 98–105.

7. *Донадзе Н. З.* Некоторые аспекты карты «Зеркало» в «Лингвистическом атласе Европы» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 2000. С. 88–96.

8. *Донадзе Н. З.* Новые перспективы в лингвогеографии. Лингвистический атлас Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 2004. С. 102–112.

9. *Дыбо А. В.* О названиях орешника в индоевропейских языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1989. С. 103–112.

10. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.

11. *Утешены С.* Названия божьей коровки (Coccinella septempunctata) в Общеславянском лингвистическом атласе (Прага) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1977. С. 16–33.

12. *Фирек В.* Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры: результаты исследований в рамках проекта *Atlas Linguarum Europae* // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 30–39. Пер. Н. З. Донадзе.

13. *Alinei M.* The structure of meaning // A semiotic landscape: Proc. of the First congress of the International association for semiotic studies. Milano, 1974. B., 1979. P. 289–305.

14. *Alinei M.* Arc-en-ciel // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 1. Assen, Van Gorcum, 1983. P. 47–48.

15. *Alinei M.* Belette // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 1. Assen, Van Gorcum, 1983. P. 145–224.

16. *Alinei M.* Noël // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 5. Rome. Poligrafico. 1998. P. 253–289.

17. *Alinei M.* Theoretical aspects of lexical motivation // Mål i sikte. Almquist&Wiksell Tryckeri, Uppsala, 1996a, 1–10.

18. *Alinei M.* Aspetti teorici della motivazione // Quaderni di semantica, a. XVII, n. 1, giugno 1996d, 7–17.

19. *Alinei M.* Origini delle Lingue d'Europa. Vol. 1: La Teoria della Continuità. Bologna: Il Mulino. 1996.

20. *Alinei M.* Magico-religious Motivations in European Dialects: A Contribution to Archaeolinguistics // Dialectologia et Geolinguistica 5, 1997. P. 3–30.

21. Atlas Linguarum Europae. Introduction. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1975.

22. Atlas Linguarum Europae. Premier Questionnaire. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1976.

23. Atlas Linguarum Europae. Second Questionnaire. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1976.

24. Atlas Linguarum Europae. I. 1: Cartes et Commentaires Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1983.

25. Atlas Linguarum Europae. I. 2: Cartes et Commentaires. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1986.

26. Atlas Linguarum Europae. I. 3: Cartes et Commentaires. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1988.

27. Atlas Linguarum Europae. I. 4: Cartes et Commentaires. Van Gorcum. Assen/Maastricht, 1990.

28. Atlas Linguarum Europae. I. 5: Cartes et Commentaires. Poligrafico. Roma, 1998.

29. Atlas Linguarum Europae. Perspectives nouvelles en géolinguistique. Poligrafico. Roma, 1998

30. Atlas Linguarum Europae. I. 6: Cartes et Commentaires. Poligrafico. Roma, 2003.

31. Atlas Linguarum Europae. I. 7: Cartes et Commentaires. Poligrafico. Roma, 2007.

32. *Avanesov R., Donadze N., Ivanov V.* Sauterelle // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 1. Van Gorcum, Assen/Maastricht, 1983. P. 147–170. Cartes 18, 19.

33. *Barros-Ferreira M., Alinei M.* Coccinelle // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 4. Assen, Van Gorcum, 1990. Cartes 42–44.

34. *Barros-Ferreira M.* Ver luisant // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 5. Rome, Poligrafico, 1998. P. 195–252.

35. *Brozović D.* Lune // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 1. Assen, Van Gorcum, 1983. P. 9–18.

36. *Contini M.* Papillon // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 5. Rome. Poligrafico.1998. P. 147–193.

37. *Dybo A.* Noisetier // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 7. Rome. Poligrafico. 2007. P. 55–84.

38. *Goeman A. C. M., Hogerheijde H.* Eclaire // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 3. Assen, Van Gorcum, 1988. Cartes 31, 32.

39. *Goeman A. C. M., Hogerheijde H.* Foudre // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 3. Assen, Van Gorcum, 1988. Cartes 30, 32.

40. *Itkonen T.* Brouillard // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 1. Assen, Van Gorcum, 1983. P. 19–30.

41. *Kuusi M.* Regen bei Sonnenschein. Zur Weltgeschichte einer Redensart. Helsinki, F. F. Communications № 171, 1957.

42. *Riegler R.* (1937, repr. 1987): Tiergestalt and Tiernamen // Bächtold-Stäubli, Hoffmann-Krayer. Vol. 8, 819–842 and 863–901.

43. *Saarinen S.* Il pleut // Atlas Linguarum Europae. Fasc. 5. Rome. Poligrafico.1998. P. 1–34.

44. *Stroop J.* Pardebloem à la carte. Amsterdam, 1969.

45. *Vážný V.* Stosedmdesát jmen pro sluněčko sedmitečné. «Čeština všední i nevšední». Praha, 1972.

Поступила в редакцию 3.10.2011

N. B. Donadze

The Linguistic Atlas of Europe: 1971–2011 years

The Linguistic Atlas of the Europe is the largest research project on language by the linguistic geography. A great amount of material collected from all over the European continent has allowed to know a lot of secrets in onomasiology an semasiology.

Keywords: Linguistic Atlas of Europe, motivational map, onomasiological map, semasiological map, etymology, reconstruction.

Донадзе Наталья Зурабовна,
ученый секретарь Российской комиссии лингвистического атласа Европы,
старший научный сотрудник Института языкознания РАН
г. Москва
E-mail: natascia_kirov@mail.ru

Donadze Natalia Zurabovna,
Scientific Secretary of the Russian Committee of the European Linguistic Atlas,
The senior research assistant of
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow
E-mail: natascia_kirov@mail.ru

УДК 81’282(511.131)

Р. Ш. Насибуллин

ФИКСАЦИЯ НАЗВАНИЙ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В УДМУРТСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ*

Впервые в истории удмуртского языкознания приводятся русские заимствования, относящиеся к названиям животных, обитающих за пределами территории проживания удмуртов. Материалы для статьи извлечены из составляемого лабораторией лингвистического картографирования и исторической лексикологии «Историко-хронологического словаря русских заимствований удмуртского языка».

Ключевые слова: русские заимствования, названия экзотических животных.

Источником для настоящего сообщения послужили материалы из составляемого лабораторией лингвистического картографирования и исторической лексикологии «Историко-хронологического словаря русских заимствований удмуртского языка», на сегодня содержащий уже свыше 45 000 словарных статей. Среди слов имеются названия экзотических животных, обитающих в разных концах нашей планеты. Прежде чем войти в удмуртский язык, эти слова прошли долгий путь. Они были собраны по большей части европейскими колонизаторами при активном участии естествоиспытателей и миссионеров. Затем они попадают в книги разных европейских стран, в свою очередь переведенные на русский язык. В конечном итоге названия экзотических животных были систематизированы в научных целях. Позднее русский язык стал языком-посредником по отношению к народам, живущим в составе Российской империи, включая удмуртов. Интересующая нас лексика проникала в удмуртский язык преимущественно через книжную письменность, так же как русский язык заимствовал эти слова через книжно-письменный язык из греческого, латинского, голландского, испанского, португальского, английского, немецкого, финского и других источников. Среди таких слов в русском языке имеются и кальки типа *лирохвост, буревестник, дикобраз, морской котик, шилозуб* и некоторые др. Но удмурты их калькированию не подвергали.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00–304а.

Динамика первой фиксации названий экзотических животных в удмуртских письменных источниках по отдельным годам выглядит следующим образом (слова, помещенные на страницах академического Удмуртско-русского словаря 2008 г., выделены *курсивом*):

1785: *лев*, *обезьян, павлин*, *слон*

1847: акрида**,** *верблюд*, ехидна, *кит*

1880: осётр

1887: осёл

1888: *барс*

1889: *гиена*, канарейка, сельдь, *страус*, сом, *тигр*

1892: аспид, стерлядь

1905: *леопард*

1896: лошак

1904: *скорпион*

1907: *саранча*

1908: *горилла*, *дикобраз*, колибри, *крокодил*, лирохвост, мартышка, *удав*, *черепаха*, *шимпанзе*

1919: *сёмга*

1920: *акула*

1923: *косуля*

1924: *антилопа*, *бегемот*, *бизон*, *буйвол*, *тӧдьы гондыр* ‘белый медведь’, *дельфин*, динго, дрофа, *жираф*, *зебра*, зебу, игуана, кайман, какаду, *кенгуру*, кондор, *коралл*, *кулан*, *лама*, макака, *морж*, павиан, *пантера*, песец, питон, *попугай*, пума, сурок, *суслик*, тапир, *треска*, тушканчик, *тюлень*, *фазан*, *шакал*, *ягуар*, *як*

1925:*,* мул

1926: морской свинка

1927: *устрица*

1929: пилозуб, *термит*

1930: *белуга*

1933: медуза

1934: казарка

1935: аркар, балобан, бантенг, варан, гаттерия, гиббон, *гиппопотам*, голотурии, *гриф*, *енот*, желтопузик, желточник, жемчужница, иваси, игрунка, *камбала*, *кобра*, коралловой полип, морской котик, *краб*, лангуст, ланцетник, лосось, муфлон, таймень

1938: *пингвин*

1940: *вобла,* соболь, морской ӵушъял

1941: антилопа-джейран, антилопа-дзер, антилопа-сайгак, *баклан*, енотовидной пуны, кабарга, *кета*, *марал*, нерпа-тюлень, *пеликан*, пятнистой олень.

1943: гарпия

1947: морской лев, морской свинка, серна, сиг

1950: *ондатра*

1952: анчоус, викунья, киви, ленивец, морской рак, морской черепаха, москит, муравьед, мускусной ош, полип, саламандра

1954: гнус, кайра, каменушка, карморан, мальма, мустанг, осьминог

1956: кобчик, лемминг, *сайгак*, сардина, северной олень, фламинго
1957: минога
1958: лори, цикада
1959: *буревестник*
1977: пиранья
1984: минтай
1986: *килька*
1987: амур, толстолобик
1992: *пони*
1993: бабуин, ронжа
1994: горец змеиный
1997: креветка, левиафан
2006: *горбуша*, кальмар, нерпа
2008: *лань*
2009: гризли, удод
2010: рипус, цесарка

Приведенный список состоит из 179 названий экзотических животных. Даже однотомник Альфреда Брема «Жизнь животных» (2002) содержит более 500 наименований животных, обитающих на разных материках и в морях нашей планеты. Авторы наиболее полного Удмуртско-русского словаря (2008), иногда называемого академическим, из указанного списка поместили только 65 наименований; в нем отсутствуют даже такие слова, как *колибри*, *лирохвост*, *медуза*, *минтай*, *лосось*, *фламинго* и др.

Наша база данных говорит о том, что фиксация слов протекала поэтапно, причем одни слова попадали в письменные источники довольно часто, другие – крайне редко. В большом количестве они фиксировались в школьных учебниках по зоологии и географии. Обо всем сказанном свидетельствуют нижеприведенные материалы.

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДУЮЩАЯ ФИКСАЦИЯ НАЗВАНИЙ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В УДМУРТСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

АКРИДА: 1847 акрида ‘акрида’ (род саранчи) (АзбГлаз., 75; АзбСар., 79; ГлазМатв., 12); **акрид** 1888 (ИслУч., 205); 2001 (НБибл., 310) < р. акрида < греч. akris.

АКУЛА: 1920 акул ‘акула’ (Сюрло, 17. 07); 1924 (ГердПТ, 61); акула 1931 (Вормомы, 72); 1933 (ГорьЛен., 57); 1942 (РУС, 3);1947 (РКыл. II, 181); 1950 (Шалаев, 120); 1951 (Тургенев, 51); 1954 (Мусатов, 118); 1956 (РУС, 21); 1959 (Орф., 38); 1971 (Йырт., 47); 1983 (УРС, 26); 1984 (Орф., 59); 1986 (М , № 10, 50; № 11, 51); 1989 (СУ 15. 01); 1994 (СБТ, 59); 1995 (И№ 1); 1997 (Уваров, 199); 2008 2002 (Орф. 61); (УРС, 37) < р. акула < др.-норв. Hakall.

АМУР: 1987 амур ‘амур’ (рыба) (СУ 12. 08); 1999 (УД 24. 12) < р. амур.

АНТИЛОПА: 1924 антилопа ‘антилопа’ (ГердПТ, 94); 1933 (Ант. дунне, 13); антилоп 1935 (Зоол., 22), антилопа (Зоол., 214); антилопа 1939 (Потем., 66); 1940 (География, 121); 1943 (Вашк., 12); 1947 (РКыл II, 175); 1950 (Шалаев, 229); 1952 (Ив., 100); 1956 (РУС, 24); 1959 (Орф., 39); 1983 (УРС, 31); 1984 (Орф., 61); 1994 (СБТ, 60); 1997 (Уваров, 131); 2002 (Орф. 64);2008 (УРС, 44) < р. антилопа < франц. antilope.

АНТИЛОПА-ДЖЕЙРАН: 1941 антилопа-джейран ‘антилопа-джейран’ (Чефр., 71); 1952 (Витк., 114) < р. антилопа-джейран.

АНТИЛОПА-ДЗЕР: 1941 антилопа-дзер ‘антилопа-дзер’ (Чефр.,101); < р. антилопа-дзер.

АНТИЛОПА-САЙГАК: 1941 антилоп-сайгак ‘антилопа-сайгак’ (Чефр., 141) < р. антилопа-сайгак.

АНЧОУС: 1952 анчоус ‘анчоус’ (название рыбы) (Ив., 26) < р. анчоус < исп. anchoa.

АРКАР: 1935 аркар ‘архар’ (парнокопытное животное рода баранов) (Зоол., 226) < р. архар < тюрк. argar.

АСПИД: 1892 аспид ‘аспид’ (вид змеи) (СлавСл., 2); 1908 (Час., 61); 1951 (Тургенев, 191); 1956 (РУС, 29); 2003 (ругат.) (УКыл, 171) < р. аспид < греч. aspis.

БАБУИН: 1993 бабуин ‘бабуин’ (обезьяна) (УД 16. 01) < р. бабуин < франц. babouin.

БАКЛАН: 1941 баклан ‘баклан’ (водоплавающая птица) (Чефр., 141); 1954 (Арсеньев, 148); 1997 (Уваров, 205); 1999 (К № 5, 20); 2008 (УРС, 57) < р. баклан.

БАЛОБАН: 1935 балобан ‘балобан’ (сокол) (Зоол., 178) < р. балобан.

БАНТЕНГ: 1935 бантенг ‘бантенг’ (животное из Азии) (Зоол., 226) < р. бантенг.

БАРС: 1888 барс ‘барс’ (ИслУч., 169), сьӧд барсы ‘черный барс’ 1916 (К. Герд, Чик юнме быро); 1922 (К, 18); 1931 (ВС, 213); 1941 (Чефр., 67); 1942 (РУС, 6); 1948 (Лерм., 41); 1952 (Витк., 125); 1956 (РУС, 34); 1959 (Орф., 44); 1983 (УРС, 40); 1999 (К № 5, 42); 2001 (НБибл., 268); 2002 (Орф., 69); 2006 (К № 1, 81); 2008 (УРС, 59) < р. барс < тюрк. барс ‘тигр, пантера’ (Фасм. I, 128). См. **ЛЕОПАРД**.

БЕГЕМОТ: 1924 бегемот ‘бегемот’ (ГердПТ, 100); 1935 (Зоол., 214); 1940 (ФГеогр., 121); 1942 (РУС, 7); 1952 (Ив., 141; Полевой, 264); 1953 (Зоя, 21); 1959 (Орф., 45); 1991 (К № 6, 55); 1992 (К № 9, 16); 1994 (Куака, 252); 1997 (Уваров, 131); 2002 (Орф. 70); 2003 (УД 15. 07); 2005 (УД 29. 04); 2006 (И № 2–3, 46; УД 22. 09); 2007 (ИовКнига, 67; К № 4, 101); 2008 (УРС, 62); 2009 (УД 12. 08); 2010 (УД 16. 07.) < р. бегемот < др.-евр. behemoth.

БЕЛУГА: 1930 белуга чорыг ‘белуга’ (название рыбы) (Г 17. 01); 1932 (Бруски, 193); 1935 (Зоол., 123); 1942 (РУС, 11); 1952 (Витк., 109); 1959 (Орф., 45); 1994 (УД 15. 01); 1997 (Уваров, 267); 1998 (К № 2, 56); 2008 (УРС, 63) < р. белуга. После падения Казани в 1552 г. удмурты были отогнаны от больших рек на расстояние одного лошадиного прогона и поэтому их обитатели белуга, стерлядь и сом для них стали экзотическими. Древние названия вытравлены из памяти народной. Позже удмурты этим рыбам дали русские названия.

БИЗОН: 1924 бизон ‘бизон’ (дикий бык больших размеров, близкий к зубру; в настоящее время сохранился в заповедниках) (ГердПТ, 96); 1952 (Ив., 161); 1956 (РУСл., 51); 1959 (Орф., 46); 2008 (УРС, 69) < р. бизон < лат. bison.

БУЙВОЛ: 1924 буйвол ‘буйвол’ (ГердПТ, 97); 1925 (Г 26. 07); 1929 (Г 3. 07); 1936 (ОстрКак, 174); 1940 (Нянь, 56); 1941 (Чефр., 122); 1947 (РКыл I, 175); 1949 (КазакКиз., 52); 1950 (Шалаев, 253); 1952 (Ив., 101); 1988 (М № 8, 53); 1989 (М № 6, 64); 1992 (К № 1, 22); 2002 (Орф. 77); 2008 (УРС, 80) < р. буйвол.

БУРЕВЕСТНИК: 1959 буревестник ‘буревестник’ (Орф., 49); 1960 (КПСС, 45); 2008 (УРС, 84) < р. буревестник.

ВАРАН: 1935 варан ‘варан’ (Зоол., 148); 1986 (М № 9, 10); 2006 (УД 27. 12); 2007 (К № 8, 75) < р. варан < лат. varanus.

ВЕРБЛЮД: 1847 вельбуд ‘верблюд’ (СарМатв., 147); 1858 (WiedDial., 249); 1880 (Wied., 551); велблуд 1892 (СлавСл., 8); верблюд 1898 (ПервУч., 40); 1908 (ЯкВтор., 31); 1916 (Косма–Дамиан, 5); 1924 (Г 3. 02); 1926 (Г 30. 03); 1929 (Г 5. 07); 1930 (Г 15. 01); 1931 (Королёв, 4); 1935 (Конвейер, 16); 1936 (НСл., 264); 1939 (Потем., 63); 1941 (Чефр., 84); 1947 (РКыл III, 193); 1948 (УРС, 45); 1950 (Шалаев, 152); 1951 (Тургенев, 231); 1952 (Витк., 94; Бабаев. I, 14; Ив., 161); 1953 (Зоя, 21); 1954 (ВМулт., 237); 1956 (РУС, 81); 1957 (Гаян, 70); 1958 (Карцов, 39); 1959 (Орф.,54); 1962 (Аэлита, 84); 1983 (УРС, 78); 1989 (М № 1, 49); 1990 (К № 2, 47); 1991 (К № 3, 48); 1992 (К № 11, 28); 1994 (ВК № 1, 89; К № 1, 5); 1996 (К № 4, 35); 1997 (ВК № 4, 89; Сйзён, 6; К № 7, 53); 1998 (К № 7, 57); 2002 (Орф., 91); 2003 (УКыл, 36); 2005 (Исаия, 41; К № 7, 47); 2007 (К № 8, 75; УД 30,01); 2008 (УРС, 115) < р. верблюд < готск. ulbandus.

ВИКУНЬЯ: 1952 викунья ‘викунья’ (копытное животное, вид верблюда) (Ив., 161) < р. викунья.

ВОБЛА: 1940 вобла ‘вобла’ (ФГеогр., 41).

ГАРПИЯ: 1943 гарпия ‘гарпия’ (хищная птица) (Вашк., 90) < р. гарпия < греч. Harpyia.

ГАТТЕРИЯ: 1935 гаттерия ‘гаттерия’ (класс ползучих) (Зоол., 152) < р. гаттерия.

ГИББОН: 1935 гиббон ‘гиббон’ (небольшая человекообразная обезьяна) (Зоол., 218); 1952 (Ив., 98) < р. гиббон< англ. gibbon.

ГИЕНА: 1889 гиена ‘гиена’ (зверь) (ИслБукв., 103); 1924 (ГердПТ, 97); 1926 (Кыл вал., 36); 1935 (Зоол., 210); 1940 (ФГеогр., 121); 1956 (РУС, 176); 1959 (Орф., 65); 1983 (УРС, 107); 2008 (УРС, 160) < р. гиена < греч. hyaina.

ГИППОПОТАМ: 1935 гиппопотам ‘гиппопотам’ (Зоол., 214); 1938 (Антирел., 99); 1994 (К № 1, 54); 2005 (И № 5–6, 83); 2008 (УРС, 161) < р. гиппопотам < греч. hippopotamios.

ГНУС: 1954 гнус ‘гнус’ (Арсеньев, 54) < р. гнус.

ГОЛОТУРИ: 1935 голотури ‘голотури’ (рыба) (Зоол., 128) < р. голотурии < греч. holothoyrion.

ГОРБУША: 1940 горбуша ‘горбуша’ (рыба) (ФГеогр., 41); 1986 (М № 9, 8); 2004 (К № 2, 108); 2006 (УД 22. 02); 2008 (УРС, 166) < р. горбуша.

ГОРЕЦ ЗМЕИНЫЙ: 1994 горец змеиный ‘горец змеиный’ (улитка) (К № 8, 36) < р. горец змеиный.

ГОРИЛЛА: 1908 горилла ‘горилла’ (ЯкВтор., 78); 1920 (ЧирдКн., 97); 1924 (ГердПТ, 99); 1925 (А 17. 04); 1935 (Зоол., 218); 1956 (Маар вал, 34; РУС, 186); 1959 (Орф., 66); 1983 (УРС, 112); 1994 (К № 7, 7); 2002 (Орф., 114); 2007 (К № 7, 89); 2008 (УРС, 167) < р. горилла < англ. horilla.

ГРИЗЛИ: 2009 гризли ‘гризли’ (канадский медведь) (УД 29. 12) < р. гризли.

ГРИФ: 1935 гриф ‘гриф’ (хищная птица) (Зоол., 177); 1952 (Витк., 125); 1959 (Орф., 67); 1989 (М № 1, 50); 2002 (Орф., 115); 2008 (УРС, 168) < р. гриф < греч. gryps.

ДЕЛЬФИН: 1924 *дельфин* ‘дельфин’ (ГердПТ, 61); 1935 (Зоол., 7); 1950 (Шалаев, 236); 1951 (Крузо, 60); 1952 (Ив., 193); 1959 (Орф., 71); 1971 (Кошкисез, 152); 1986 (М № 9, 15); 1994 (УД 15. 07; Атам., 13); 1996 (И № 2, 52); 1999 (К № 4, 39); 2000 (К № 2, 33); 2002 (Орф., 122); 2004 (И № 3–4, 39); 2005 (К № 4, 21); 2006 (УД 21. 11); 2007 (Быръем, 143); 2008 (УРС, 182); 2010 (29. 09); 2011 (18. 05) < р. дельфин < греч. delphis (delphos).

ДИКОБРАЗ: 1908 дикобраз ‘дикобраз’ (ЯкВтор., 82); 1920 (ЧирдКн., 99); 1959 (Орф., 72); 1983 (УРС, 123); 2008 (УРС, 184) < р. дикобраз.

ДИНГО: 1924 динго ‘динго’ (ГердПТ, 103); 1952 (Ив., 186) < р. динго < англ. dingo.

ДРОФА: 1924 дроф ‘дрофа’ (ГердПТ, 95); 1935 (Зоол., 170); 1941 (Чефр., 128); 1952 (Витк., 93; Ив., 25); 1979 (Яшина, 112) < р. дрофа.

ЕНОТ: 1935 енот ‘енот’ (Зоол., 228); 1959 (Орф., 77); 1988 (М № 5, 40); 1997 (Уваров, 62); 2002 (Орф., 129); 2008 (УРС, 200) < р. енот < голланд. genetta < араб. jarnait.

ЕНОТОВИДНОЙ ПУНЫ: 1941 енотовидной пуны ‘енотовидная собака’ (Чефр., 128) < р. енотовидная собака.

ЕХИДНА: 1847 эхидна ‘ехидна’ (ядовитая змея) (ГлазМатв., 184); 1863 (Evang.,85); ехидна 1904 (Ев. 1904, 80); 1912 (Еванг., 75), 1935 (Зоол., 196); 2007 (ИовКнига, 33) < р. ехидна < греч. echidna.

ЖЕЛТОПУЗИК: 1935 желтопузик ‘желтопузик’ (кузнечик) (Зоол., 147) < р. желтопузик.

ЖЕЛТОЧНИК: 1935 желточник ‘желточник’ (Зоол., 40) < р. желточник.

ЖЕМЧУЖНИЦА: 1935 жемчужница ‘жемчужница’ (моллюск) (Зоол., 55) < р. жемчужница.

ЖИРАФ: 1924 жираф ‘жираф’ (ГердПТ, 100); 1935 (Зоол., 214); 1939 (Потем., 66); 1940 (ФГеогр., 121); жирафа 1947 (РКыл III, 271); 1952 (Ив., 140); 1978 (Кылисько, 242); 1979 (Яшина, 83); 1989 (М № 4, 47); 1992 (Йыбыртты, 53); 2000 (К № 2, 61); 2002 (Орф., 133); 2005 (Матвеев, 149); 2008 (УРС, 210) < р. жираф < франц. giraffe.

ЗЕБРА: 1924 зебр ‘зебра’ (ГердПТ, 101); 1935 (Зоол., 214; Конв., 3); 1939 (Потем., 66); 1940 (ФГеогр., 121); 1947 (РКыл III, 272); 1950 (Шалаев, 229); 1952 (Витк., 94; Ив., 138); 1992 (К № 5, 59); 1997 (Уваров, 252); 2000 (К № 11–12, 85); 2002 (Орф., 141); 2003 (ВК № 8, 37; К № 4, 89); 2004 (И № 1–2, 6); 2005 (К № 7, 112); 2008 (И № 5–6, 85; К № 3, 111; УРС, 227); 2009 (УД 14. 08) < р. зебра < франц. zebra.

ЗЕБУ: 1924 зебу ‘зебу’ (ГердПТ, 98); 1952 (Ив., 102) < р. зебу < франц. zebu.

ИВАСИ: 1935 иваси ‘иваси’ (рыба) (Зоол., 129); 1939 (Потем., 42); 1988 (М № 12, 59) < р. иваси < япон.

ИГРУНКА: 1935 игрунка ‘игрунка’ (обезьяна) (Зоол., 217) < р. игрунка.

ИГУАН: 1924 игуан ‘игуана’ (ящерица) (ГердПТ, 102) < р. игуана.

ИШАК: 1941 *ишак* ’ишак’ (Чефр., 156); 1947 (РКыл II, 75); 1950 (Шалаев, 252); 1952 (Полевой, 12); 1956 (Фадеев, 210); 1982 (Самсонов, 134); 1987 (М № 10, 20); 1990 (К № 10, 63; № 12, 22); 1991 (К № 3, 63; № 8, 61); 1992 (К № 4, 63); 1994 (Атам., 27); 1996 (К № 2, 52); 1997 (Уваров, 17); 1998 (К № 7, 47); 1999 (К № 2, 34); 2000 (К № 1, 37); 2001 (НБибл., 54); 2003 (К № 11–12, 51); 2004 (И № 9, 30; Яратонэ, 49); 2005 (И № 1–2, 16); 2006 (УД 26. 07) < р. ишак < тюрк., ср. тат. ишэк.

КАБАРГА: 1941 кабарга ‘кабарга’ (горное животное) (Чефр. 119); 1954 (Арсеньев, 66) < р. кабарга < алт. тоорго.

КАЗАРКА: 1934 казарка ‘казарка’ (птица) (Выльвыл, 338) < р. казарка.

КАЙМАН: 1924 кайман ‘кайман’ (аллигатор) (ГердПТ, 101); 1952 (Ив., 161) < р. кайман< исп. caiman из кариб.

КАЙРА: 1954 кайра ‘кайра’ (птица) (Асеньев, 148) < р. кайра.

КАКАДУ: 1924 какаду ‘какаду’ (попугай) (ГердПТ, 54); 1958 (Маклай, 49); 1979 (Яшин, 112) < р. какаду < нем. Kakadu из малайского.

КАЛЬМАР: 2006 кальмар ‘кальмар’ (съедобный моллюск) К № 9, 75) < р. кальмар < франц. calmar.

КАМБАЛА: 1935 камбала ‘камбала’ (Зоол., 129); 1979 (Дыдык, 102); 1997 (Уваров, 267); 2002 (Орф., 163); 2003 (К № 9, 82); 2004 (И № 1–2, 6); 2007 (К № 1, 99); 2008 (ЕрмПозд., 258; УРС, 277) < р. камбала < финск. kampala.

КАМЕНУШКА: 1954 каменушка ‘каменушка’ (Арсеньев, 140) < р. каменушка.

КАМСА: 2002 камса, хамса ‘хамса’ (рыба) (Орф., 163) < р. хамса.

КАНАРЕЙКА: 1889 канарейка ‘канарейка’ (ИслБукв., 105); 1929 (К № 2, 41); 1957 (Ленин, 6); 1959 (Орф., 94) < р. канарейка < франц. canari.

КАРМОРАН: 1954 карморан ‘карморан’ (птица) (Арсеньев, 140) < р. карморан.

КЕНГУРУ: 1924 кенгуру ‘кенгуру’ (ГердПТ, 102); 1935 (Зоол., 203); 1940 (ФГеогр., 122); 1950 (Шалаев, 213); 1952 (Ив., 186); 1958 (Маклай, 41); 1992 (К № 11, 28); 1999 (К № 3, 49); 2002 (К № 5–6, 61; Орф., 168); 2003 (К № 3, 102); 2004 (К № 3, 111); 2005 (УД 6. 12); 2006 (И № 2–3, 76; К № 1, 7); 2008 (И № 11–12, 29; К № 8, 106; УРС, 292) < р. кенгуру < англ. kangaroo из австралийских.

КЕТА: 1940 кета ‘кета’ (ФГеогр., 41); 1941 (Чефр., 131); 2006 (УД 22. 02); 2008 (УРС, 296) < р. кета от нанайск. кета.

КИВИ-КИВИ: 1952 киви-киви ‘киви’ (птица без крыльев) (Ив., 189) < р. киви.

КИЛЬКА: 1986 килька ‘килька’ (М № 3, 60); 1987 (М № 9, 62); 1988 (М № 2, 59; № 6, 10); 1989 (М № 9, 14); 1993 (К № 4, 14); 2000 (К № 11–12, 45); 2002 (К № 11–12, 85; Орф., 172); 2005 (И № 7–8, 45); 2006 (И № 2–3, 8; К № 9, 73); 2007 (И № 3–4, 76; К № 9, 66); 2008 (К № 9, 103; 2008 (УРС, 302); 2010 (УД 18. 06) < р. килька < эст. kilu.

КИТ: 1847 кит чорыг ‘кит (букв. кит-рыба)’ (СарМатв., 88); кит 1877 (Ист., 60); кит чорыг 1863 (Evang., 41; кит чорыг, кит 1888 (Йывор, 12, 34); кит 1907 (РасскАгаф., 41); 1909 (Посл., 9); 1913 (Расск., 110); кит 1918 (Венчание, 23); 1920 (ЧирдКн., 107); 1924 (Кыр жив., 7); 1926 (А 8. 04); 1935 (Зоол., 212; Сьӧдэн, 45); 1938 (Амунд., 93); 1939 (Потем., , 42); 1942 (Яглинг, 5); 1947 (Р. кыл 3, 299); 1948 (УРС, 135); 1952 (Витк., 3); 1959 (Орф., 99); 1971 (Йырт., 49); 1983 (УРС, 200); 1997 (Уваров, 368); 2000 (И № 1–2, 23); 2002 (ВК № 8–9, 62; Орф., 175;); 2008 (УРС, 306); 2010 (уд 29. 09) < р. кит < греч. ketos.

КОБРА: 1935 кобра ‘кобра’ (Зоол., 149); 1986 (М № 9, 10); 1996 (К № 7, 7); 1998 (К № 3, 30); 2001 (К № 1, 64); 2002 (Орф., 176); 2005 (И № 11–12, 24; Матвеев, 125); 2006 (К № 3, 112) < р. кобра от португ. cobra – змея.

КОБЧИК: 1956 кобчик ‘кобчик’ (птица) (Основа, 351); 1988 (М № 6, 62); 2000 (К № 1, 55); 2008 (УРС, 309) < р. кобчик.

КОЗУЛЯ: 1938 козуля ‘козуля’ (вид змеи) (Полик., 54) < р. козуля.

КОЛИБРИ: 1908 колибри ‘колибри’ (ЯкВтор., 89); 1920 (ЧирдКн., 106); 1924 (ГердПТ, 102); 1979 (Яшина, 112); 1997 (Уваров, 194) < р. колибри < исп. colibri.

КОНДОР: 1924 кондор ‘кондор’ (хищная птица) (ГердПТ, 102); 1952 (Ив., 161) < р. кондор < исп. condor.

КОРАЛЛ: 1924 коралл ‘коралл’ (ГердПТ, 62); 1935 (Зоол., 246); 1939 (Потем., 37); корал 1940 (ФГеогр., 22); коралл 1950 (Гоголь, 81); 1997 (Уваров, 128); 2004 (И № 9, 18); 2006 (И № 11–12, 36); 2007 (ИовКнига, 44); 2008 (УРС, 319) < р. коралл.

КОРАЛЛОВОЙ: 1935 коралловой полип ‘коралловый полип‘ (Зоол., 34); 1952 (Иванов, 188) < р. коралловый полип.

КОСУЛЯ: 1923 косуля ‘косуля’ (Г 20. 10); 1928 (Г 5. 11); 1935 (Зоол., 235); 1941 (Чефр., 67); 1988 (СУ 15. 01); 2000 (И, № 7–8, 14; УД 12. 10; УД 12. 10); 2008 (УРС, 323) < р. косуля.

КОТИК: 1935 котик ‘котик’ (морское ластоногое млекопитающее) (Зоол., 211); 1941 (Чефр., 123) < р. котик.

КРАБ: 1935 краб ‘краб’ (Зоол., 56); 1939 (Потем., 42); 1941 (Чефр., 131); 1947 (РКыл III, 277); 1952 (Ив., 123); 1954 (Арсеньев, 127); 1958 (Маклай, 55); 1990 (К № 7, 9); 1995 (И, № 10, 11); 1999 (К № 4, 37); 2001 (К № 8, 39); 2002 (Орф., 188); 2008 (УРС, 333); 2010 (УД 3. 08.) < р. краб < голл. krab.

КРЕВЕТКА: 1999 креветка ‘креветка’ (К № 4, 37); 2004 (К № 8, 109); 2010 (УД 3. 08.) < р. креветка < франц. crevette.

КРОКОДИЛ: 1908 крокодил ‘крокодил’ (ЯкВот., 88); 1920 (ЧирдКн., 105); 1924 (Кыр жив., 14; ГердПТ, 98); 1935 (Зоол., 144); 1940 (ФГеогр., 120);1948 (УРС, 150); 1949 (Казак. Киз., 37); 1950 (Шалаев, 143); 1958 (Маклай, 10); 1959 (Орф., 108); 1960 (Тонэн, 37); 1962 (Яшин, 28; Тӧлсяська, 130); 1971 (Йырт, 47); 1976 (Яшин, 49); 1997 (Уваров, 131); 1983 (УРС, 219); 1984 (Гужем, 113); 1987 (Яшин, 53); 2002 (Орф., 188; ВК № 8-9, 62); 2006 (УД 24. 05); 2007 (ИовКнига, 68); 2008 (УРС, 334) < р. крокодил < греч. krokodeilos.

КУЛАН: 1924 кулан ‘кулан’ (ГердПТ, 94); 1941 (Чефр., 141); 1952 (Ив., 101); 2008 (УРС, 349) < р. кулан.

ЛАМА: 1924 лама ‘лама’ (ГердПТ, 102); 1952 (Ив., 161); 1971 (Йырт., 15); 1995 (Шузи, 222); 1998 (К № 5, 61); 2008 (УРС, 387) < р. лама < исп. llama.

ЛАНГУСТ: 1935 лангуст ‘лангуста’ (беспозвоночное животное) (Зоол., 63) < р. лангуст < франц. langouste.

ЛАНЦЕТНИК: 1935 ланцетник ‘ланцетник’ (представитель хордовых животных) (Зоол., 109); 1950 (Шалаев, 278) < р. ланцетник.

ЛАНЬ: 2008 лань ‘лань’ (И № 5–6, 84; Лаптев, 183; УРС, 388) < р. лань.

ЛЕВ: 1785 лев ‘лев’ (Крот., 119); 1887 (МУст., 51); 1888 (ИслУч., 92); 1889 (ИслРук., 111; ИслБукв., 100); 1892 (ПервУч., 38); леп 1906 (ПрилМилл., лист 111); лев 1907 (О загробн. 1907, 9); 1911 (Воины, 4); 1913 (Рассказы, 74); лев Г 1915 (О загробн., 8); лев 1924 (Кыр жив., 21; ГердПТ, 100); 1926 (Сюпсисьёс, 8); 1933 (Гук., 49); 1935 (Сьӧдэн, 31); 1936 (САА, 125); 1939 (Потем., 66); 1940 (ФГеогр., 116); 1943 (Вашк., 12); 1948 (УРС, 172); 1952 (Бульба, 30); 1954 (ВМулт., 240); 1956 (Мар вал, 8); 1958 (Карцов, 15); 1959 (Орф., 117); 1962 (Аэлита, 83; Яшин, 28); 1976 (Яшин, 49); 1979 (Дыдык, 31); 1983 (УРС, 254); 1987 (Яшин, 53); 1995 (Грэм., 71); 1997 (Сйзён, 442); 1999 (Псалтирь, 26); 2003 (УКыл, 210); 2005 (Исаия, 12); 2006 (ЭксэйКнига, 49); 2007 (ИовКнига, 44); 2008 (УРС, 391) < р. лев < др.-русск. < ст.-слав. львъ < лев, общесл. львъ < др.-верх.-нем. lewo < лат. leo.

ЛЕВИАФАН: 2009 левиафан кый ‘крокодил’ (Псалтирь, 104); 2000 (Псалтирь, 142); 2007 (ИовКнига, 5). В книге Иова левиафан считался морским чудовищем, а бегемот – чудовищем земноводным (Библ. Энциклопедия, 414).

ЛЕММИНГ: 1956 лемминг ‘лемминг’ (Мар вал, 15) < р. лемминг < норв. lemming.

ЛЕНИВЕЦ: 1952 ленивец ‘ленивец’ (животное) (Ив., 161); 1987 (М № 3, 29; № 11. 55); 1988 (М № 7, 2; № 9, 7); 1989 (М № 8, 62); 1991 (К № 8, 33); 2008 (УРС, 391) < р. ленивец.

ЛЕОПАРД: 1905 леопард ‘леопард’ (Мам., 12); 1900 (Живот., 420); 1924 (ГердПТ, 97); 1935 (Зоол., 6); 1943 (Вашк., 12); 1948 (УРС, 173); 1959 (Орф., 118); 1983 (УРС, 255); 1997 (Сйзён, 739; Уваров, 28); 2002 (Орф., 216); 2008 (УРС, 393) < р. леопард < лат. leopardus.

ЛИРОХВОСТ: 1908 лирохвост ‘лирохвост’ (ЯкВтор., 85) < р. лирохвост.

ЛОРИ: 1958 лори ‘лори’ (примат) (Маклай, 26) < р. лори.

ЛОСОСЬ: 1935 лосось ‘лосось’ (Зоол., 121); 1950 (Шалаев, 124); 1952 (Ив., 123); 1994 (УД 15. 01); 2003 (К № 5–6, 15); 2006 (И № 5–6, 15; УД 22. 02); 2009 (И № 1–2, 12) < р. лосось.

ЛОШАК: 1896 лошак С ‘осёл’ (помесь жеребца и ослицы) (Munk., 743); лошак 1932 (Бор., 168); 1936 (САА, 127) < р. лошак.

МАКАКА: 1924 макака ‘макака’ (примат) (ГердПТ, 97); 1952 (Ив., 100); 2009 (УД 04. 08) < р. макака < португ. macaco.

МАЛЬМА: 1954 мальма ‘мальма’ (*рыба*) (Арсеньев, 136) < р. мальма.

МАРАЛ: 1941 марал ‘марал’ (крупный сибирский и среднеазиатский олень с большими рогами) (Чефр., 128); 2008 (УРС, 423) < р. марал < тюрк. марал.

МАРТЫШКА: 1908 мартышка ‘мартышка’ (ЯкВтор., 82); 1920 (ЧирдКн. . 98); 1924 (ГердПТ, 97); 1935 (Зоол., 218); 1947 (РКыл III, 109); 1948 (УРС, 187); 1959 (Орф., 124) < р. мартышка.

МЕДУЗА: 1933 медуза ‘медуза’ (Ест., 27); 1935 (Зоол., 33); 1940 (ФГеогр., 38); 1950 (Шалаев, 38); 1996 (К № 7, 14); 2004 (И № 3–4, 59) < р. медуза.

МИНОГА: 1957 минога ‘минога’ (рыба) (Ленин, 85) < р. минога.

МИНТАЙ: 1984 минтай ‘минтай’ (рыба) (Гужем, 89); 1988 (М № 1, 10); 1989 (М № 1, 21); 1990 (К № 6, 8); 1999 (К № 3, 10); 2002 (К № 7, 14); 2004 (К № 2, 109); 2006 (К № 2, 109); 2007 (И № 3–4, 14) < р. минтай < вьетнам.

МОРЖ: 1924 морж ‘морж’ (ГердПТ, 92); 1938 (Амунд., 6); 1940 (ФГеогр., 38); 1941 (Чефр., 122); 1947 (РКыл II, 190); 1952 (Ив., 26); 1996 (УД 18. 01; УД 16. 07); 2002 (Орф., 236); 2008 (УРС, 438) < р. морж < финск. mursu.

МОРСКОЙ ЛЕВ: 1947 морской лев ‘морской лев’ (РКыл II, 199); 1992 (К № 11, 28) < р. морской лев.

МОРСКОЙ РАК: 1952 морской рак ‘морской рак’ (Ив., 123) < р. морской рак.

МОРСКОЙ СВИНКА: 1947 морской свинка ‘морская свинка’ (РКыл II, 200); 1956 (СУ 15. 01); 1986 (М № 8, 53); 2009 (УД 12. 08) < р. морская свинка.

МОРСКОЙ ЧЕРЕПАХА: 1952 морской черепаха ‘морская черепаха’ (Ив., 189) < р. морская черепаха.

МОРСКОЙ ӴУШЪЯЛ: 1940 морской ӵушъял ‘морской ёж’ (ФГеогр., 38). Полукалька с русского.

МОСКИТ: 1952 москит ‘москит’ (Ив., 142) < р. москит < исп. mosquito.

МУЛ: 1925 мул ‘мул‘ (домашнее животное, помесь осла и кобылы) (Г 22. 05); 1927 (Г 06. 07); 1933 (Гук., 188; Карпин., 85); 1952 (Иванов, 24); 1953 (Лин., 12); 1994 (К № 1, 5); 1995 (Леонтьев, 9); 1997 (Уваров, 17); 2001 (НБибл., 174); 2006 мул ‘мул’ (ЭксэйКнига, 139); 2008 (УРС, 442) < р. мул < лат. mulus.

МУРАВЬЕД: 1952 муравьед ‘муравьед’ (Ив., 161) < р. муравьед.

МУСКУСНОЙ ОШ: 1952 мускусной ош ‘мускусный бык’ (Ив., 161) < р. мускусный < лат. muscus от персид. musc «сильно пахнущий».

МУСТАНГ: 1954 мустанг ‘мустанг’ (сильно одичавшая лошадь) (Мусатов, 12) < р. мустанг < англ. mustang.

МУФЛОН: 1935 муфлон ‘муфлон’ (парнокопытное животное рода баранов) (Зоол., 226) < р. муфлон < фр. mouflon.

НЕРПА: 2006 нерпа ‘нерпа’ (К № 8, 112) < р. нерпа < финск. norpa.

НЕРПА-ТЮЛЕНЬ: 1941 нерпа-тюлень ‘нерпа-тюлень’ (Чефр., 115) < р. нерпа-тюлень.

НОСОРОГ: 1940 носорог ‘носорог’ (ФГеогр., 120); 1995 (К № 8, 3); 2002 (Орф., 247); 2004 (И № 7–8, 11); 2005 (И № 5–6, 39; К № 5–6, 112); 2007 (К № 10, 30); 2008 (УРС, 468); 2009 (УД 23. 01) < р. носорог.

ОБЕЗЬЯН: 1785 *обезьян* ‘обезьяна’ (Крот., 151); 1892 (ПервУч. 1892, 38); 1908 (ЯкВтор., 78); *обезян* 1918 (ВС 4. 06); *обезьян* 1919 (Г 8. 02); 1920 (ЧирдКн., 6); 1924 (Кыр, 17; ПТ, 97); 1925 (А 17. 04); 1926 (Сюпсисьёс, 12); 1929 (Пик, 14); 1930 (К № 12, 40); 1934 (Ӧжыт, 43); 1935 (Зоол., 216; Сьӧдэн, 21); 1939 (Потем., 66); 1940 (Улэм потэ, 37); 1943 (Вашк. ист., 33); 1947 (РКыл III, 57); *обезян* 1948 (УРС, 216); 1950 (Шалаев, 246); 1954 (ВМулт., 309); 1959 (Орф., 138); 1975 (УдЛ, 31); 1983 (УРС, 312); 1988 (М № 3, 62); 1992 (К № 1, 25); 1993 (К № 5, 7); 1995 (К № 1, 54); 1997 (К № 7, 4); 1998 (К № 1, 63); 2000 (К № 2, 29); 2001 (К № 3, 64);

2002 (К № 4, 7); 2004 (Яратонэ, 47); 2005 (И № 7–8, 20; К № 3, 4); 2006 (К № 11–12, 64); *обезьяна* (И № 6–7, 57); *обезян* 2007 (К № 7, 46); *обезьян* (И № 11–12, 65); 2008 (И № 11–12, 4; К № 1, 108); 2009 (И № 1–2, 59; Онегин, 94) < р. *обезьяна*.

ОМАР: 1935 омар ‘омар’ (крупный морской рак) (Зоол., 63) < р. омар < франц. homard.

ОНДАТРА: 1950 ондатра ‘ондатра’ (Шалаев, 60); 1989 (М , № 1, 57); 2008 (УРС, 495) < р. ондатра.

ОСЁЛ: 1887 *осёл* ‘осёл’ (Молитвослов, 61); 1892 (СлавСл., 20); *осёл* С 1892 (Wichm., 185); *осёл* 1897 (СлавСл., 28); 1907 (Агафодор, 30); 1912 (Еванг., 64, 135, 200; Закон, 77); 1924 (ПТ, 94); 1929 (К № 5, 8); 1931 (ВС, 124); 1939 (ОстрСильт., 95); 1941 *осёл* ‘осёл’ (Вамыш, 34); 1943 (Вашк. ист., 130); 1983 (УРС, 322); 1990 (К № 4, 31); 2002 (К № 5–6, 79); 2006 (К № 5–6, 83) < р. осёл.

ОСЁТР: 1880 *осетр* ‘осетр’ (Wied., 510); *осетр* С (Шарканская вол.) 1912 (Акц.); *осётр* 1925 (А 23. 06); 1935 (Зоол., 123); *осетр* 1952 (Витк., 109); *осётр* 1959 (Орф., 142); 1983 (УРС, 322) < р. *осетр.*

ОСЬМИНОГ: 1954 осьминог ‘осьминог’ (Арсеньев, 127; Мусатов, 120); 1988 (М , № 1, 19); 1992 (К № 9, 33) < р. осьминог.

ПАВИАН: 1924 павиан ‘павиан’ (ГердПТ, 100); 1935 (Зоол., 218); 1986 (М № 10, 48; № 11, 43) < р. павиан < нем. Pavian.

ПАВЛИН: 1785 павин ‘павлин’ (Крот., 160); 1880 (Wied., 513); 1924 (ГердПТ, 98); 1938 (Экзек., 36); 1940 (ФГеогр., 120); 1947 (РКыл III, 69); 1950 (Калин. Ком. в., 100); 1079 (Яшина, 112); 1983 (УРС, 327); 2003 (Кольцов, 238; УКыл, 210); 2006 (ЭксэйКнига, 205); 2007 (ИовКнига, 65); ~ кадь дйсяськемын ’одет как павлин’ 2008 (УЛ08, 296; павлин УРС, 505); 2010 (УД 9. 07) < р. павлин от лат pavo.

ПАНТЕРА: 1924 пантера ‘пантера’ (ГердПТ, 97); 1943 (ВашкИст., 66); 2002 (Орф., 267); 2008 (УРС, 512) < р. пантера < греч. panter.

ПЕЛИКАН: 1941 пеликан ‘пеликан’ (Чефр., 71); 1994 (К № 1, 53); 2008 (УРС, 519) < р. пеликан < греч. pelikan.

ПЕСЕЦ: 1924 песец ‘песец’ (ГердПТ, 92); 1947 (РКыл III, 301); 1952 (Ив., 25); 1956 (Мар вал, 15); 1986 (М № 8, 17); 1990 (К № 11, 40); 2006 (УД 22. 12) < песец.

ПИЛОЗУБ: 1929 пилозуб ‘пилозуб’ (Г 11. 08) < р. пилозуб.

ПИНГВИН: 1938 пингвин ‘пингвин’ (Амунд., 81); 1947 (РКыл II, 188); 1951 (Крузо, 68); 1952 (Ив., 193); 1979 (Яшина, 112); 2002 (ВК № 8–9, 62; Орф., 274); 2008 (УРС, 526) < р. пингвин < латин. pinguis.

ПИРАНЬЯ: 1977 пиранья ‘пиранья’ (хищная рыба) (СУ 10. 08) < р. пиранья.

ПИТОН: 1924 питон ‘питон’ (ГердПТ, 98); 2010 (УД 10. 02) < р. питон.

ПОЛИП: 1952 полип ‘полип’ (водное животное) (Иванов, 189) < р. полип < греч. polypus ‘многоногий’.

ПОНИ: 1992 пони вал ‘пони’ (порода лошади) (К № 6, 8); 2003 (К № 1, 29); 2008 (УРС, 538) < р. пони < нем. Pony < англ. pony < шотл. powny < лат. ‘жеребёнок’< pullus ‘дитёныш’.

ПОПУГАЙ: 1924 попугай ‘попугай’ (тропич. птица) (ГердПТ, 98); 1929 (Г 7. 12); 1940 (ФГеогр., 121);1942 (УП 16. 01); 1951 (Крузо, 67); 1952 (Ив., 99); 1953 (Зоя, 127); 1954 (Арсеньев, 129; Мусатов, 224); 1958 (Маклай, 55); 1960

(Тонэн, 114); 1962 (Тӧлсяська, 229); 1979 (Яшина, 112); 1987 (М № 10, 40); 1988 (М № 6, 14); 1989 (М № 11, 23); 1992 (Йыбыртты, 76; К № 3, 59); 1993 (К № 7, 63); 1997 (Уваров, 226); 2002 (Орф., 280); 2008 (УРС, 539); 2010 (УД 8. 09) < р. попугай < голл. papegaai < ст.-франц. papegai < исп. papagayo < араб. babagha.

ПУМА: 1924 пума ‘пума’ (американское хищное животное) (ГердПТ, 54); 1952 (Ив., 161) < р. пума < исп. puma.

ПЯТНИСТОЙ ОЛЕНЬ: 1941 пятнистой олень ‘пятнистый олень’ (Чефр., 128) < р. пятнистый олень.

РИПУС: 2010 рипус ‘рипус’ (название речной рыбы) (УД 27. 04) < р. рипус.

РОНЖА: 1993 ронжа ‘ронжа’ (птица) (ВК № 2, 24) < р. ронжа.

САЙГАК: 1956 сайгак ‘сайгак’ (Мар вал, 8); 2006 (ЭксэйКнига, 180); 2008 (УРС, 584) < р. сайгак.

САЛАМАНДРА: 1952 саламандра ‘саламандра’ (Ив., 100) < р. саламандра < греч. salamandra.

САРАНЧА: 1907 саранча ‘саранча’ (Агафодор, 23); 1913 (Иоанн 1913, 6); 1914 (Иоанн, 6; Филарет, 4); 1912 (Закон, 58); 1925 (А 21. 07); 1931 (Ольх., 9); 1936 (ОстрКак, 164); 1941 (ЛенВойна, 13); 1947 (РКыл III, 165); 1948 (УРС, 266); 1950 (Шалаев, 70); 1952 (Витк., 95); 1958 (Гаян, 80); 1959 (Орф., 167); 1983 (УРС, 383) 1996 (Кирень, 179); 1999 (Псалтирь, 12); 2001 (НБибл., 88); 2002 (Орф., 304); 2006 (ЭксэйКнига, 96); 2007 (ИовКнига, 66); 2008 (УРС, 589); 2010 (Кольцов, 33) < р. саранча.

САРДИНА: 1956 сардина ‘сардина’ (Горький, 261); 2002 (Орф., 304) < р. сардина < итал. Sardine.

СЕВЕРНОЙ ОЛЕНЬ: 1956 северной олень ‘северный олень’ (Мар вал, 8) < р. северный олень

СЕЛЬДЬ: 1889 *селёдка* ‘сельдь’ (ИслБукв., 101); *норвежской сельд* ‘норвежская сельдь’ 1917 (ВИ 26. 01); *сельди* 1921 (Г 9. 06); *селёдка чорыг* (букв. рыба селедка) (Г 26. 10); *сельдь* 1925 (А 24. 07); 1940 (ФГеогр., 41); 1942 (Фашистъёс, 24); 1950 (Шалаев, 118); 1959 (Орф., 168; 1983 (УРС, 386); 2006 *сельдь* ‘сельдь’ (К № 9, 96); 2010 (УД 3. 08) < р. сельдь.

СЁМГА: 1919 семга ‘семга’ (рыба) (Г 6. 03); 1940 (ФГеогр., 41); 2002 (Орф., 307); 2008 (УРС, 595) < р. семга.

СЕРНА: 1947 серна ‘серна’ (дикая коза в Альпах) (РКыл III, 232); 1954 (Герой, 14) < р. серна.

СИГ: 1947 сиг ‘сиг’ (рыба) (РКыл IV, 147) < р. сиг.

СКОРПИОН: 1904 скорпіон ‘скорпион’ (Ев. 1904, 210); 1912 (Еванг., 199); 2000 (УД 29. 12); 2001 (НБибл., 186); 2005 (УД 13. 05); 2008 (УРС, 604) < р. скорпион.

СЛОН: 1785 слон ‘слон’ (Крот., 203); 1888 (ИслРук., 105); 1892 (ПервУч. 1892, 38); 1908 (ЯкВот., 73); 1924 (ШЗ, 153); 1925 (А 23. 06); 1931 (ВС, 125); 1940 (ФГеогр., 120); 1947 (РКыл IV, 112); 1948 (УРС, 273; Скаткин, 63); 1956 (Мар вал, 8); 1959 (Орф., 172); 1962 (Яшин, 28; Метод., 197; Носов, 67; Юан, 61); 1976 (Яшин, 49); 1983 (УРС, 393); 1987 (Яшин, 53); 1995 (Шузи, 129); 1996 (Ваёбыж, 171); 1997 (Уваров, 49); 2002 (ВК № 8–9, 83; Орф., 312); 2005 (УД 29. 04); 2006 (УД 26. 07; ЭксэйКнига, 210); 2008 (УРС, 605) < р. слон.

СОБОЛЬ: 1940 соболь ‘соболь’ (ФГеогр., 118); 1941 (Чефр., 101); 1952 (Иванов, 100); 1987 (М № 5 , 45); 1992 (К № 2, 33); 1996 (К № 10, 25); 2000 (К № 1, 54); 2008 (И № 5–6, 86) < р. соболь.

СОМ: 1889 *сом* ‘сом‘ (рыба) (ИслБукв., 101); 1912 (ПервУч. 1912, 56); 1948 (УРС, 274); 1950 (Чехов, 76); 1959 (Орф., 173); 1983 (УРС, 395); 1991 (К № 3, 48); 1992 (К № 1, 31); 2004 (К № 2109); 2007 (И № 1–2, 66; № 2, 56); 2008 (И № 5–6, 121) < р. *сом*.

СТЕРЛЯДЬ: 1892 *стерлак* Г ‘стерлядь’ (***Wichm***., 225); *стерлядь* С 1912 (Акц.); 1932 (Бруски, 188); 1947 (РКыл IV, 147); 1951 *стерлядь* ‘стерлядь’ (Тургенев, 34); 1959 (Орф., 176); 1997 (Уваров, 267); 1999 (УД 24. 12); 2004 (УД 01. 09); 2005 (И № 5–6, 75) < р. *стерлядь*.

СТРАУС: 1889 страус ‘страус’ (ИслРук., 127); 1908 (ЯкВтор., 83); 1925 (А 23. 06); 1940 (ФГеогр., 121); 1947 (РКыл III, 272); 1950 (Шалаев, 186); 1959 (Орф., 176); 1979 (Яшина, 112); 1983 (УРС, 397); 1996 (Кирень, 34); 1997 (Уваров, 184); 2002 (Орф., 315); 2005 (Исаия, 28; УД 29. 04); 2006 (ЭксэйКнига, 204); 2007 (ИовКнига, 49; УД 01. 09); 2008 (УРС, 610); 2010 (УД 20. 08) < р. страус.

СУРОК: 1924 сурка, сурок ’сурок’ (животное) (ПТ, 94); 1940 (ФГеогр., 119); 2000 (И№ 7–8, 14) < р. сурок.

СУСЛИК: 1924 суслик ‘суслик’ (Г 12. 06); 1925 (Г 10. 09); 1928 (Г 20. 04); 1934 (Выльвыл, 261); 1940 (Нянь, 104); 1950 (Шалаев, 221); 1952 (Ив., 101); 2008 (УРС, 617) < р. суслик.

ТАЙМЕНЬ: 1935 таймень ‘таймень’ (рыба) (Разгром, 20); 1994 (УД 15. 01) < р. таймень < финск. taimen.

ТАПИР: 1924 тапир ‘тапир’ (ГердПТ, 97) < р. тапир < [тупи-туарани].

ТЕРМИТ: 1929 термит ‘термит’(Г 10. 08); 1952 (Ив., 141); 2008 (УРС, 640) < р. термит от лат. termes (termitis).

ТИГР: 1889 тигр ‘тигр’ (ИслБукв., 100); 1900 (Живот., 420); 1924 (ГердПТ, 97); 1934 (Выльвыл, 156); 1938 (Антирел., 87); 1940 (ФГеогр., 116); 1948 (УРС., 289); 1949 (Повестьёс, 18); 1952 (Бульба, 1954 (ВМулт., 41; Арсеньев, 3); 1957 (Ленин, 128); 59 (Орф., 183); 1962 (Яшин, 28); 1976 (Яшин, 49); 1983 (УРС, 415); 1987 (Яшин, 53); 1997 (Уваров, 28); 2002 (ВК № 8–9, 62; Орф., 330); 2006 (УД 24. 05); 2007 (Быръем, 154); 2008 (УРС, 641); 2009 (УД 29. 12) < р. тигр < др.-русск. < ст.-слав. тигръ < греч. tigris < авест. tigri – стрела.

ТОЛСТОЛОБИК: 1987 толстолобик ‘толстолобик’ (название речной рыбы) (СУ 12. 08); 2005 (УД 30. 03); 2010 (УД 27. 04) < р. толстолобик.

ТӦДЬЫ ГОНДЫР: 1924 тӦдьы гондыр ‘белый медведь’ (ГердШЗ, 180; ГердПТ, 128); 1948 (УРС, 292); 1983 (УРС, 420); 2008 (УРС, 164). Калька с русского, ср. *тӦдьы* ‘белый’, *гондыр* ‘медведь’.

ТРЕСКА: 1924 треска ‘треска’ (ГердПТ, 92); 1938 (Амунд., 124); 1940 (ФГеогр., 41);1950 (Шалаев, 116); 1952 (Ив., 26); 1994 (УД 15. 01); 1995 (И№ 10, 11); 2002 (Орф., 336) < р. треска.

ТУШКАНЧИК: 1924 тушканчик ‘тушканчик’ (ГердПТ, 94); 1952 (Ив., 24) < р. тушканчик.

ТЮЛЕНЬ: 1924 тюлень ‘тюлень’ (ГердПТ, 20); 1925 (Г 14. 06); 1926 (Г 8. 08); 1938 (Амунд., 8); 1940 (ФГеогр., 38); 1950 (Шалаев, 233); 1952 (Ив., 26);

1953 (Зоя, 62); 1954 (Арсеньев, 133); 1958 (Ворд. пал. 1, 213); 1993 (Ломагин, 107); 1994 (УД 15. 07); 1997 (Уваров, 368); 2000 (ИЛ№ 1–2, 23); 2002 Орф., 346); 2008 (УРС, 679); 2010 (УД 29. 09) < р. тюлень.

УДАВ: 1908 удав ‘удав’ (змея) (ЯкВтор., 86); 1925 (А 23. 06); 1983 (УРС, 441); 2002 (Орф., 347); 2008 (УРС, 681) < р. удав.

УДОД: 2005 удод ‘удод’ (птица) (Некрасов, 254) < р. удод.

УСТРИЦА: 1927 устрица ‘устрица’ (Г 30. 11); 2008 (УРС, 703) < р. устрица < греч. ostreion ‘раковина’.

ФАЗАН: 1924 фазан ‘фазан’ (ГердПТ, 97); 1941 (Чефр., 63); 1952 (Ив., 99); 1954 (Мусатов, 8; Герой, 41); 1979 (Яшина, 112); 1987 (М № 8, 32); 1988 (СУ 15. 01); 1997 (Уваров, 43); 2002 (Орф., 356); 2008 (УРС, 709); 2011 (УД 10. 08) < р. фазан < нем. Fazan или франц. faisan < лат. phasiana < греч. слова в значении ‘птица с реки Фазис’.

ФЛАМИНГО: 1956 фламинго ‘фламинго’ (Фадеев, 490); 1979 (Яшина, 112) < р. фламинго < португ. flamingo.

ЦЕСАРКА: 2010 цесарка ‘цесарка’ (птица) (УД 9. 07) < р. цесарка.

ЦИКАДА: 1958 цикада ‘цикада’ (тропическое насекомое) (Маклай, 6); 1997 (Кизили ныл, 309) < р. цикада < лат. cicada.

ЧЕРЕПАХА: 1908 черепаха ‘черепаха’ (ЯкВтор., 87); 1933 (Нэнэ, 31); 1935 (Сьӧдэн, 22); 1950 (Шалаев, 143); 1960 (Тонэн, 151); 1992 (ВК № 5, 19); 1995 (Шузи, 264); 1997 (Уваров, 144); 2004 (УД 03. 12); 2005 (Матвеев, 149); 2008 (УРС, 725) < р. черепаха.

ШАКАЛ: 1924 шакал ‘шакал’ (ГердПТ, 101); 1933 (Ант. дунне, 28); 1948 (Лерм., 36); 1950 (Шалаев, 232); 1957 (ХМурат, 15); 1987 (М № 10, 10); 1997 (Уваров, 27); 2005 (Исаия, 29); 2007 (ИовКнига, 44); 2008 (УРС, 758); 2010 (УД 29. 09) < р. шакал < тюрк. шакал из персидск. В закамских говорах встречается *чӧльберкион* < тат. чул буресе, букв. пустынный волк. *Чӧльберкион* состоит из чӧль + бер + кион, где чӧль < тат. чул, бер < тат. бӧре, совр. тат. буре, кион < удм. кион ‘волк’.

ШИМПАНЗЕ: 1908 шимпанзе ‘шимпанзе’ (ЯкВтор., 80); 1924 (ГердПТ, 99); 1940 (Шалаев, 247); 1959 (Орф., 206); 1983 (УРС, 499); 2002 (Орф., 385); 2008 (УРС, 767) < р. шимпанзе < франц. chimpanz из африканских языков.

ЯГУАР: 1924 ягуар ‘ягуар’ (ГердПТ, 101); 1952 (Ив., 161); 1956 (Фадеев, 124); 2008 (УРС, 820); 2009 (УД 2. 12) < р. ягуар < нем. Jaguar.

ЯК: 1924 як ‘як’ (ГердПТ, 95); 1950 (Шалаев, 253); 2008 (УРС, 821) < тибет. Jag.

В конце статьи все же отметим то обстоятельство, что первое место по количеству появления в источниках занимает слово *верблюд* (в 49 источниках), второе место – *обезьян* ‘обезьяна’ (в 48 источниках), *лев* (в 38 источниках), *слон* (в 28 источниках), *черепаха* – 11. Видимо, это не случайно. Раньше в обиходе у удмуртов были на месте названных слов также и татарские заимствования: *дуэ* ‘верблюд’ (тат. *доя*), *маймыл* ‘обезьяна’ (тат. *маймыл*), *арыслан* ‘лев’ (тат. *арыслан*), *пиль* ‘слон’ (тат. *фил*), *ташбака* ‘черепаха’ (тат. *ташбака*, букв. ‘каменная лягушка’ и некоторые другие.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

А – Азьлань. Газета: Глазов, 1924–1925. ***Агафодор*** = Рассказы из священной истории ветхого и нового завета с посвящением епископа Агафодора на вотском языке. Изд. 2-е. Казань, 1907. 92 с. ***АзбГлаз.*** = Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии. По (глазовскому) [Автор священник Иоанн]. Казань, 1847. 173 с. ***АзбСар.*** = Азбуки, составленные из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей учению на их наречии. (По сарапульскому). Казань, 1847. 173 с. ***Амунд.*** = Яковлев А. С. Роальд Амундсенлэн улэмез но приключениосыз / Берыктӥз П. Широбоков. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 166 с. ***Ант. дунне*** = Античной дуннелэн историез. Ижкар: Удгиз, 1933. ***Антирел.*** = Антирелигиозной рассказъёс. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 143 с. ***Арсеньев*** = Арсеньев В. Тайгаын пумиськылонъёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954. 192 с. ***Аэлита*** = Толстой А. Аэлита. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 140 с. ***Бабаев.*** I = Бабаевский С. Зарни кизилиен адями. Нырысетӥ книга. Ижевск: Удгиз, 1952. 314 с. ***Библ. энциклопедия*** = Полная популярная Библейская энциклопедия. Издание Свято-Троице-Сергиевской Лавры. 1990. 904 с. ***Бор.*** = Борисов Т. К. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932. 376 с. ***Бруски*** = Панфёров Ф. Бруски. Ч. I / Берыктӥз Кедра Митрей. Ижевск: Удгиз, 1932. 256 с. ***Бульба*** = Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Ижевск: Удгиз, 1952. 159 с. ***Ваёбыж*** = Нянькина Л. Ваёбыж кар. Веросъёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с. ***Вашк.*** = Вашкала дуннелэн историез. Средней школалэн 5 но 6 классъёсызлы учебник. Ижевск: Удгиз, 1943. 256 с. ***Венчание*** = Последование обручения и венчания. Текст на вотском языке глазовского наречия. 1-е изд. Глазовской Инородческой Переводческой Комиссии Вятской епархии. Вятка, 1918. 41 с. ***Витк***. = Виткович Н. Е. География: Начальной школалэн 4-тӥ классэзлы учебник. Ижевск, 1952. 167 с. ***ВК*** = Вордскем кыл: Журнал. Ижевск 1990. ***ВМулт.*** = Петров М. Вуж Мултан. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954. 360 с. ***Воины*** = Ильин М. И. Воины Христовы. Рассказы из первых веков христианства. Казань: Изд-во Самарск. комиссии миссионерского общества, 1911. 56 с. ***Ворд. пал. 1*** = Гаврилов И. Вордӥськем палъёсын. Роман. Нырысетӥ книга. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 268 с. ***Вормомы*** = Ми вормомы / Редактировать каризы Т. Иванов, М. Волков, А. Миронов. Ижкар: Удкнига, 1931. 112 с. ***ВС*** = К. Герд. Выль сюрес: Книга для чтения. Ижевск, 1931. 214 с. ***ВСинь*** = Виль синь: Газета. Елабуга, 1918. ***Выльвыл*** = Шолохов М. Ӈутэм выльвыл. Нырысетӥ книга / Берыктӥз М. Петров. Ижевск: Удгиз, 1934. 406 с. ***Г*** = Гудыри: Газета. Елабуга – Ижевск 1918–1930. ***Гаян*** = Коновалов М. Гаян. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. 229 с. ***ГердПТ*** = Герд К. Палъёсыз тодон. (Природоведение). Учебник / Берыктӥз К. Герд. М.: СССР калыкъёслы книга, 1924. 128 с. ***ГердШЗ*** = Кузебай Герд. Шуныт зор: 3 арзэ дышетскись пиналъёслы лыдӟон-ужан книга. М.: Центриздат. 1924. 183 с. ***Герой*** = Лермонтов М. Ю. Асьме дырысь герой. Ижевск, 1954. 143 с. ***ГлазМатв.*** = Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от святого евангелиста Марка на русском и вотском языках, Глазовского наречия. Казань, 1847. 234 с. ***ГорьЛен.*** = Горький М. Владимир Ильич Ленин. Очерк. Ижкар: Удгиз, 1933. 67 с. ***Гужем*** = Перевощиков Г. Гужем лымы. Ижевск: Удмуртия, 1984. 262 с. ***Гук.*** = Гуковский А. И., Трахтенберг О. В. Истори. Феодализм вакыт: Шор ёзо школалы дышетскон книга. Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. 295 с. ***Дыдык*** = Самсонов С. Дыдыкъёс бус пӧлы уг юромо. Ижевск: Удмуртия, 1979. 382 с. ***Ев. 1904*** = Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матвея, Марка, Луки и Иоанна на вотском языке. Казань, 1904. 327 с. ***ЕрмПозд***. = Ермолаев А. А., Поздеев П. К. Удмурт литературалэн азинскемез сярысь статьяос / Люказы Н. Г. Ермолаева, Е. И. Афонова. Ижевск: Удмуртия, 2008. 264 с. ***Ест.*** = Тетюрев В. А. Естествознание: Начальной школаын ньылетӥ классаз

дышетон книга. Кыкетӥ люкетэз / Берыктӥз М. Петров. Ижевск: Удгиз, 1933. 107 с. ***Живот***. = Верещагин Г. Е. Животъёс // РФ УдНИИ, д. 251. 1900. С. 418, 420 (1–2). ***Закон*** = Закон божий. Священная история и тропари двунадесятых праздников. Издание Глазовской Инородческой Переводческой Комиссии Вятской епархии. Казань, 1912. 112 с. ***Зоол.*** = Цузмер М. Я. Зоология. Ижевск: Удгиз, 1935. 252 с. ***Зоя*** = Космодемьянская Л. Зоя но Шура сярысь верос. Ижевск, 1953. 260 с. ***И*** = Инвожо: Журнал. Ижевск, 1990–. ***Ив***. = Иванов Г. И. но Добров А. С. География. Дунне люкетъёс. Семилетней но средней школалэн 6-тӥ классэзлы учебник. Нырысетӥ изданиез. Ижевск: Удгосиздат, 1952. 199 с. ***ИслБукв.*** = Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. По способу наглядного обучения составил инспектор народных училищ Елабужского уезда Владислав ИслентьЕванг. Казань, 1889. 136 с. ***ИслРук.*** = Руководство к преподаванию грамоты и русского языка по букварю, по первой учебной книжке и учебнику для вотяков В. Ислентьева. В двух частях. Казань, 1889. 160 с. ***ИслУч.*** = Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Составил инспектор народных училищ Елабужского уезда Владислав Ислентьев. Руководство для учащихся и ключ к переводам с русского языка на вотский и с вотского на русский издано особой книгой. Издание Елабужских граждан-благотворителей. Казань и Елабуга, 1889. 254 с. ***Ист.*** = Священная история ветхого и нового завета. На вотском языке. Казань, 1877. 188 с. ***Йыбыртты*** = Перевощиков Г. Йыбыртты музъемлы. Ижевск: Удмуртия, 1992. 497 с. ***Йывор.*** = Милям господьмы Иисус Христослэн зеч йыворез, Матвей гожтэм зеч йывор удмурт кылын. Гельсингфорс, 1882. 93 с. ***Йырт.*** = Насибуллин Р. Ш., Порохов И. П. Кыл бордысь кыл: Йыртӥянъёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 54 с. ***К*** = Кенеш: Журнал. Ижевск, 1926–1930, 1991–. ***КазакКиз.*** = Казакевич Э. Кизили / Пер. И. Гаврилова. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 103 с. ***Калин. Ком. в.*** = Калинин М. И. Коммунистической воспитание сярысь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. 28 с. ***Карцов*** = Алексеев С. П. и Карцов В. Г. СССР-лэн историез: 4-тӥ классы дышетскон книга. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 154 с. ***Кизили ныл*** = Пукроков Ф. П. Кизили ныл. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 с. ***Конвейер*** = Ильин Я. Бадӟым конвейер. Ижевск: Удгз, 1935. 330 с. ***Королёв*** = Королев Ф. Мар со политехнизм. М.: Центриздат, 1931. 64 с. ***Косма–Дамиан*** = О жизни и деяниях святых чудотворцев безсребреников Космы и Дамиана. На вотском языке Глазовского наречия. Изд. 1-ое. Вятка, 1916. 8 с. ***КПСС*** = Советской Союзысь Коммунистической партилэн историез. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. 783 с. ***Крот.*** = Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захарием Кротовым 1785 года // З. Кротов. Удмуртско-русский словарь. Ижевск 1995. 285 с. ***Крузо*** = Дефо, Д. Робинзон Крузо. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. 192 с. ***Кыл вал.*** = Евсеев Е. Газет лыдӟисьлы кыл валэктон (Словотолкователь: помощь читателю газеты). Ижевск: Удкнига, 1926. 152 с. ***Кыр жив***. = Рубакин Н. А. Кыр животъёслэн ужъёссы сярысь. Берыктӥз М. И. Ильин. Ижевск: Удкнига, 1924. 32 с. ***Лаптев*** = Лаптев А. М. «Тӥ учке ӵемгес ӵукпала…»: Кылдунъетъёс, кылужъёс, юанвалэктонъёс. Ижкар: Инвожо, 2008. 248 с. ***Ленин*** = Ленин сярысь тодэваёнъёс. Ижевск: Удмуртской кн. изд-во, 1957. 156 с. ***Лерм***. = Лермонтов М. Ю. Быръем произведениос. Ижевск, 1948. 105 с. ***Ломагин*** = Ломагин К. Е. Котьку сюлэмын. Ижевск: Удмуртия, 1993. 386 с. ***Маклай*** = Чумаченко А. Толэзьысь вуэм адями. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 89 с. ***Мам.*** = Святой Мамантлэн улэмез. Юный исповедник св. Мамант. Память 2-го сентября. На вотском языке. Казань, 1905. 14 с. ***Мар вал*** = Громов В. И. Мар вал музъем вылын трос миллион аръёс талэсь азьло. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. 72 с. ***Метод.*** = Никольская Г. Н. Удмурт кыллы дышетон методика (фонетика но морфология). Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1962. 204 с. ***М*** = М : Журнал. Ижевск, 1935–90. ***Мусатов*** = Мусатов А. Гурезь йылын корка / Берыктӥз Г. Архипов. Ижевск: Удм. кн. изд-во,

1954. 320 с. ***МУст.*** = Munkacsi B. Votjak nepköltezti hagomanyok. Budapest, 1887. 335 l. ***НБибл.*** = Ныпиёслы Библия: Суредъёсын Библиысь веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 2001. 542 с. ***Некрасов*** = Некрасов Н. А. Избранные произведения. Быръем произведениос. Ижевск: Удмуртия, 2005. 288 с. ***Кольцов*** = Кольцов А. В. Избранные произведения. Быръем произведениос. Ижевск: Удмуртия, 2010. 352 с. ***Носов*** = Носов Н. Н. Незнайкалэн приключениосыз. Ижевс: Удм. кн. изд-во, 1962. 167 с. ***Нэнэ*** = Горький М. Нэнэ: Роман / Берыктӥз Медведев Г. Иж кар: Удгиз, 1933. 299 с. ***Нянь*** = Толстой А. Нянь (Хлеб). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 258 с. ***О загробн. 1907*** = О загробной жизни. На вотском языке. Самарский епархиальный комитет. Казань, 1907. 64 с. ***Общ.*** = Архипов Т. А., Васильев Н. Г. и др. Обществоведенилы дышетскон книга. Ижкар: Удгиз, 1932. 86 с. ***Орф.*** = Удмурт орфографической словарь. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 216 с. ***Орф.*** = Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам: шонер гожъяськон но пусъёс пуктылон правилоосын. Ижевск, 2002. 416 с. ***Основа*** = Музъем ужанлэн основаосыз. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. 431 с. ***ПервУч. 1892*** = Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1892. 121 с., 187 сл. ***ПервУч. 1898*** = Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1898. 121 с., 187 сл. ***ПервУч. 1912*** = Первоначальный учебник русского языка для вотяков. Казань, 1912. 121 с., 187 сл. ***Полик.*** = Толстой Л. Поликушка. Ижевск, 1938. 100 с. ***Потем.*** = Потемкин М. П., Терехов П. Г. География. Ижевск, 1939. 108 с. ***Псалтирь1999*** = Псалтирь; Вӧсяськон гуръёс. Ижевск, 1999. 224 с. 166 сл. ***Псалтирь 2009*** = Псалтирь; Кулэмъёс понна чирдоно канонъёс, акафист, панихида ортчытон. Ижкар, 2009. 365 с. ***Разгром*** = Фадеев А. Разгром / Пер. С. Медведева. Ижевск: Удгиз, 1935. 198 с. ***РКыл II*** = Родной Кыл Начальной школалэн 2-тӥ классаз лыдӟон книга. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 408 с. ***РКыл III*** = Родной Кыл Начальной школалэн 3-тӥ классаз лыдӟон книга. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 240 с. ***РКыл IV*** = Родной Кыл Начальной школалэн 4-тӥ классаз лыдӟон книга. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 240 с. ***РУС*** = Русско-удмуртский словарь. Ижевск, 1942. 408 с. ***РУС*** = Русско-удмуртский словарь. М.: ГИИиНС, 1956. 1261 с. ***СарМатв.*** = Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от святого евангелиста Матвея на русском и вотском языках, Сарапульского наречия. Казань, 1847, 234 с. ***СБТ*** = Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с. ***Скаткин*** = Скаткин М. Н. Улэптэм природа. Начальной школалэн IV классэзлы учебник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 163 с. ***СлавСл.*** = Краткий славяно-вотский словарь. Пособие к чтению церковно-славянского текста нового завета. Казань, 1892. 70 с. ***САА*** = Словарь анонимного автора [1935–1938 гг.]. 302 с. ***Сӥзён*** = Выль сӥзён. Ижевск: Удмуртия, 1997. 772 с. ***СУ*** = Советской Удмуртия: Газета. Ижевск 1943–1991. ***Сьӧдэн*** = Ильин М. Тӧдьы вылтӥ сьӧдэн. Ижевск: Удгиз, 1935. 119 с. ***Сюпсисьёс*** = Покровский С. В. Адямиез сюпсисьёс / Берыктӥз Иннакей Кельда. Муско, 1926. 74 с. ***Сюрло*** = Сюрло: Газета. Елабуга, 1920. ***Таза*** = Брейтман М. Я. Таза луыны понна мае тодоно / Берыктӥз Ф. Князева. Ижкар: Удгиз, 1933. 56 с. ***Тӧлсяська*** = Красильников Г. Тӧлсяська. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 252 с. ***Кылисько*** = Красильников Г. Кылисько тонэн. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. 278 с. ***Тургенев*** = Тургенев И. С. Пӧйшурасьлэн гожъямъёсыз / Перевод И. Т. Дядюкова. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. 280 с. ***Уваров*** = Уваров А. Н. Нуналлы быдэ выжыкыл Люказ но поттыны дасяз А. Н. Уваров. Ижевск: Удмуртия, 1997. 456 с. ***УД*** = Удмурт дунне: Газета. Ижевск, 1992–. ***УКыл*** = Удмурт кыл. 8–9-тӥ классъёслы / Огъя редакциез Г. А. Ушаковлэн. Ижевск: Удмуртия, 2003. 232 с. 1088 сл. ***УП*** = Удмурт правда: Газета. Ижевск 1940 (5 окт.)–1943 (31 окт.). ***УРС 1948*** = Удмуртско-русский словарь. М.: ГИС, 1948. 446 с. ***УРС 1983*** = Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 539 с. ***УРС 2008*** = Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 927 с. ***Фадеев*** = Фадеев А. Егит гвардия. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. 651 с. ***Фашистъёс*** = Фашистъёс – адями сиисьёс. Ижевск: Удгиз, 1942. 41 с.

ФГеогр. = Половинкин А. А. Физической география: неполной средней но средней школалэн 5-тӥ классэзлы учебник. Ижевск, 1940. 136 с. ***ХМурат*** = Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. 132 с. ***Чефр.*** = Чефранов С. В. СССР-лэн физической географиез. Районной обзор. Неполной средней но средней школалэн 7-тӥ классэзлы учебник. Нырысетӥ изданиез. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. 158 с. ***ЧирдКн***. = Букварь бере чырдон книга (кыкетӥез). Казань, 1920. 118 с. ***Шалаев*** = Шалаев В. Ф. но Рыков Н. А. Зоология. Средней школалэн 6–7 классъёсызлы учебник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. 295 с. ***Шузи*** = Матвеев С. Шузи. Ижевск: Удмуртия, 1995. 287 с. ***Экзек.*** = Горький М. Экзекуция / Берыктӥз А. Бутолин. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 50 с. ЭксэйКнига = Эксэйлыкъёслэн книгаоссы. Ижевск, 2006. 332 с. 346 сл. ***Юан*** = И. Дубровицкий, В. Орлов. 33 юанлы 33 ответ. Удм. кн. изд-во, Ижевск, 1962. 220 с. ***Яглинг*** = Яглинг Б. Кылдэ пинь сьӧрад возь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1942. 28 с. ***ЯкВтор.*** = Яковлев И. В. Вторая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1908. 104 с. ***Яшин 1962*** = Яшин Д. А. Удмурт фольклор. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 87 с. ***Яшин 1976*** = Яшин Д. Удмурт фольклор. Ижевск: Удмуртия, 1976. 152 с. ***Яшин 1979*** = Яшин Д. Удмурт фольклор. Ижевск: Удмуртия, 1979. 152 с. ***Яшин 1987*** = Яшин Д. Удмурт фольклор. Ижевск: Удмуртия, 1987. 152 с. ***Яшина*** = Яшина Р. И. Удмурт кылъя внеклассной ужъёс. Ижевск: Удмуртия, 1979. 164 с. ***Evang***. = Das Evangelium des Mattheus wotjakisch, mit Hilfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann. London, 1863. 112 с. ***Munk.*** = *Munkacsi B*. A votjak nyelv szotara / B. Munkacsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990. ***Wichm.*** = Wotjakische Wortschatz Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki, 1987. 422 с. ***Wied.*** = Syrjanisch-deutches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutchen im Anhange und einem deutchen Register von F. J Wiedemann. Petersburg, 1880. 692 S. ***WiedDial.*** = Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de la classe historico-philologique de l‘Akademie Imperiale des scinces de St.-Petersbourge, t. XV. SPb., 1858. (S. 240–256).

Поступила в редакцию 7.11.2011

R. Sh. Nasibullin

Fixing of the names of exotic animals is in удмуртских writing sources

In the article first in history of udmurt linguistic are examined the Russian borrowings, related to the names of zoons, above-ground outside territory of dwelling udmurts.

Keywords: Russian borrowings, names of exotic zoons.

Насибуллин Риф Шакрисламович,
доктор филологических наук
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: mari_kori@mail.ru

Nasibullin Rif Shakrislamovich,
Doctor of Philology
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: mari_kori@mail.ru

УДК 811.511

А. Н. Ракин

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ)

Первый опыт исследования лексики материальной культуры в трех родственных языках – коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском. Рассматривается система обозначений продуктов питания, способов приготовления и приема пищи. Основная масса номинативных единиц относится к исконному словарному фонду, сложившемуся в течение многих тысячелетий в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, общепермскую и более поздние эпохи. Иноязычный компонент состоит из названий, проникших из шести внешних источников.

Ключевые слова: коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский языки, лексика материальной культуры, принципы номинации продуктов питания, исконная и иноязычная лексика.

Материальная культура относится к производственной деятельности людей и, в отличие от духовной культуры, создается не умственным, а физическим трудом. Материальная культура не однородна по своему составу. Одним из важнейших ее компонентов является пища. «Состав пищи, способы ее приготовления зависят от уровня развития производительных сил, направлений хозяйственной деятельности людей и географических условий» [3. С. 131]. В этой области, как и в других сферах материальной культуры, у каждого народа имеются свои традиции и специфические особенности. Так, у скотоводов с древности преобладали разнообразные мясные и молочные продукты питания, у земледельческих народов – блюда из разных растительных продуктов. Одностороннее развитие пищевого режима зачастую приводило к тому, что некоторые продукты вообще не употреблялись в пищу, например молоко и молочные продукты в Китае, все виды мяса – в Индии. Многое зависело также от соответствующих религиозных установок. Например, запрет на употребление свиного мяса иудейским и мусульманским вероисповеданиями. Как известно, народности Крайнего Севера раньше не занимались овощеводством, и источником их питания были охота, рыболовство и оленеводство. У них не было представления о фруктах.

Словарный состав пермских языков, относящийся к обозначению продуктов питания, способов приготовления и приема пищи, до сих пор специально не изучался.

В зависимости от денотативного содержания в исследуемой лексической системе мы выделяем следующие группы слов: 1) общепонятийные обозначения, 2) обозначения пищевых продуктов растительного происхождения, 3) обозначения пищевых продуктов животного происхождения, 4) названия конкретных блюд, 5) названия вкусовых качеств пищи, 6) обозначение способов приготовления и приема пищи. Рассмотрим отдельно каждую из перечисленных групп.

Общепонятийные названия пищи

Сюда относятся слова и словосочетания, обозначающие следующие понятия: **пища** – кз. *сёян, сёян-юан, вölöга, сорва*, кп. *сёян*, удм. *сиён*, *сиён-юон*, *köттырет*; **горячая пища** – кз. *пöсь сёян*, кп. *пöсь сёян*, удм. *пöсь сиён*; **холодная пища** – кз. *кöдзыд сёян*, кп. *кöдзыт сёян*, удм. *кезьыт сиён*; **питье** – кз. *юан*, кп. *юан,* удм. *юон*; **готовить** – кз. *дасьтыны*, *лöсьöдны*, кп. *лöсьöтны*, удм. *дасяны*; **есть** (кушать) – кз. *сёйны,* кп. *сёйны*, удм. *сиыны, сиськыны*; **пить** – кз. *юны*; кп. *юны*, удм. *юыны*; **голод** – кз. *тшыгъялöм, кынöм сюмалöм*, кп. *тшыгъялöм;* удм. *сием потон*, *köт сюман*, *сютэм улон*; **жажда** – кз. *горш косьмöм*, кп. *горш косьмöм*, удм. *сю куасьмон*, *юэм потон*, *пушмон*; **насытиться** – кз. *пöтны*, кп. *пöтны,* удм. *köттырыны, тырытозь сиськыны*; **утолить жажду** – кз. *горш веськöдны*, кп. *горш веськöтны*, удм. *сю юзматыны, пушмемез юзматыны*; **вкусный** – кз. *чöскыд,* кп. *чöскыт, кöра,* удм. *ческыт, ашо, корел.*

В приведенных примерах подавляющее большинство является исконными обозначениями пищи. Слова *лöсьöдны* ‘готовить’, *сёйны* ‘есть’, *юны* ‘пить’ имеют генетические параллели в других финно-угорских языках и восходят к периодам: 1) к прафинно-пермскому – **läs’a* ‘приготовить’ [16. С. 687] или 2) к прафинно-угорскому – **sewe* ‘есть’ [16. С. 440], **juγe* ‘пить’ [16. С 103]. Прапермское происхождение имеют названия *сёян* ‘пища’, *юан* ‘питье’, *пöсь сёян* ‘горячая пища’, *кöдзыд сёян* ‘холодная пища’, *дасьтыны* ‘готовить’, *чöскыд* ‘вкусный’. Употребляются только в современных коми языках и не имеют соответствий в удмуртском: *тшыгъялöм* ‘голод’, *горш косьмöм* ‘жажда’, *пöтны* ‘насытиться’, *горш веськöдны* ‘утолить жажду’. Имеют самое позднее происхождение названия, употребляющиеся только в одном из пермских языков: кз. *сорва* ‘пища’, *юантор* ‘питье’, удм. *köттырет* ‘питье’, *сием потон* ‘голод’, *köт сюман* ‘голод’, *сютэм улон* ‘голод’, *сю куасьмон* ‘жажда’, *юэм потон* ‘жажда’, *пушмон* ‘жажда’, *köт тырыны* ‘насытиться’, *тырытозь сиськыны* ‘насытиться’, *сю юзматыны* ‘утолить жажду’, *пушмемез юзматыны* ‘утолить жажду’, *пöраны* ‘готовить’.

К числу заимствований относится кз. *вölöга* ‘пища’ < рус., *ср. волога влгд.* ‘похлебка, варево’ [7. С. 67]. На основе заимствованного тюркского слова образовано удм. *ашо* ‘вкусный, сытный’, *ср.* тат. *тәмле аш* ‘вкусный обед’, *аш*, *ашамлык* ‘пища’ [9. С. 67, 406].

Обозначения пищевых продуктов растительного происхождения

Из справочной литературы известно, что употребление в пищу злаковых растений и изготовляемого из них хлеба в странах Передней Азии, а затем и во всей Европе имело место уже в эпоху палеолита. В пермских языках для обозначения зерна и продуктов его переработки используются следующие названия: кз. *нянь*, кп. *нянь*, *сю*, удм. *ю, ю-нянь* – хлеб в зерне; кз. *тусь*, *нянь*, кп. *тусь, сю*, *нянь,* удм. *тысь*, *кидыс* – зерно; кз. *зöр тусь*, кп. *зöр тусь*, удм. *сезьы тысь* – зерно овсяное; кз. *шобдi тусь*, кп. *шогдi тусь*, удм. *чабей тысь* – зерно пшеничное; кз. *рудзöг тусь*, *сю тусь*, кп. *рудзöг тусь*, удм. *ӟег тысь* – зерно ржаное; кз. *ид тусь*, кп. *ид тусь*, удм. *йыды тысь* – зерно ячменное.

Обозначения хлебных злаков: **овес** – кз. *зöр*, кп. *зöр*, удм. *сезьы*; **пшеница** – кз. *шобдi,* кп. *шогдi*, удм. *чабей*; **рожь** – кз. *рудзöг*, *сю*, кп. *рудзöг*, удм. *ӟег;* **ячмень** – кз. *ид*, кп. *ид,* удм. *йыды*. В составе названий хлебных злаковых растений самым древним словом является слово *шобдi* ‘пшеница’, оно возводится к прафинно-угорскому периоду: **šäntз* ‘хлебный злак’ [16. С. 496]. Названия овса и ржи выводят из финно-пермского праязыка: **sorз* ‘вид растения, ? злаковые’ [16. С. 760], **s'uka* ‘мякина, ость, усик’ [16. С. 777], **ruǯ'з- (roǯ'з-)* ‘рожь’ [7. С. 245]. Для обозначений ячменя и пшеницы дается прапермская этимология: **jȕdi* [7. С. 109], **č'ab-* [7. С. 426]. *Сезьы* ‘овес’ является собственно удмуртским названием.

В составе слов, обозначающих понятия ‘зерно’ и ‘хлеб в зерне’, к исконному фонду относится удм. *ю*, возникновение которого приурочивают к финно-пермскому праязыку: **jewä* ‘хлеб, зерно’ [16. С. 638]. Остальные являются заимствованиями прапермской эпохи: *тусь* ‘зерно’ выводится из древнебулгарского источника [7. С. 288], а *нянь* – из древнеиранского [7. С. 202].

Следующую подгруппу названий составляют обозначения продуктов переработки хлебных растений. **Мука** – кз. *пызь*, кп. *пизь*, удм. *пызь.* У них единый источник происхождения – финно-угорский праязык: **pus'nз* ‘мука’ [16. С. 408]. Слова, обозначающие разновидности муки, также являются общими для современных пермских языков: **мука овсяная** – кз. *зöр пызь*, кп. *зöр пизь*; **мука пшеничная** – кз. *шобдi пызь*, кп. *шогдi пизь*; **мука ржаная** – кз. *рудзöг пызь*, кп. *рудзöг пизь*, удм. *ӟег пызь*; **мука ячменная** – кз. *ид пызь*, кп. *ид пизь*, удм. *йыды пызь*. Исключение в удмуртском языке составляют *сезьы пызь* ‘мука овсяная’, *чабей пызь* ‘мука пшеничная’, которые не имеют генетических соответствий ни в коми-зырянском, ни в коми-пермяцком.

Крупа – кз. *шыдöс*, кп. *шыдöс*, удм. *кеньыр*. *Шыдöс* представляет собой суффиксальное образование от слова *шыд* ‘суп’, а слово *кеньыр* этимологически связано с кз. словом *кöнöму* ‘земля для посева огородных культур’ < *прап. *kεnз-* ‘растительная пища, харчи’ [7. С. 141]. Разные виды **круп** в пермских языках обозначаются следующим образом: **овсяная** – кз. *зöр шыдöс*, кп. *зöр шыдöс*, удм. *сезьы кеньыр*; **пшеничная** – кз. *шобдi шыдöс*, кп. *шогдi шыдöс*, удм. *чабей кеньыр*; **ржаная** – кз. *рудзöг шыдöс*, кп. *рудзöг шыдöс*, удм. *ӟег кеньыр*; **ячневая** – кз. *ид шыдöс*, кп. *ид шыдöс*, удм. *йыды кеньыр*.

Лексика, связанная с изготовлением хлебных продуктов

Возникновением хлебопечения обусловлено появление следующих слов: **тесто** – кз. *няньшом*, кп. *тесто, нянь*, удм. *ыльнянь, котэм нянь, колӟо*; **закваска** – кз. *шом, ловзьӧдчан, рокӧс*, кп. *шӧм, майӧв*, удм. *шӧм, маял*; **заквасить** – кз. *шутны*, кп. *шӧммӧтны, майӧвтны*, удм. *шутыны, котыны*; **месить** – кз. *кӧтны*, кп. *суктыны*, удм. *котыны*; **пресное тесто** – кз. *юмов кӧтас*, кп. *шӧмтӧм тесто*, удм. *юмал нянь*; **сдобное тесто** – кз. *колькъя-выя кӧтас*, кп. *сдобнӧй тесто*, удм. *сдобной ныркем нянь*.

Слово *нянь*, наряду со значением ‘хлеб в зерне’, имеет также семантику ‘испеченный хлеб’. В зависимости от муки различается **хлеб**: **пшеничный** – кз. *шобді нянь*, кп. *шогді нянь*, удм. *чабей нянь*; **ржаной** – кз. *рудзӧг нянь*, кп. *рудзӧг нянь*, удм. *ӟег нянь*; **ячневый** – кз. *ид нянь*, кп. *идовӧй нянь*, удм. *йыды нянь*; **белый** – кз. *еджыд нянь*, кп. *чочком нянь*, удм. *тӧдьы нянь*; **черный** – кз. *сьӧд нянь*, кп. *сьӧд нянь*, удм. *сьӧд нянь*. Приведенные примеры свидетельствуют, что для всех пермских языков общими словами являются: *нянь*, *шом, рудзӧг нянь*, *ид нянь*, *сьӧд нянь*. Для коми-зырянского и удмуртского общими являются *шутны*, *кӧтны*. Для коми-зырянского и коми-пермяцкого общее слово – *шобді нянь*. Для коми пермяцкого и удмуртского общим является *майӧв*. Только в коми-зырянском имеется *няньшом, ловзьӧдчан, рокӧс*, только в коми-пермяцком – *нянь* ‘тесто’, *шоммӧтны, суктыны, шоммӧттӧм тесто, чочком нянь*, только в удмуртском языке – *ыльнянь, котэм нянь, колӟо, юмал ыльнянь, сдобной ныркем нянь*, *чабей нянь, тӧдьы нянь*. К числу поздних заимствований относятся кп. *тесто* (из русского языка) и удмуртские названия тюркского происхождения: *колӟо* [13. С. 83]; *сукыри* ‘каравай’, *ср.* чув. *сăкăр* ‘каравай’ [13. С. 115; 15. С. 271]; *кӧмеч* ‘колобок (из овсяной муки)’, *ср.* тат. *күмәч* ‘булка’ [13. С. 84; 9. С. 49]. В составе названий удм. *табань* ‘лепешка (во всю сковороду)’ и *табанянь* ‘ржаной хлебец, большая ржаная лепешка’ (*букв.* сковорода хлеб) заимствованным является компонент *таба, ср.* тат. *таба* ‘сковорода’, башк. *таба* ‘сковорода’ [9. С. 573; 8. С. 494].

Собирательство является одним из древнейших занятий людей. Плоды ягодных растений, относящихся к местной флоре, занимали и занимают важное место в рационе не только пермских, но и многих других народов. Древнее слово прафинно-угорского происхождения, имеющее значение ‘ягода’, сохранилось только в одном из пермских языков – в удмуртском: *мульы* ‘ягода, плод’ (< ф.-у. **mol’з* ‘ягода’). В коми-зырянском и коми-пермяцком языках слово *моль* употребляется для обозначения понятий ‘пуговка, косточка, бусинка’. Вместо забытого исконного слова коми-пермяки сейчас пользуются русским заимствованием *ягӧд* ‘ягода’, а коми-зыряне придумали новое слово *вотӧс* ‘ягода’, являющееся производным от *вотны* ‘собирать’.

Что касается конкретно-видовых обозначений дикорастущих ягод, то почти все они являются исконными названиями и относятся к древним периодам развития пермских языков: **брусника** – кз. *пув*, кп. *пул* (< ф.-у. **pola* ‘ягода’), удм. *ягмульы;* **голубика** – кз. *чӧдлач*, кп. *чӧдлас*, удм. *лызмульы*; **земляника** – кз. *оз,* кп. *оз,* удм. *узы* (< ур. **osa* ‘ягода’); **калина** – кз. *жов*, кп. *жов,* удм. *шу* (< ф.-п. **šewe* ‘калина’); **клюква** – кз. *турипув*, кп. *турипул*, *нюрмоль*, удм. *нюрмульы*;

костяника – кз. *намыр*, кп. *нямыр*, удм. *намер* (< прап. **пат3г* ‘костяника’); **малина** – кз. *ӧмидз*, кп. *ӧмидз,* удм. *эмезь* (< ф.-у. **äŋз-с'з* ‘малина’); **морошка** – кз. *мырпом*, кп. *мырпон*, (< ур. **mura*), удм. *нюрэмезь*; **рябина** – кз. *пелысь*, кп. *пелысь*, удм. *палэзь* (< ф.-у. ** pic'la* ‘рябина’); **смородина** – кз. *сэтӧр,* кп. *сэтӧр*, удм. *сутэр* (< ф.-п. *sapt3-r3* ‘смородина’); **черемуха** – кз. *льӧм,* кп. *льӧм,* удм. *льӧм* (< ур. **δ'ᵮтз* ‘черемуха’), **черника** – кз. *чӧд*, кп. *чӧд*, удм. *кудымульы*; **шиповник** – кз. *лежнӧг*, кп. *жельнӧг*, удм. *легезь* и т.д. Как видим, большинство перечисленных названий ягод иденичны в современных пермских языках и полностью совпадают как по семантике, так и по структуре.

Как правило, плоды ягодных растений в качестве пищевого продукта употреблялись и употребляются в сыром виде. Некоторые виды заготовлялись впрок также в сушеном виде, они имеют соответствующие названия, например: кз. *кос чӧд*, кп. *косьтӧм чӧд*, удм. *кӧс кудымульы* ‘сушеная черника’; кз. *кос льӧм*, кп. *косьтӧм льӧм*, удм. *кӧс льӧм* ‘сушеная черемуха’; кз. *кос пелысь*, кп. *косьтӧм пелысь*, удм. *кӧс палэзь* ‘сушеная рябина’ (*кос*, *кӧс* ‘сухой’, *косьтӧм* ‘сушеный’). Исходя из приведенных примеров, можно считать, что традиция такого хранения ягод была присуща нашим предкам уже в прапермскую эпоху, а может, и еще раньше. С появлением и распространением сахара многие ягоды стали заготавливаться в виде варений: кз. *варенньӧ*, кп. *вареннё*, удм. *варення*. Отсутствие в словаре пермских языков исконного слова для данного понятия говорит о том, что русским заимствованием является не только название, но и сам способ такой обработки пищевого продукта. Конкретные виды варений обозначаются с помощью словосочетаний, например: кз. *сьӧд сэтӧр варенньӧ*, кп. *сьӧд сэтӧрысь вареннё*, удм. *сьӧд сутэр варення* ‘черносмородиновое варенье’ (*сьӧд сэтӧр*, *сьӧд сутэр* ‘черная смородина’), кз. *ӧмидза варенье*, кп. *малинаысь вареннё*, удм. *эмезь варення* ‘малиновое варенье’ (*ӧмидз, эмэзь* ‘малина’) и т.д.

Наряду с ягодами раньше в пищу употреблялись также съедобные части некоторых древесных и травянистых растений. **Камбий** (преимущественно у сосны) – кз. *ли*, кп. *ли*, удм. *ли* ‘сок в камбиальном слое дерева’ (< ур. **lije* ‘древесный сок, камбий’). **Весенние побеги ели** (северюха) – кз. *коляоз*, *козаоз*, удм. *кызаузы.* Смысловое содержание названий подчеркивает сходство красноватых ягод ели с земляникой (*коз* ‘ель’, *оз* ‘земляника’). А семантическая и структурная идентичность позволяет отнести их возникновение к прапермскому периоду. **Щавель кислый** – кз. *шомкор*, кп. *шӧмкор,* удм. *чырстурын* (*букв.* кислый лист, кислая трава). Кисловатые листья данного растения не только пригодны для употребления в сыром виде, но и являются хорошим сырьем или добавкой при варке супа. **Весенние побеги хвоща полевого** – кз. *куз,* удм. *мукыли*, относящегося к числу самых ранних среди съедобных растений, являлись хорошим поставщиком витаминов весной для сельских детей. **Борщевик сибирский** – кз. *азьгум*, кп. *азьгум*, удм. *чырсгумы* (*букв.* зонтичное растение для кислых щей, кислая трава). Приведенные названия, в том числе и русское обозначение, также свидетельствуют о применении данного съедобного растения в качестве пищевого продукта, прежде всего в виде приправы для супа. **Клевер красный** – кз. *бобӧнянь*, кп. *сизьюр*, удм. *сизьйыр*. Как дикорастущий, так и посевной клевер – одно из самых ценных кормовых растений, но в неурожайные голодные годы

он применялся также в пищу людей, что отражено в коми-зырянском названии, буквально означающем ‘бобовый хлеб’.

Сведения об овощных растениях, о способах их выращивания и использования наши предки, первоначально занимавшиеся охотой и рыболовством, получили в результате общения со своими южными земледельческими соседями. Самые древние названия овощных растений в пермских языках имеют древнебулгарское происхождение и заимствованы в прапермскую эпоху. Таковы названия **редьки**: кз. *кушман*, кп. *кушман*, удм. *кушман* (*ср.* чув. *кăшман* ‘свекла’) и **репы**: кз. *сёркни*, кп. *сёртни*, удм. *сяртчы* (*ср.* чув. *çарăк* ‘репа’). Остальные названия овощей проникают после распада прапермской общности, при самостоятельном развитии пермских языков в последние столетия. К числу заимствований непосредственно из русского языка или опосредованно пришедших через него относятся следующие: кз. *капуста*, кп. *капуста*; кз. *картупель,* кп. *картов*, удм. *картошка*; кз. *лук*, кп. *лук*; кз. *морко*в, кп. *морковь*; кз. *свеклö*, кп. *свёкла*; кз. *чеснöк,* кп. *чеснок*, удм. *чеснок*; кз. *öгурец,* кп. *огуреч,* удм. *огреч*. Тюркские заимствования представлены только в удмуртском языке: *кубиста* ‘капуста’ < чув. *купăста* ‘капуста’ [13. С. 86], *кияр* ‘огурцы’ < тат. *кыяр* ‘огурец’ [9. С. 343; 13. М. 82], *сугон* ‘лук’ < чув. *сухан* ‘лук’ [13. С. 114], *сарымсак* ‘чеснок’ < тат. *сарымсак* ‘чеснок’ [9. С. 698; 13. С. 112], *чукиндэр юж.* ‘свёкла’ < тат. *чөгендер* ‘свёкла’ [9. С. 556; 13. С. 144], *кешыр* ‘морковь’ < тат. *кишер* ‘морковь’ [9. С. 275; 13. С. 82].

Из масличных растений, семена которых используются для получения масла, в пермских языках существуют обозначения для **конопли** – кз. *пыш*, кп. *пыш,* удм. *пыш*, для **льна** – кз. *шабді*, кп. *лён,* удм. *етӥн*, и **подсолнуха** – кз. *подсолнух, шондіюр*, кп. *подсолнух*, удм. *шундыберган.* **Семена** этих растений называются соответственно следующим образом: **конопляное** – кз. *кöнтусь,* кп. *кöнтусь*, удм. *кенэм*; **льняное** – кз. *шабді кöйдыс*, кп. *лён кöдзыс*, удм. *етӥн кидыс*; **подсолнечное** – кз. *семечки*, *шондіюр тусь*, кп. *подсолнечнöй кöдзыс*, удм. *шундыберган тысь*. Названия **масел**: **конопляное** – кз. *кöнтусь вый*, кп. *кöнтусь ви*, удм. *кенэм вöй*; **льняное** – кз. *шабді вый*, кп. *лён ви*, удм. *етӥн вöй*; **подсолнечное** – кз. *шондіюр вый*, кп. *подсолнечнöй ви,* удм. *шундыберган вöй.*

Слово *пыш* ‘конопля’, общее для пермских языков, возводится к финно-угорскому праязыку: **pɤčз* ‘ряд, слой, вертеть, мотать’ [16. С. 412]. Но значение ‘конопля’ свойственно только пермским примерам, в других финно-угорских языках соответствий нет. Название конопляного семени также является общим для наших языков и возводится к финно-пермскому праязыку: **käpз* ‘конопля’ [16. С. 651]. У льна общего названия нет, в каждом из пермских языков он обозначается по-разному. *Шабді* является исконным названием, *лён* – русским заимствованием, *етӥн* – тюркским, *ср*. чув. *йетен* ‘лён’, башк. *етен* ‘лён’ [12. С. 317; 8. С. 228; 13. С. 317]. Соответственно нет единого названия ни у льняного семени, ни у льняного масла. Это же характерно и для названий подсолнечника. Коми-пермяки пользуются русским заимствованием. Коми-зырянское и удмуртское обозначения образованы на базе собственного материала. Слово *шондіюр* (*шонді* ‘солнце’, *юр* ‘голова’) появилось в словаре нашего языка совсем недавно и широкого употребления пока не получило. Что касается обозначений конопляного

масла, то они генетически родственны и, видимо, имеют один и тот же источник – прапермский язык.

Для **напитков** растительного происхождения общепонятийны названия со значением ‘напиток вообще’: кз. *юантор, юан*, кп. *юан,* удм. *юон.* В составе трех последних слов, имеющих прапермское происхождение, более древнюю форму сохранило слово *юан.* Внутри данной лексико-тематической группы на основе денотативного содержания различаются названия безалкогольных и алкогольных напитков.

В подгруппе **безалкогольных** можно выделить названия холодных и горячих напитков. Понятие ‘холодный напиток’ во всех пермских языках выражается одинаково: кз. *кӧдзыд юан*, кп. *кӧдзыт юан*, удм. *кезьыт юон* (*кӧдзыд, кезьыт* ‘холодный’). Состав холодных напитков довольно разнообразен.

Самым доступным средством, утоляющим жажду, является **вода**. Слово *ва* кз. кп., *ву* удм. ‘вода’, возникшее в прауральскую эпоху (< **wete* ‘вода’), имеет соответствия почти во всех финно-угорских и самодийских языках. Предполагается также, что это название относится к более древним, чем прауральская эпоха, и имеет общий источник с соответствующими названиями воды в индоевропейских языках.

Квас обозначается: кз. и кп. *ырӧш*, в удмуртском *сюкась*. Данные названия являются древними словами. Для *ырӧш* реконструируется прауральское **ire* ‘пить’ (16. С. 85). В составе удмуртского *сюкась*, отсутствующего в коми литературном языке, но сохранившегося в некоторых диалектах в форме *сюкӧсь* и *сюкась,* выделяют два компонента – *сю-* и *-кась* (*-кӧсь*), которые возводятся к ур. **s’uwe* ‘рот, уста, пасть’ (16. С. 492) и к ф.-у. **k8s’tз* ‘мочить’ [7. С. 274]. Предполагается следующее смысловое содержание всей конструкции: ‘влага для горла’, ‘влага во рту’.

Березовый сок. Общее название для данного весеннего напитка существует в двух пермских языках: кз. *зарава*, удм. *сурсву*. Возводятся они к прапермскому архетипу **sårv8* [7. С. 104]. В современном коми-пермяцком языке древнее слово не сохранилось, вместо него употребляется *кыдз ва* (*букв.* березовая вода).

Ягодный напиток в пермских языках обозначается, как в русском языке, единственным словом *морс*. Лишь словари коми языка последнего времени включают также его синоним *вотӧса ва* (*букв.* вода с ягодами*,* ягодная вода). Разновидности этого напитка называются соответствующими словосочетаниями, например кз. *турипувъя ва* (*букв*. клюквенная вода), кп. *туримоль морс*, удм. *нюрмульы морс* (*букв.* клюквенный морс).

Горячий напиток обозначается во всех пермских языках исконными названиями. Кз. *пӧсь юан* и удм. *пӧсь юон* (*букв.* горячий напиток) полностью совпадают. Кп. *пым юан* отличается от них первым компонентом (*пым* ‘горячий’).

Чай. Общеизвестно, что как растение и как напиток чай имеет китайское происхождение. В России широкое употребление чая относится к началу XIX в. Соответственно, среди русского населения и других народностей Российской империи в качестве единственного обозначения укоренилось слово *чай*, через тюрко-монгольские языки проникшее из северных районов Китая.

Сладкий чай обозначается словосочетаниями: кз. *юмов чай*, кп. *юмол чай, чӧскыт чай*, удм. *ческыт чай* (*юмов, юмол* ‘сладкий’, *чӧскыт, ческыт* ‘сладкий’).

Алкогольные напитки. Общепонятийными названиями со значением ‘алкогольный напиток’ являются следующие исконные: кз. *коддзöдан юан*, кп. *кодззöтан юан*, удм. *кудзъытйсь юон* (*букв.* опьяняющий напиток).

Самое древнее название в данной группе обозначений – *сур* ‘пиво, домашняя брага’, звучащее во всех пермских языках одинаково и проникшее еще в прапермскую эпоху из иранских языков: обшеп. **sur* < иранск., *ср*. др.-инд. *su=rá-* ‘пиво, хмельной напиток’, авест. *hurá* ‘алкогольный напиток’ [7. С. 266]. Сырьем для получения пива служат солод и сусло. Почти все названия различных видов алкогольных напитков в пермских языках не являются исконными.

Солод – кз. *чуж,* кп. *чуж*, удм. *ӧчужъем.* Уже в прапермском языке данное слово имело то же значение, что и теперь, то есть ‘солод’. Развилось оно на основе финно-пермского слова **čoše* ‘ячмень’ [16. С. 622)], что вполне закономерно: ведь один из основных компонентов пива – ячменный солод.

Сусло – кз. *чужва*, кп. *чужва*, удм. *варсь*. Это промежуточный продукт в пивоварении, представляющий собой водный раствор солода, на что указывает смысловое содержание слова *чужва* (*букв.* солодовая вода). Удмуртское *варсь* является собственно удмуртской лексемой и не имеет соответствий в родственных языках.

Более крепкие, чем пиво, напитки, **водка** и **вино**, имеют следующие названия: *водка* кз. кп. удм.*, еджыд вина* кз., *тöдьы вина* удм. ‘водка’; *вина* кз. кп. удм., *гöрд вина* кз.*, горд вина* удм.*, аракы* удм. ‘вино’. Кз. *еджыд вина*, удм. *тöдьы вина* (*букв.* белое вино) указывают на прозрачный характер спиртового напитка; кз. *гöрд вина* и удм. *горд вина* (*букв.* красное вино), обозначающие плодово-ягодные напитки, – на непрозрачность их состава.

Спиртовой напиток, изготовленный кустарным способом, в пермских языках называется: кз. *аскур, самöкур*, кп. *аскур, самогон*, удм. *кумышка*, *аракы*, *пöзьтэм вина*, что подчеркивают определительные компоненты *ас-* (‘свой’), *самö-* (‘само’), *пöзьтэм* (‘сваренный’). Удм. *кумышка* ‘самогон’ и *аракы* ‘самогон, вино, водка’, не имеющие соответствий в других пермских языках, относятся к тюркским заимствованиям, *ср.* тат. *аракы* ‘водка’ [9. С. 70; 13. С. 34], тат. *кәмәшкә* ‘самогон’ [9. С. 551].

Обозначение пищевых продуктов животного происхождения

В современных пермских языках для понятия ‘мясо’ нет единого названия. Оно обозначается двумя словами: *яй* кз. кп., *сӧль* удм. Слово *яй* ‘мясо’ возводится к прапермскому языку: **jaj* ‘организм, тело, здоровье’ [7. С. 337], слово *сӧль* – к прафинно-пермскому праязыку: **siwз-l’e* ‘мясо’ [16. С. 763]. Надо полагать, что слово *сіль*, генетически соответствующее удм. *сӧль*, постепенно было вытеснено из активного словарного запаса в результате создания новой лексемы *яй* и ее употребления в речи носителей коми языков для обозначения мяса. Несмотря на отсутствие единого обозначения, номинация разновидностей мяса в пермских языках осуществляется однотипно – путем сочетания основного слова *яй* или *сӧль* с определительным компонентом, указывающим на животное.

Названия мяса домашних животных: **говядина** – кз. *мöс яй*, кп. *мöс яй*, удм. *скал сӧль*; **конина** – кз. *вöв яй*, кп. *вöв яй*, удм. *вал сӧль*; **баранина** – кз. *ыж яй*, кп. *баля яй*, удм. *ыж сӧль*; **свинина** – кз. *порсь яй*, кп. *порсь яй*, удм. *парсь сӧль*;

курятина – кз. *курöг яй, чипан яй*, кп. *курöг яй,* удм. *курег сӥль* и т.д. (*вöв, вал* ‘конь’, *ыж*, *баля* ‘овца’, *порсь, парсь* ‘свинья’).

Названия мяса диких животных: **медвежатина** – кз. *ош яй*, кп. *ош яй*, удм. *гондыр сӥль* (*ош, гондыр* ‘медведь’); **лосятина** – кз. *йöра яй*, кп. *йöра яй*, удм. *койык сӥль* (*йöра, койык* ‘лось’)*;* **оленина** – кз. *кöр яй*, кп. *кöр яй,* удм. *пужей сӥль* (*кöр*, *пужей* ‘олень’); **зайчатина** – кз. *кöч яй*, кп. *кöч яй*, удм. *луд кеч сӥль* (*кöч, луд кеч* ‘заяц’); **рябчик** – кз. *сьöла яй,* кп. *сьöла яй,* удм. *сяла сӥль* (*сьöла, сяла* ‘рябчик’); **глухарь** – кз. *дозмöр яй*, кп. *дозмöр яй*, удм. *дукъя сӥль* (*дозмöр, дукъя* ‘глухарь’) и т.д.

Употребляемые в пищу некоторые внутренние органы животных обозначаются так же, как и в живом организме: **печенка** – кз. *мус*, кп. *мус,* удм. *мус*; **легкие** – кз. *ты*, кп. *лёгкоэз*, удм. *ты*; **сердце** – кз. *сьöлöм*, кп. *сьöлöм*, удм. *сюлэм* и т.д. Перечисленные слова, за исключением кп. *лёгкоез*, относятся к исконному словарному фонду, для них реконструируются следующие праформы: ур. **maksa* ‘печень’, ур. **s’iδä(mз)* ‘сердце’, ур. **tawe* ‘легкое’ [16. С. 264, 479, 519].

Общим названием рыбных продуктов является *чери* кз. кп., *чорыг* удм., возникшее в прапермский период (**č'erig* ‘рыба’) вместо прафинно-угорского **kala* ‘рыба’ [16. С. 119]. В зависимости от того, какая рыба использована для приготовления того или иного рыбного блюда, название конкретизируется: *сир* кз., *щука* кп., *чипей* удм. ‘щука’; *ёкыш* кз. кп., *юш* удм. ‘окунь’; *ёді* кз. кп.*, пая* удм. ‘лещ’. Как свидетельствуют приведенные примеры, за исключением кп. названия щуки, все остальные являются исконными словами. Для обозначения какой-либо части рыбного продукта употребляются словосочетания типа *чери пöк* кз. кп.*, чорыг мызь* удм. ‘рыбья икра’ (*пöк*, *мызь* ‘икра’); *чери нек* кз. кп.*, чорыг йöло мызь* удм. ‘молоки’ (*нек*, *йöло мызь* ‘молоки’); *чери юр* кз. кп.*, чорыг йыр* удм. ‘рыбьи головы’ (*юр, йыр* ‘голова’) и т.д.

Свежая рыба и блюда из нее обозначаются словами *свежöй чери* кз. кп., *выль чорыг* удм. (*букв.* новая рыба), в соленом виде – *сола чери* кз. кп., *сылалтэм чорыг* удм. (*букв.* соленая, посоленная рыба)*,* в сушеном виде – *кос чери* кз., *кöс чери* кп.*, куасьтэм чорыг* удм. (*кос, кöс* ‘сухой’, *куасьтэм* ‘сушеный’).

Для яйца как пищевого продукта общепонятийны обозначения кз. *кольк* и *позтыр диал.*, кп. *кольть,* удм. *пуз*, а также кз. *кай кольк, лэбач кольк*, кп. *кай кольть* (*кай, лэбач* ‘птица, птичка, птичий’), удм. *тылобурдо пуз* ‘птичье яйцо’ (*тылобурдо* ‘птица, птичий’). Перечисленные названия относятся к исконному словарному фонду пермских языков. Для коми слов *кольк* и *кольть* реконструируется финно-пермская праформа **kal’kkз* ‘яйцо’ [16. С. 644]. Слово *пуз* сопоставляется с коми-зырянским *позтыр* [7. С. 223]. В удмуртском языке в качестве синонима *пуз* употребляется *кукей* ‘яйцо’, что сопоставимо с тат. *кукей* ‘яйцо’ [9. С. 724; 13. С. 87]. Для обозначения принадлежности конкретным представителям пернатых употребляются названия: кз. *курöг кольк, чипан кольк*, кп. *курöг кольть*, удм. *курег пуз* ‘куриное яйцо’ (*курöг, курег, чипан* ‘курица’); кз. *дзодзöг кольк*, кп. *дзодзог кольть*, удм. *ӟазег пуз* ‘гусиное яйцо’ (*дзодзöг, дзодзог, ӟазег* ‘гусь’); кз. *утка кольк*, кп. *утка кольть*, удм. *ӧöж пуз* ‘утиное яйцо’ (*утка, ӧöж* ‘утка’) и т.д.

Названия, обозначающие отдельные части **яйца**: **белок** – кз. *кольк еджыд*, кп. *кольть чочком*, удм. *курег пуз тöдьы* (*еджыд, чочком, тöдьы* ‘белый’);

желток – кз. *кольк виж*, кп. *кольть веж*, удм. *курег пуз ӵуж* (*виж, веж, ӵуж* ‘желтый’); **скорлупа** – кз. *кольк кыш,* кп. *кольть кыш*, удм. *курег пуз сьӧм* (*кӧм, сьӧм* ‘скорлупа’). Сырое яйцо называется *уль кольк* кз., *уль кольть* кп., *ыль курег пуз* удм. (*уль, ыль* ‘сырой’), вареное – *пуӧм кольк* кз., *пуӧм кольть* кп., *пӧзьтэм курег пуз* удм. (*пуӧм, пӧзьтэм* ‘вареный’).

Общее название **молочных продуктов** в современных пермских языках относится к исконному словарному фонду, оно однотипно и представляет собой двухкомпонентное образование: кз. *йӧв-вый*, кп. *йӧл-ви*, удм *йӧл-вӧй* (*букв.* молоко-масло). Основные молочные продукты: простокваша, сметана, творог и т.д.

Слово, обозначающее молоко (кз. *йӧв*, кп. *йӧв*, удм. *йӧл*), возводят к финно-пермскому периоду и реконструируют в форме **jälte* с исходной семантикой ‘древесный сок’ [16. С. 632]. Современное значение эта лексическая единица приобрела, видимо, в общепермскую эпоху, когда у наших предков появились в хозяйстве домашние животные, в том числе корова. Весьма вероятно, что до возникновения животноводства это слово обозначало молоко диких животных.

В зависимости от источника получения **молока** различаются: **коровье** – кз. *мӧс йӧв*, кп. *мӧс йӧв*, удм. *скал йӧл*; **козье** – кз. *кӧза йӧв*, кп. *кӧза йӧв*, удм. *кеч йӧл*; **кобылье** – кз. *кӧбыла йӧв*, кп. *кӧбыла йӧв*, удм. *кобла йӧл*. В коми-зырянском языке есть также название *йӧра йӧв*, обозначающее молоко одомашненного лося (*йӧра* ‘лось’). Как показывают приведенные примеры, некоторые названия не являются полностью исконными, в их состав включаются заимствованные компоненты: 1) из русского языка (*кӧза, кӧбыла, кобла*), 2) из древнеиранского (*мӧс, скал* ‘корова’), 3) из древнебулгарского (*кеч* ‘коза’).

Название молозива, выделяемого молочными животными в первые дни после отела, во всех пермских языках тоже совпадает: кз. *чӧжйӧв*, кп. *чижйӧв*, удм. *ӵӧжы, ӵӧжыё йӧл*. Считают, что общепермское **čεž* ‘молозиво’ развилось из допермского **čȣčз-* ‘грудь, вымя’ [7. С. 311].

У парного молока нет единого обозначения, в каждом из пермских языков оно называется по-своему: кз. *мӧс вӧра йӧв*, (*букв.* молоко коровьего вымени), кп. *парнӧй йӧв* (*букв.* парное молоко), удм. *шуныт йӧл* (*букв.* теплое молоко). Это же характерно и для обезжиренного молока: кз. *вӧчӧм йӧв* (*букв.* переработанное молоко), кп. *лэдзӧм йӧв* (*букв.* пропущенное молоко), удм. *обрат* (из русского языка).

Название сметаны (кз. *нӧк*, кп. *нӧк*, удм. *нӧкы* < **nȣ°ki*) является наследием прапермской эпохи, не имеющим соответствий ни в одном из современных финно-угорских языков. В качестве синонимического варианта употребляются также кп. *йӧв вевдӧр* и удм. *йӧлвыл* (*букв.* верх молока).

Название творога совпадает только в коми языках: кз. *рысь*, кп. *рись*. В удмуртском же языке употребляют *ӵурыт йӧл, кисьтэм йӧл* (*букв.* твердое молоко, отлитое молоко). Несмотря на отсутствие удмуртского соответствия, для коми слов реконструируется общепермская праформа **rüs’-* ‘нечто свернувшееся, уплотнившееся, осевшее, комковатое’ [7. С. 247].

У всех наших народов сливки обозначаются однотипными словосочетаниями: кз. *йӧв вылыс*, *йӧв выв*, кп. *йӧв вевдӧр*, удм. *йӧлвыл* (*букв.* ‘верх, поверхность молока’).

Названия простокваши: кз. *выльльӧв, шомйӧв*, кп. *шӧмйӧв*, удм. *чырс йӧл, йӧлпыд*; в их составе совпадают кз. *шомйӧв* и кп. *шӧмйӧв* (*букв.* кислое молоко).

Коми-зырянское *выльльöв,* легко выводимое из современного коми материала (< *выль йöв, букв.* новое молоко), на самом деле не является исконным словом. В качестве источника заимствования предполагается вепсское название данного молочного продукта *val'l'maid* ‘простокваша’ (*букв.* слабое молоко). Считают, что свою окончательную форму в коми языке это название приобрело под влиянием народной этимологии [7. С. 72]. Названия *чырс йöл* и *йöлпыд* – собственно удмуртские и буквально означают ‘кислое молоко’, ‘остаток молока, осадок молока’.

Вырабатываемое из сливок масло обозначается словами общего происхождения: кз. *вый*, кп. *ви*, удм. *вöй* (< прап. *vo̯j* ‘масло’). У этих пермских названий есть генетические соответствия во многих других родственных финно-угорских языках, например: морд. *вай,* ф. *voi*, венг. *vaj* ‘масло’. Прафинно-угорское название реконструируется в виде **woje* со значением ‘жир, сало, жировое вещество’ [16. С. 518]. Словосочетанием масло из коровьего молока обозначается: кз. *мöс вый*, кп. *мöс ви*, удм. *скал вöй* (*мöс*, *скал* ‘корова’), а также топленое масло: кз. *сывдöм вый*, кп. *сылöтöм ви*, удм. *шунтэм вöй, пöзьтэм вöй* (*сывдöм* ‘топленый, вытопленный’, *сылöтöм* ‘топленый, вытопленный’, *шунтэм* ‘топленый, вытопленный’, *пöзьтэм* ‘кипяченый, расплавленный’).

Названия отдельных блюд в пермских языках

Первые блюда. Название супа *шыд* совпадает во всех пермских языках. Это прапермское слово (**šüd*) унаследовано из финно-пермского праязыка: **šunte* ‘вид жидкой еды, суп’ [16. С. 789].

Бульон обозначается как исконными, так и заимствованными словами: кз. *шыд ва* (*букв.* супная вода), кп. *бульон*, удм. *бульон, лым*. Удмуртскому слову *лым* есть генетические соответствия в двух диалектах коми-зырянского языка: *лем* вв. уд. ‘студенистый, застывший навар’. Прапермское **lüm-* восходит к финно-угорскому **leme* ‘сок, суп’ [16. С. 245].

Названия ухи во всех пермских языках являются исконными образованиями: кз. *юква*, кп. *чери ва* (*букв.* рыбная вода), удм. *чорыг лым* (*букв.* рыбный бульон).

Названия, указывающие на конкретные виды супа, представляют собой однотипные словосочетания: в них основным словом является *шыд*. Определительное же слово обозначает продукт, из которого сварено блюдо: кз. *яя шыд*, кп. *яя шыд*, удм. *сӧльын шыд* ‘суп с мясом’ (*букв.* мясной суп); кз. *курöг шыд, чипан шыд*, кп. *курöг шыд*, удм. *курег сӧльын шыд* ‘куриный суп’ (*курöг, курег, чипан* ‘курица’); кз. *анькытша шыд*, кп. *анькытшовöй шыд*, удм. *кöжыен шыд* ‘гороховый суп’ (*анькытш, кöжы* ‘горох’); кз. *петшöра шыд*, кп. *петшöра шыд*, удм. *пушнерен шыд* ‘суп с крапивой’ (*петшöр*, *пушнер* ‘крапива’); кз. *тшака шыд*, кп. *тшака шыд*, удм. *губиен шыд* ‘грибной суп’ (*тшак, губи* ‘гриб’); кз. *йöла шыд*, кп. *йöла шыд*, удм. *йöлын шыд* ‘молочный суп’ (*йöв, йöл* ‘молоко’) и т.д.

Вторые блюда. К числу их исконных названий относятся следующие.

Каша – кз. *рок,* кп. *рок*, удм. *ӝук*. Из прапермского **rok* ‘каша’, возводимого к прафинно-угорскому языку: **rekke* ‘каша, крупа’ [16. С. 421].

Молочная каша – кз. *йöла рок*, кп. *йöла рок*, удм. *йöлын ӝук*.

Рыба в масле – кз. *выя чери*, кп. *виын чери*, удм. *вöйын чорыг* (*вый, ви, вöй* ‘масло’).

Пельмени – кз. *пельнянь*, кп. *пельнянь*, удм. *пельнянь* (*букв.* ухо-хлеб). Русское название данного блюда заимствовано из коми или удмуртского языков [7. С. 219].

Рыбник – кз. *черинянь,* кп. *черинянь*, удм. *чорыген нянь* (*букв.* рыбный хлеб, хлеб с рыбой).

Солодовая каша – *юм* кз.

Солодовый кисель с толчеными ягодами – *ляз* кз. кп. и т.д.

Остальные названия вторых блюд либо полностью заимствованы, либо являются сочетаниями с иноязычным компонентом: *котлет, рагу, шницель, яеснича, яичница; выя картупель* кз. кп., *вöйын картофка* удм. ‘картофель в масле’, *жаритöм чери* кз. кп., *жарить карем чорыг* удм. ‘жареная рыба’ и т.д. Известное в некоторых диалектах удмуртского языка название *кыймак* ‘блины, оладьи’ представляет собой тюркское заимствование, источником считается тат. *коймак* ‘оладья’ [9. С. 349], башк. *коймак* ‘оладьи, блин’ [8. С. 38, 320].

Названия, обозначающие вкусовые качества пищи

Данная группа представлена словами исконного происхождения.

Вкусный – кз. *чöскыд*, кп. *чöскыт,* удм. *ческыт*. Из прапермского **č’εskit* ‘вкусный’ (7. С. 312). Вкусная еда – кз. *чöскыд сёян*, кп. *чöскыт сёян*, удм. *ческыт сиён*.

Сладкий – кз. *юмов*, кп. *юмол* сев., удм. *ческыт*. Слово *юмов* выводят из прапермского **jumзl* ‘сладкий’, возводимого к прафинно-пермскому **jimä (~lä),* одно из значений которого также ‘сладкий’ [16. С. 355].

Соленый – кз. *сола*, кп. *сола,* удм. *сылалтэм*. Из общеп. **sǫ̂l-* ‘соль’.

Кислый – кз. *шома,* кп. *шöма*, удм. *чырс*. Коми слова возникли из общепермского **šǫ̇̂m* ‘кислый’ [7. С. 321].

Горький – кз. *курыд*, кп. *курыт*, удм. *курыт.* Все эти слова развились из одного источника – прап. **kurit* ‘горький’, который возводится к финно-угорскому **karwe* ‘горький, острый’.

Наряду с перечисленными названиями имеются также слова, встречающиеся только в каком-либо одном из пермских языков, например: кп. *кöра* ‘вкусный’, удм. *коньыт, конял* ‘вкусный’, удм. *нюртэм* ‘соленый’, удм. *чырс* ‘кислый’.

Лексика, связанная с приготовлением пищи

Кроме слов *дасьтыны, лöсьöдны* (*лöсьöтны, дасяны*), для обозначения действия ‘приготовить пищу’ употребляются также сочетания: кз. *сёян дасьтыны*, *сёян лöсьöдны*, кп. *сёян лöсьöтны*, удм. *сиён лэсьтыны*.

Способы приготовления пищи и их обозначение.

Варить – кз. *пуны*, кп. *пуны,* удм. *пöзьтыны*. Коми слова выводятся из общеп. **pǯ-* ‘вариться, кипеть’, восходящего к ур. **peje-* ‘варить, кипятить’ [16. С. 368]. Удмуртское название *пöзьтыны* также является древним словом, но с другой этимологией (< прап. **pǫ̇̂ʒ́'-* ‘вариться, кипеть’).

Кипятить – кз. *пузьӧдны*, кп. *пизьӧдны*, *пуӧдны*, удм. *быректыны*. Коми примеры являются производными от слова *пуны* (см. выше). Удмуртское слово не имеет соответствий в коми языках.

Жарить – кз. *жаритны, пражитны*, кп. *жаритны*, удм. *жарить карыны*. Все приведенные слова заимствованы из русского языка.

Печь – кз. *пӧжавны*, кп. *пӧжавны*, удм. *пыжыны*. Из общепермского **pǫ̑ž-* ‘печь’, восходящего к финно-пермскому **paže-* ‘жарить, печь’ [16. С. 725].

Парить – кз. *пӧжны*, кп. *пӧжны*, удм. *пыжыны*. Одного корня со словом *пӧжавны*.

Коптить – кз. *тшынӧдны*, кп. *тшынӧтны*, удм. *ӵынатыны*. Производные от *тшын* ‘дым’,

Сушить – кз. *косьтыны*, кп. *косьтыны*, удм. *куасьтыны*. Восходят к слову финно-пермского происхождения *кос* ‘сухой’ (< **koksз* ‘сухой’).

Солить – кз. *солавны*, кп. *солавны*, удм. *сылалтыны*. Произошли от слова финно-пермского происхождения *сов* (*сылал*) ‘соль’ (< **salз* ‘соль’).

Вялить – кз. *шупӧдны*, кп. *шупӧтны,* удм. *шупатыны*. От общепермского **šup-* ‘сохнуть’, восходящего к финно-угорскому **šoppз-* ‘сухой’ [16. С. 502].

Рассмотренная группа обозначений свидетельствует о том, что данные способы приготовления были известны нашим предкам с древнейших времен.

Способы приема пищи

Кроме общепонятийных слов *сёйны* ‘есть’, *юны* ‘пить’, в данную группу входят следующие обозначения.

Хлебать – кз. *панявны*, кп. *панявны,* удм. *ӟузьылыны*. Коми слова являются производными от слова общепермского происхождения *пань* ‘ложка’. Удмуртское слово имеет соответствия в некоторых диалектах коми языка, например *рузьывны* уд. ‘хлебать’, и относится к прапермскому фонду (**ruz’-* ‘пить, хлебать’).

Кусать – кз. *курччавны*, кп. *курччавны,* удм. *куртчылыны*. Возникло из общепермского **kurtč’-* ‘кусать’, восходящего к финно-пермскому **karз* ‘кусать’ [16. С. 147].

Грызть – кз. *йирны*, кп. *йирны,* удм. *йырйыны*. Из общепермского **jür-* ‘грызть’, восходящего к финно-пермскому **jere-* ‘грызть, глодать’ [16. С. 635].

Жевать – кз. *няклявны*, кп. *няклявны*, *сӧскыны*, удм. *сыскыны*. Наличие слова *няклявны* в обоих коми языках свидетельствует об их общекоми происхождении. Названия *сӧскыны* и *сыскыны*, имеющие соответствия в некоторых коми-зырянских диалектах (например в удорском *сӧскыны* ‘жевать’), более древние: ур. **soske-* ‘кусать, жевать’ [16. С. 448].

Глодать – кз. *вильӧдны*, кп. *вильӧтны,* удм. *йырйыны*. Коми примеры, не имеющие генетического соответствия в удмуртском языке, возможно, образованы от слова *вильыд* ‘скользкий’.

Глотать – кз. *ньылавны*, кп. н*ьылавны*, удм. *ньылыны*. Из общепермского **n’ül-* ‘глотать’, восходящего к прауральскому **n’ele-* ‘проглатывать, поглощать’ [16. С. 315].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что исследованная лексико-тематическая группа представляет собой целостную микросистему. Ее

самостоятельность в составе лексики материальной культуры пермских народов обусловлена самим объектом обозначения, а также языковыми средствами номинации, формирование которых происходило в течение многих тысячелетий как за счет внутренних, так и за счет внешних источников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест. – авестийский язык, вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, венг. – венгерский язык, диал. – диалектное слово, древне-инд.- древнеиндийский язык, иранск. – иранские языки, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, морд. – мордовские языки, общеп. – общепермский язык-основа, прап. – прапермский язык, рус. – русский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого наречия, уд. – удорский диалект коми-зырянского языка, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф. – финский язык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык, юж. – южное наречие удмуртского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск, 1988.

2. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991.

3. Большая советская энциклопедия. Т. 33. М., 1955

4. Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993.

5. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

6. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар, 2000.

7. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; Сыктывкар, 1999.

8. Русско-башкирский словарь. М., 1954.

9. Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. М., 1984.

10. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003.

11. Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

12. Русско-чувашский словарь / Под ред. И. А. Андреева и Н. П. Петрова. М., 1971.

13. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.

14. Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

15. Чувашско-русский словарь и русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1999

16. *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band I–III. Budapest, 1988–1991.

Поступила в редакцию 5.07.2011

A. N. Rakin

A comparative study of lexicon material culture (Permian languages)

This work represents the first experience of the study of material culture lexicon in three related languages – Komi-Zyryan, Komi-Perm, and the Udmurt. It examines the system of designations of food, ways of cooking and eating. The bulk of nominative units is to the primordial vocabulary, have been developed over many millennia in praUral, prafinno-Ugric,

prafinno-Permian-, Permian and later periods. Foreign language component consists of the names of the six penetrating external sources.

Keywords: Komi-Zyryan, Komi-Perm, the Udmurt languages, vocabulary of material culture, the principles of the nomination of food, aboriginal and foreign language vocabulary.

Ракин Анатолий Николаевич,
доктор филологических наук,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Rakin Anatolij Nicolajevich,
Doctor of Philology,
Institut of Language, Literatur and History of the Komi Research Centre UrB of RAS
Syktyvkar
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

УДК 81’282(=511.131)

Л. В. Бусыгина

НАЗВАНИЯ КУПАЛЬНИЦЫ В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Статья подготовлена в рамках создания Диалектологического атласа удмуртского языка. Рассматриваются названия купальницы европейской, принципы номинаций, их происхождение и распространение.

Ключевые слова: удмуртские диалекты, территориальное распространение, принцип номинаций, этимология слов, письменные источники.

Выражение понятия *«купальница»* в удмуртских диалектах имеет разные интересные по своему происхождению и распространению наименования, что и явилось инициирующим фактором нашего исследования.

Названия *купальницы*, как обычно, имеют семантическую мотивировку, основанием для них являются ее различные свойства и характеристики. Как отмечает А. Брем, «купальница европейская (Trollius europaeus L.) растет в сырых местах – на лугах, среди кустарников, в лесах… Чашелистики лепестковидные, желтые, образуют цветок оригинальной шаровидной формы, защищающей пыльцу от сырости, ввиду чего купальница никогда не склоняет цветок. Имеется только одно небольшое отверстие наверху, через которое насекомые попадают внутрь. В непогоду и по ночам они забираются в цветки купальницы и находят там временное убежище от дождя, ветра и холода ночи – ведь в цветке на 5–6° С теплее, чем снаружи» [3. С. 469–470]. Так, например, русское родовое название исследуемого цветка «купальница» связано с местообитанием растения, чаще всего у самой воды, словно растение купается. Научное название рода *Trollius* происходит от латинского *trulleus* – «шарообразный сосуд» и связано с формой цветка [3. С. 470]. В Словаре пермских говоров отмечено его диалектное название *колобок* ’купальница европейская’. Авторы словаря приводят пример: *Пойдем, маленькие были дак, колобки рвать у самой речки; корешок мокрень-*

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00–304а.

кой, листочки зелененькие, верхушечка желтенькая; оне как колобок желтой на ветке (Осокино Сол.) [11. С. 406], – который объясняет мотивацию данного наименования. В коми-пермяцком языке купальница имеет название *горадзуль* (букв. звонкая головка (капелька). Вероятно, насекомые, собирающие пыльцу в цветках, издавали звуки, создающие эффект перезвона колокольчиков, к тому же этим наименованием коми называют и колокольчик (Campanula rotundifolia). Удмуртские диалектные названия купальницы также обусловлены разными свойствами, характеристиками и особенностями этого растения: *италмас, лудмак*, *гудырисяська*, *кикокукы*, *ӧужсяська*, *тэтэсяська*, *чалмасяська*.

В письменных источниках зафиксированы следующие удмуртские наименования: *Італмас* I, *Италмас* II Луговая трава изъ вѣнчиковых съ жолтыми цвѣтами. Frollius europaens, жолтый піонъ. Желтоголовникъ (1892–1918) [4. С. 104]; *italmas* (Sar.), *itamat* (Mal.); 1. *atalmas* ’куповка’; *atalmas*, Sar. Jel. *italmas*; *itamat* ’куповка’; *italmas-śaśka* ’куповка’; *čalma-čača* ’купальница’ (1896) [21. С. 49, 13, 310]; *чалмо чача* к, *купанча* с ’купальница (цветок)’ [19. С. 37, 58]; *италмас* ’купальница’ [9. С. 26]; *чалмачага* ’полотенце купанча М. 310 – купальница трава’ [2. С. 312]; *италмас* ’купальница европейская’, *чалмачача* ’купальница’ [13. С. 112, 320]; *италмас*, *италмассяська* ’купальница’, *чалмачача* ’купальница’ [14. С. 170, 466]; *италмас* ’купальница’, *лудмак* ’купальница’, *гудырисяська* ’1. калужница; 2. купальница европейская’, *чалмасяська* ’купальница’ [15. С. 256, 402, 170, 718]. Авторы словаря биологических терминов отмечают такие наименования исследуемого растения, как *италмас*, *итамас*, *италмат*, *атамас*, *италмас сяська*, *луд мак*, *чалмасяська*, *чалмачача* [1. С. 92]. При этом в словарях встречаются некоторые варианты удмуртских названий купальницы, но с другим значением: *италмас* ’лютик трава’ [2. С. 116]; *гудырисяська* ’калужница’, *тэтэсяська* ’лютик’ [14. С. 115, 439]; *ӧужсяська* ’1. купава красильная; 2. ромашка желтая’, *тэтэсяська* ’диал. лютик’ [15. С. 752, 678]. Общность мест произрастания и внешнее сходство, по всей вероятности, объединяют эти растения в народном сознании. Собственно, аналогичное явление можно наблюдать и с русскими названиями белокрыльника, калужницы, кувшинки, кубышки и купальницы. Значительное число этих наименований, по утверждению В. А. Меркуловой, «относится сразу к нескольким видам. Образуя одно семантическое микрополе, названия этих растений перемещаются в границах микрополя» [5. С. 25].

В диалектах удмуртского языка наиболее распространено название купальницы *италмас*. Практически оно используется на всей территории проживания удмуртов, за исключением Республики Татарстан. Вариант *италмас* ’купальница’ встречается в следующих опорных пунктах: 12–14, 19, 20, 22, 26–36, 38–44, 48, 50–65, 68–114, 116, 118–137, 143, 146, 149, 153–161, 163 (2), 164, 166–171. В сурвайско-поломском говоре средне-западного диалекта (10, 11) отмечена форма *итамас* (10, 11). В говоре жителей села Бол. Карлыган Республики Марий-Эл (138) в данном названии вместо согласного *л* произносится билабиальный сонант (неслоговой *у*), при этом предшествующий гласный *а* огубляется и переходит в *о* – *итоўмас* (138). В д. Зюино Ярского района Удмуртской Республики (21) параллельно с названием *ӧушс'ас'ка* бытует форма *аталмас*.

Исследуемое наименование представляет собой сложное слово, состоящее из двух частей, первая из которых *ит-* является старотатарской формой слова *эт* ’собака’ [см.: 20. С. 256]. Вторая часть названия *алмас*, согласно М. Фасмеру, является восточным заимствованием, которое идет через арабский из греческого языка [см.: 16. С. 71]. Следовательно, значение названия *италмас* можно трактовать как ’собачий (не человечий, ненастоящий) алмаз’. Заметим, название этого цветка с драгоценными камнями, драгоценными металлами ассоциируют и другие народы, например, баш. *алтынбаш* [6. С. 515] букв. ’золотая голова’, тат. *алтын туй чәчәк* ’цветок золотой свадьбы’ [8]. К тому же согласно принципу номинации растений, непригодные для человека ядовитые или же «не являющиеся настоящими» растения типологически связывают с животными, чаще – с собакой, ср.: удм. *пунильӧм* (букв. собачья черемуха) ’крушина (ягоды)’, *пунысутэр* (букв. собачья смородина) ’жимолость’, *пуныкӧжы* (букв. собачий горох) ’просвирник’, *кионльӧм* (букв. волчья черемуха) ’жимолость; крушина слабительная’, *кионмульы* ’волчьи ягоды’ [15. С. 560, 303]; к. *пончӧд* (букв. собачья черника) ’водяника, вороника’, *понпир* ’черный паслен; собачьи ягоды’, *пон жыннян* (букв. собачий колокольчик) ’колокольчик’, *понтшак* (букв. собачий гриб) ’поганка (гриб)’ [7. С. 93, 347, 649]; чув. *кашкăр çырли* ’волчья ягода’, *ут кăшкарĕ* ’конский щавель’, *йыт(ă) çĕмĕрчĕ* (букв. собачья ягода) ’крушина’ [18. С. 144, 155, 127]; фин. *koiranputki* (букв. собачья трубка) ’купырь лесной’, *koirankieli* (букв. собачий язык) ’чернокорень лекарственный’, *koiransilmä* (букв. собачий глаз) ’мелколепестник едкий’ [22. С. 261] и т.д.

По мнению Р. Ш. Насибуллина, в наименовании *италмас* к старотатарской форме *ит* ’собака’ присоединяется татарский глагол *ал-* ’брать, взять’ + суффикс отрицания в 3 лице *-мас*; *алмас* ’не возьмет’. То есть *италмас* ’букв. собака не возьмет’. Согласно ученому, эти цветы, внесенные в Красную книгу, содержат как бы запрет, своеобразное табу: цветы настолько дороги народу, что их даже собака не срывает, не то что человек. В народе такую трактовку названия объясняют сильным запахом цветка (устное сообщение М. К. Хузиной).

Своеобразное табу содержит в себе название купальницы *гудырисяська*, представляющее собой атрибутивное сочетание: *гудыри* ’гром; громовой’ + *сяська* ’цветок’. Сразу отметим, в названии наблюдается структурная «неполнота» синтаксической конструкции, то есть в процессе стягивания словосочетания в однословное наименование произошло «выпадение» языковой единицы, легко восстанавливаемой из контекста – лексема *ӵашъён* ’ударить (о молнии)’. Но в данном случае, вероятнее всего, народ по сходству перенес на купальницу название ядовитого растения лютика. В народе существует поверье, что, если сорвать цветок лютика, может убить молнией. Возможно, смысл названия – в своеобразном предупреждении о ядовитости растения. Исследуемое название (*гудырисяська*) преимущественно используется в среднечепецком диалекте и только параллельно с названием *италмас* (что подтверждает факт перемещения названий), лишь изредка оно появляется в некоторых опорных пунктах средне-южного говора (115, 117), а также в д. Дым-Дым-Омга Вятско-Полянского района Кировской области (18). И только в лекминском говоре бесермянского диалекта (45, 46, 49) используется как

единственный вариант названия купальницы европейской. Здесь бытуют формы с неогубленным гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема *гудърис'ас'ка* (45, 46) и *гъдъръс'ас'ка* (45, 46, 49). Кстати, в д. Дондыкар Глазовского района Удмуртской Республики (25) встречаются два варианта: один – с неогубленным гласным средне-заднего ряда верхне-среднего подъема, промежуточным между *ы* и ъ: *гудырис'ас'ка*, форма с неогубленным гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема *гудърис'ас'ка*; и второй – *гудрис'ас'ка*, в котором между двумя согласными перед *р* произошло выпадение гласной (ср.: *сукыри* ~ *сукри* ‘каравай’, *ӟугыри* ~ *ӟугри* ‘жгут; коса’, *ӟузыри* ~ *ӟузри* ‘сосулька’).

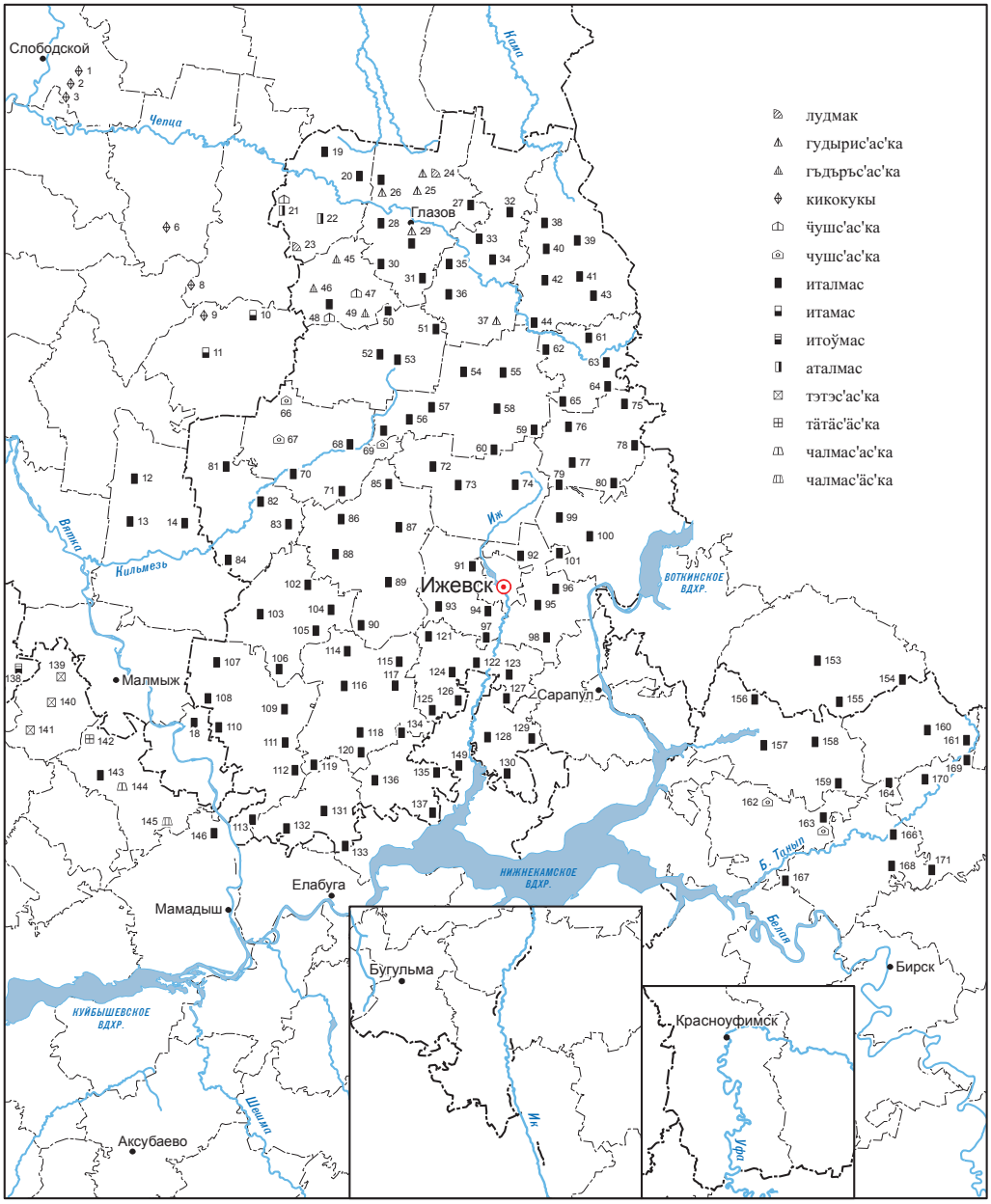
Название *кикокукы* в значении ‘купальница’ встречается только в нижнечепецком диалекте. В справочной литературе данное слово в виде *кикокукы* и *кикокуко* отмечено лишь в Удмуртско-русском словарях 1983 и 2008 года издания, но в значении ‘кукушка // кукушечий’ [14. С. 198; 15. С. 301]; в значении названия растения ни один письменный источник его не фиксирует. Мы предполагаем, что переход названия птицы *кикокукы* на цветок обусловлен совпадением периода цветения купальницы с временем, когда кукушка (Cuculus canorus) весной издает много раз сряду свой громкий крик. По данным полевых экспедиций в опорных пунктах нижнечепецкого диалекта кукушку называют *куку·шка* (6, 8, 9) или же *кикук* (1, 2, 3). Новые названия кукушки возникли в связи с потребностью дифференциации названий птицы и цветка.

Жители деревень Никольское Ярского района (23) и Золотарево Глазовского района (24) Удмуртской Республики купальницу ассоциируют с маком и называют *лудмак* (*луд* ’луг, луговой’ + *мак* ’мак’). В данном случае название мотивировано схожестью лепестков и семян. Вероятнее всего даже семян, так как удмурты северных районов используют их в качестве пищи.

Основанием номинации следующего названия купальницы является ее цвет: *ӧужсяська*. Наименование представляет собой атрибутивное сочетание *ӧуж* ’желтый’ + *сяська* ’цветок’. Встречается в юкаменском говоре среднечепецкого диалекта (47, 48), а также в копкинском и селтинском говорах среднезападного диалекта (66, 67, 69). Вариант с палатальной анлаутной аффрикатой *чушс'ас'ка* ’купальница’ отмечен в дд. Большетуганеево и Большекачаково Калтасинского района Республики Башкортостан (162, 163). В этих опорных пунктах название *чушс'ас'ка* используется параллельно с наименованием *италмас*. В татарском языке понятие *италмас* выражают словом *сарычәчәк* ’купальница’, букв. ’желтый цветок’ или, как уже отмечали выше, *алтын туй чәчәк* ’цветок золотой свадьбы’. Его цвет ассоциируют с золотом, и потому именно на золотую свадьбу татары охапками дарят эти цветы (устное сообщение М. К. Хузиной).

Интерес вызывает название купальницы, распространенное у удмуртов, проживающих на территории Балтасинского района (139–141) *тэтэс'ас'ка*, а также его вариант с неогубленным гласным переднего ряда нижнего подъема, встречающийся в д. Лельвиж Кукморского района (142) Республики Татарстан – *тӓтӓс'ӓс'кӓ*. Наименование является сложным словом, состоящим из двух

КУПАЛЬНИЦА ЕВРОПЕЙСКАЯ



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

заимствованных из тюркских языков компонентов: первый компонент *тэтэ-*, *тäтä-* восходит к татарскому языку, ср. тат. *тәтәй* ’красивый (в детском языке)’, диал. *тәтәй*, *тәтәйкәй* ’цветок; красивый’; чув. *тетте* ’красивый’ [20. С. 197] + *с'ас'ка* ‘цветок, цветочек’. Слово *с'ас'ка* (*с'äс'кä*) большинство исследователей относит к чувашским, по современным представлениям, к булгарским заимствованиям, ср. чув. *çеçке* ‘цветок’ [24. С. 230; 21. С. 446; 17. С. 104; 10. С. 850; 12. С. 118; 20. С. 232]. Соответствия есть в других тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [17. С. 104; 20. С. 232].

Жители населенных пунктов Стар. Юмья и Стар. Уча Кукморского района Татарстана (144, 145) связывают название италмас с формой цветка, напоминающей народный головной убор замужней женщины в виде вышитого полотенца, накручиваемого на голову, с ниспадающими на спину концами – чалму: *чалмас'ас'ка* (*чалма* ’чалма’ + *с'ас'ка* ’цветок’). Первая часть названия имеет тюркское происхождение: тат. *чалма* ’чалма, тюрбан’ (21. С. 309; 23. С. 97; 20. С. 228), чув. *чалма* ’чалма, головной убор женщин; трехугольный платок, только у женщин, повязывают голову поверх сурпана на манер старушечьего чехла’ [17. С. 389]. М. Р. Федотов также приводит соответствия из многих тюркских языков [17. С. 389]. По утверждениям Р. Г. Ахметьянова, исследуемое слово имеет общий корень с рус. *чалить* (*причалить*) [20. С. 228].

Таким образом, при номинации купальницы европейской за основу взят морфологический признак растения. В удмуртских диалектных названиях отражается главным образом внешний вид купальницы: особенности соцветий (*чалмасяська*, *лудмак*), их цвет, вид (*ӧужсяська*). Более того, в ее названиях, распространенных по всей территории проживания удмуртов, в известной мере нашло отражение мироощущение, миропонимание удмуртского народа, религиозно-мифологические воззрения (*гудырисяська*, *кикокукы*, *чалмасяська*). Вероятно, не случайно италмас – любимый цветок удмуртов, неизменный атрибут народного эпоса, песен, поэзии. Цветок-символ дал название Государственному ансамблю песни и танца УР, кинотеатру в Ижевске, литературно-художественному журналу, издаваемому при Камском институте гуманитарных и инженерных технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.; вкл.

2. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 384 с.

3. *Брем А.* Жизнь растений. Новейшая ботаническая энциклопедия. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. 976 с.

4. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

5. *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). М.: Наука, 1967. 259 с.

6. Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1. А–О. 808 с.

7. Русско-коми словарь: 52 000 слов / Л. М. Безносикова, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева; Под ред. Л. М. Безносиковой; РАН. УрО. Коми НЦ. И-т ЯЛИ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

8. Русско-татарский толковый словарь по биологии / Сост. Ф. К. Ситдиков, Р. К. Закиев, А. Б. Халитов. Казань: Магариф, 1998.

9. Русско-удмуртский словарь / П. М. Русских, П. Я. Русских. Ижевск, 1931. 64 с.

10. Русско-чувашский словарь / Под ред. И. А. Андреева и Н. П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 895 с.

11. Словарь пермских говоров: В 2-х т. Т. 1 (А–Н). Пермь: Книжный мир, 2000. 606 с.

12. *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь / И. В. Тараканов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

13. Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

14. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

15. Удмурт-ӟуч кыллюкам (Удмуртско-русский словарь): Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д) / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. 562 с.

17. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. / М. Р. Федотов. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуман. наук, 1996. Т. 1. С–Я. 509 с.

18. Чувашско-русский словарь: Ок. 25000 слов / Сост. И. А. Андреев, Н. А. Андреев, А. И. Иванов и др.; Под ред. М. Я. Сироткина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Чув. АССР. М.: ГИИНС, 1961. 632 с.

19. *Яковлев И. В.* Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктӥсь книга / И. В. Яковлев. Казань, 1919. 82 с.

20. *Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р. Г. Әхмәтьянов. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б.

21. *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. 2-е изд.: Pécs, 1990. XVI + 836 l.

22. Otavan várikasvio. Helsinki, 1993. 270 S.

23. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. FU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2. Wortregister, 1971. 136 S.

24. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und M. Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 10.11.2011

L. V. Busygina

The names of Trollius europaeus L. in Udmurt dialects

This article was prepared as part of The Dialectological Atlas of the Udmurt language. We consider the name of Trollius europaeus L., the principles of nominations, the origin and distribution.

Keywords: Udmurt dialects, geographical distribution, the principle of nominations, the etymology of words, written sources.

Бусыгина Людмила Васильевна,
кандидат филологических наук
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: buslw@mail.ru

Busygina Ludmila Vasiljevna,
Candidate of Science (Philology)
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: buslw@mail.ru

УДК 81’282(=511.131)

С. А. Максимов

УДМУРТСКАЯ БЕРЁЗА И БЕРЕЗНЯК В СВЕТЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ*

Берёзовую рощу удмурты чаще всего передают наименованиями, выражающими понятие «берёзовый лес», но у разных территориальных групп удмуртов есть и специализированные названия. Большинство из них представляют собой атрибутивные сочетания, в которых первым компонентом является слово *кыз'пу* ‘берёза’, а в качестве второго выступают разные по происхождению слова: *тыло, тэл', с'ик, пӧл* (исконные), *ӵашка* (<рус.), *арама* (<тат.), *сурд* (<булг.) и т.д., – в целом имеющие семантику ‘роща (лиственная), заросли, кустарник’. В некоторых говорах периферийно-южного диалекта возникло наименование *кыс'пу*-(*о*)*лык*, образованное суффиксальным способом. В отдельные говоры проникли заимствованные термины: *бэрэзн'ак* – из русского; *чаlук* – из татарского.

Ключевые слова: берёза, берёзовая роща, удмуртские диалекты, лингвогеография, этимология.

Территория расселения удмуртов находится в лесной зоне: северные удмурты живут в южной тайге, а южные удмурты – в зоне смешанных (хвойно-широколиственных) лесов. Лишь незначительные группы периферийно-южных удмуртов освоили лесостепи. Во всем ареале расселения удмуртов берёза является обычной древесной породой, равным образом повсеместно распространены берёзовые рощи и леса. Нет ничего удивительного в том, что во всех территориальных группах удмуртов употребляется практически единственное название берёзы *кызьпу,* хотя оно имеет достаточно много фонетических вариантов.

Как известно, берёза воспета в стихах многих русских поэтов. Ее образ широко отражен и в удмуртской народной поэзии, и в стихах удмуртских поэтов. Настоящая статья, посвященная рассмотрению берёзы с точки зрения лингвогеографии, написана на основе комментариев к картам «Берёза» и «Берёзовая роща».

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00–304а.

«Берёза»

0.1. Понятию «берёза» в Толковом словаре русского языка даётся следующее описание: «лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой и сердцевидными листьями. Белая б. Чёрная б. Карликовая б.» [18. С. 42]. Названия берёзы в удмуртском языке относятся к берёзе белой (Betula nana).

1. В диалектах удмуртского языка для обозначения исследуемого понятия употребляются две лексемы: *кыз'пу* и *чаyl.*

1.1. ***кыз'пу, кыс'пу***

1.1.1. *Территориальное распространение и варианты слова.* Исследуемое наименование функционирует повсеместно, при этом больше всего зафиксирован вариант со звонким палатальным *з'* – *кыз'пу* и в несколько реже – варианты с глухим *с',* хотя перед глухим *п* следовало бы ожидать произношение именно глухого согласного. Отмеченное несоответствие произошло из-за влияния орфографии литературного языка, где в исследуемом слове пишется буква *з* – *кызьпу.* С другой стороны, в некоторых диалектах (в частности среднечепецком) возможно употребление звонкого палатального зубного даже при последующем глухом взрывном, и оно никак не связано с орфографией литературного языка. Нам известен, по крайней мере, один пример – *сэз'кыны* (*сэз'кънъ*) ‘отпираться, отказываться от своих слов, от совершённых дел’, где звук *з'* в описанной позиции не теряет своей звонкости полностью даже в том случае, когда в литературной форме (*сеськыны*) употребляется глухой согласный, усвоенный из срединных говоров. Факт сохранения звонкого звука в какой-то степени подтверждается следующим шутливым стишком*: йъдъ – гъдъ, ӟэг – зэч, сэз'ъ сэз'кэ* ‘ячмень – голубчик, рожь – хорошая, овёс отпирается’, – построенным на игре звуковых соответствий. Функционирование звонкого согласного в исследуемой лексеме подтверждается и письменными источниками: финский учёный Ю. Вихманн в конце XIX в. записал название берёзы в форме *kị̂ź-pu* в глазовском диалекте и в форме *ki̯ź-pu* – в елабужском.

Итак, вариант со звонким *з'* зафиксирован преимущественно в бассейне Чепцы и, кроме того, во многих населенных пунктах центральной и южной Удмуртии.

Вариант *кыс'пу* распространен почти на всей территории Селтинского района (68–70), а также в некоторых соседствующих с ним опорных пунктах: Сектыр (57), Алгазы (72), Паска (14, Кильмезск. р-н, Кировск. обл., вариант с палатализованным *с''* – *кыс''пу*); записан также в пунктах Бол. Шабанка (18, Вятскополянск. р-н, Кировск. обл.), Юски (97), Стар. Бодья (110), Верх. Тыжма (111), Нынек (119). Данный вариант характерен для шагиртско-гондырского (153, 155) и отчасти буйско-таныпского (158, 162) говоров периферийно-южного диалекта. Модификации с заднерядными вариантами *ы* употребляются в среднечепецком диалекте и в некоторых говорах центрально-южного диалекта: *кӹз'пу* (24, 31, 119), *къз'пу* (25, 26, 28–30, 35, 36, 45–50, 130, 135, 137, 149, *къс'пу* (128).

Вариант *кыс'пы* (*кӹс'пӹ*) встречается на юго-западе Удмуртии (112, 113, 131, 132) и привнесен, скорее всего, миграционным потоком из-за Вятки, где, в частности, в кукморском говоре (142–145) берёзу называют словом *кис'пъ.* Переход конечного огублённого гласного *у* (*ӱ*) в *ы* (*ъ*) произошел в ходе деэтимо-

логизации первого компонента и образования одного (сложного) слова (см. раздел 1.1.3), в результате чего гласный *у* (*ӱ*) оказался в непервом слоге – в позиции, в которой удмуртский язык старается избегать сильно огублённые гласные. Следует отметить, что аналогичное явление в некоторых южноудмуртских говорах наблюдается и в других названиях деревьев, ср.: *н'ылпы* ‘пихта’, *тыпы* ‘дуб’ и т.д. Подобные слова венгерским учёным Б. Мункачи записаны в казанском диалекте (в современном кукморском говоре): *ńe̊l-pe̊* ‘пихта’, *l'ü̯m-pe̊* ‘черёмуха’, *pi-pe̊* ‘осина’. А слово *тыпы* ‘дуб’ в данном фонетическом облике проникло в литературный язык. Форма *кис'пъ* в бавлинском говоре (152), возможно, также связана с завятской группой говоров.

В варианте *къс'пӱ,* употребляемом в татышлинском говоре (154, 160, 161, 169), конечный звук является не новообразованием, а архаизмом (см. раздел 1.1.3), и в неизменном виде он сохранился также в форме *кис'пӱ*, функционирующей в шошминском (15, 17, 138–141) и ташкичинском (167, 172) говорах.

Форма *кис'пу* в первую очередь характерна для буйско-таныпского (159, 163–166, 168, 170, 171) и канлинского (173) говоров периферийно-южного диалекта, записана также в оп. Муркозь-Омга (107), в варианте с палатализованным *с''* – *кис''пу* употребляется в кульминском говоре средне-западного диалекта (12, 13) и в красноуфимском говоре периферийно-южного диалекта (175).

Звукопереход *ы* > *и* в приведенных выше формах произошел под влиянием палатального согласного *с'*. Данный процесс наблюдается в корне примерно десятка слов в южной диалектной зоне, но наиболее интенсивно он протекает в шошминском говоре. Наличие звука *и* в названии берёзы в кульминском говоре (12, 13), а также в говоре д. Муркозь-Омга (107) следует связывать как раз с переселением шошминских удмуртов.

В широкой полосе срединных говоров (10, 11, 56, 57, 60б, 71, 74, 77, 78, 82–90, 92–96, 98–102, 123) распространено название берёзы *кычпу* с аффрикатой вместо палатального фрикативного согласного. Это название записано также в населенных пунктах Лонки-Ворцы (58) и Зюзино (75), относящихся к северному наречию, но граничащих со срединными говорами, и в оп. Калашур (129), который входит в состав южного наречия. Аффриката в данном слове является первичной, хотя и претерпела оглушение перед глухим *п* (*з* > *ч*). Массовая деаффрикатизация конечных и интервокальных одиночных прапермских аффрикат наблюдается в большинстве удмуртских диалектов, но лучше они сохранились в срединных говорах. В записях ученых конца XIX в. формы с аффрикатой зафиксированы не только в малмыжском и сарапульском диалектах (современные срединные говоры), но и в елабужском (центрально-южный диалект), а также казанском и малмыжско-уржумском (периферийно-южный диалект). При этом в малмыжском, сарапульском и елабужском диалектах указана звонкая аффриката (см. ниже), что предполагает бытование формы *кыӟпу* в отдельных говорах или в речи отдельных носителей и в настоящее время.

1.1.2. *Наличие в письменных источниках:* в записи Д. Г. Мессершмидта – *Kisch-pu* ‘берёза’ (1726) [15. С. 181]; в словаре Ф. Видеманна – *kyś-pu, kytś-pu* ‘тж’ (1880) [37. С. 496]; в словаре Ю. Вихманна – *kî̯ź-pu* G, *ki̯d'ź-pu* M, *ki̯ź-pu* J, *ki̯ś-pш* J, *kiś-pш* J MU, *kiťš̆-pш* MU, *kiś-pu* U ‘тж’ (1892, 1894) [38. С. 119];

в словаре Б. Мункачи – *kǐǯ-pu* Sar., *kǐǯ́-pǐ* Jel., *kiś-pě* Kaz., *kič-pě* Kaz., *kěč-pě* (Gavr. Potanin)., *kič-pu* (Wied.) ‘тж’ (1896) [30. С. 149–150, 170, 173]; в словарных материалах Г. Верещагина – *Кызьпу* ‘Betula alba, берёза’ (1892, 1920-е гг.), *Сьӧд кызьпу* ‘Betula dahuria, чёрная берёза’ (1920-е гг.) [9. С. 140]; в словаре Т. Борисова – *кызьпу* ‘берёза (дерево)’, *кизьпу куар* ‘берёзовый куар’ (1932) [7. С. 156].

1.1.3. *Происхождение.* Наименование *кыз'пу* – термин сложный: состоит из основного компонента *кыз',* являющегося собственно названием берёзы, и компонента *пу* ‘дерево; древесина’.

Исследуемое слово ещё Видеманн и Вихманн сравнивали с коми названием берёзы *kyd'ź, kḭd'ź*) [37. С. 496; 38. С. 119]. В этимологическом словаре коми языка коми *кыдз* ‘берёза’ ставится в связь с удмуртским *кызьпу* и дается общепермская реконструкция *kü̆ǯ'-,* приводятся соответствия из прибалтийско-финских и (под вопросом) хантыйского языка [14. С. 150]. В уральском этимологическом словаре финское слово *kaski* ‘подсека; пожог; срубленное сухое дерево’, диал. ‘молодая берёза’ и т.д. вместе с другими прибалтийско-финскими соответствиями сравнивается с двумя знаками вопроса с пермскими названиями берёзы, приводятся также обско-угорские соответствия. Из-за несоответствия вокализма и стечения согласных в обско-угорских языках включение в данное словарное гнездо прибалтийско-финских примеров ставится под сомнение [31. С. 211].

В новом эимологическом словаре финского языка финское *kaski* и другие прибалтийско-финские соответствия со значением ‘берёза’ считаются древними индо-европейскими заимствованиями, а примеры из дальнеродственных языков сюда не относят [34. С. 323]. Таким образом, удмуртское слово *кызьпу* (*кыз'пу*) имеет соответствия только в коми и обско-угорских языках.

Удмуртское *пу* ‘дрова; дерево, древесина’ родственно коми слову *пу* ‘дерево’ и имеет соответствия в других финно-угорских языках, в частности, в марийском (*пу* ‘дрова’, ‘дерево (как материал)’), финском (*puu* ‘дерево’), венгерском (*fa* ‘тж’) и др., которые возводят к уральской праформе *puwe* ‘дерево, древесина’ и находят параллели в монгольских и тунгусо-манчжурских языках [14. С. 230; 31. С. 410]. Данное слово в отдельности используется для обозначения деревянного материала, древесины в большинстве современных удмуртских диалектов, за исключением единичных говоров, например сурвайско-поломского (10, 11) и части ярского (21–23). В значении же дерева (растения) почти повсеместно функционирует слово *писпу,* первый компонент которого как самостоятельное слово имеет сему ‘полено’.

В близкородственном коми языке слово *пу* функционирует в первую очередь в значении дерева как растения [6. С. 533], а в названии берёзы во всех зырянских диалектах оно употребляеся факультативно: *кыдз* и *кыдз пу* [21. С. 185]. В то же время значение марийского слова фактически тождественно семантике удмуртского слова (см. выше). Отметим, что в удмуртском языке слово *пу* как конечный элемент выступает во многих названиях деревьев: *пипу* ‘осина’, *лулпу* ‘ольха’, *яблокпу* ‘яблоня’, – и кустарников, например, *эмезьпу* ‘малина (растение)’, и даже кустарничков и кустов ягодных растений, например, *узьпу* ‘земляника (куст)’, – и являясь в подобных словах своего рода суффиксоидом.

2.1.1. Название берёзы ***чаyl*** зафиксировано Р. Ш. Насибуллиным в красноуфимском говоре (175), где оно употребляется параллельно со словом *кис''пу* [Насибуллин 17. С. 144]. По-видимому, заимствовано из татарского языка. Для сравнения можно привести башкирское диалектное слово *сәүел* ‘мелкий березняк’ [5. С. 296]. Полагаем, что подобная лексема имеется и в татарских диалектах, с которыми непосредственно контактируют красноуфимские удмурты. Первоначально исследуемое слово могло обозначать молодую берёзу, хотя в настоящее время семантическая дифференциация не прослеживается, на что указывает, в частности, и сочетание *чаyl βу* ‘берёзовый сок’, букв. ‘берёзовая вода’: сомнительна номинация берёзового сока как «воды молодой берёзы».

2. Таким образом, в удмуртском языке для обозначения берёзы повсеместно используется единственная лексема *кыз'пу* (с большим количеством фонетических вариантов), имеющая финно-угорское происхождение, и только в красноуфимский говор проникло тюркское слово *чаyl* с первоначальным значением ‘молодая берёза’.

«Берёзовая роща»

0.1. В Толковом словаре русского языка слово *роща* определяется как «небольшой, чаще лиственный лес. Берёзовая р.» [18. С. 708]. Следовательно, берёзовая роща – это небольшой берёзовый лес, который нередко в русском языке называют *березня́к, бере́зник.*

0.2. В удмуртском языке берёзовую рощу чаще всего передают наименованиями, выражающими понятие «берёзовый лес», но у разных территориальных групп удмуртов имеются специализированные названия, которым в первую очередь и уделено внимание при картографировании понятия, а также в настоящем комментарии. Поскольку названиям леса была посвящена отдельная карта с комментариями, опубликованная в I выпуске Диалектологического атласа удмуртского языка, все наименования берёзовой рощи, образованные по схеме *берёза + лес,* обозначены на карте одним знаком, несмотря на то, что в качестве второго компонента могут употребляться разные лексемы. Символы таких наименований нанесены на карту только в том случае, если другие способы выражения понятия «берёзовая роща» в опорном пункте не выявлены. Некоторые слова, используемые в значении ‘роща’ в одних диалектах, в других – употребляются для обозначения леса, то есть большого сплошного массива деревьев. В этом случае в настоящем комментарии мы ограничимся в основном описанием территориального распространения и кратким указанием на этимологию. В случае необходимости более подробную информацию можно найти в Комментарии к карте «Лес» выпуска I Диалектологического атласа удмуртского языка (10. С. 74–87, 197).

1. В диалектах удмуртского языка понятие «берёзовая роща» передается следующими наименованиями: *бэрэзн'ак, кыз'пу рошша, кыз'пу ӵашка, кыз'пу тэл', кычпу йаг, кычпу с'ик, кыз'пу н'улэс, кыз'пу пӧл, кыз'пуо пӧл, кыс'пуо инты, кыс'пуо, кыс'пулӟк, кыс'пуолык, кыз'пу арама, чаlук.* Кроме того, используются составные названия с семантикой ‘берёзовый лес’.

1.1. Наименования ***бэрэзн'ак*** и ***кыз'пу рошша*** являются позднейшими проникновениями в говоры отдельных населенных пунктов, испытывающих сильное русское влияние. Первый из них употребляется в д. Зюино Ярского района (21), второй – в д. Котегово Дебёсского района (62) УР. В варианте *кыз'пу рощща*, представляющем собой полукальку соответствующего русского названия, зафиксировано в д. Слудка (6) Зуевского района Кировской области. Слово *кыз'пу* ‘берёза’, выступающее как определительный компонент в большинстве названий берёзовой рощи, финно-угорского происхождения (см. Комментарий к карте «Берёза», раздел 1.1.3).

1.2. ***кыз'пу*** (~ ***кыс’пу, кычпу***) ***ӈашка***

1.2.1. *Территориальное распространение и варианты слова.* Данное наименование употребляется преумущественно в срединных говорах, хотя отмечено и в отдельных говорах северного наречия, а также периферийно-южного диалекта. Вариант *кыз'пу* (*кыс'пу*) *ӈашка* записан в Игринском (55, 57), Дебёсском (65), Якшур-Бодьинском (73), Шарканском (79), Вавожском (103, 104а), Кизнерском (108) районах Удмуртии, а также в д. Гожан (153) Куединского района Пермского края, а модификация *кычпу ӈашка* – в Игринском (56–58, 60б) и Завьяловском (93) районах УР. Вариант с палатальной аффрикатой вместо велярной – *кыс'пу чашка* зафиксирован в Селтинском районе (69, 70), его модификация *кычпу чашка* – в Селтинском (71), Увинском (89) и Завьяловском (92) районах.

1.2.2. *Значение.* Термин *ӈашка, ӈашша,* по данным М. Г. Атаманова [4. С. 71], в срединных говорах и некоторых говорах южноудмуртского наречия имеет следующие значения: 1) ‘густо разросшееся мелколесье’ 2) ‘островок леса посреди поля’ 3) ‘роща’. Финским учёным Ю. Вихманном данное слово (*ţšaşka, tšaška*) зафиксировано со следующими значениями: 1) ‘небольшая роща, лесок’ (S M) 2) ‘роща’ (U) 3) ‘чаща, густой лес’ (U) [38. С. 272]. Кроме того, в д. Верх. Постол (93) Завьяловского района УР слово *ӈашка* употребляется в значении ‘заросли кустарников и небольших деревьев (обычно вдоль реки)’. В д. Гожан (153) Пермской области нами зафиксировано сочетание *кыс'пу ӈашка* с семантикой ‘густые заросли молодых берёз’. В аналогичном значении данное наименование функционирует в д. Безменшур Кизнерского района (108). При фиксации слов, обозначающих берёзовую рощу, семантические нюансы были учтены не в полной мере, но, исходя из наличного материала, можно сделать два предположения: 1) в большинстве населенных пунктов, где употребляется исследуемое сочетание, оно выражает понятие «густые заросли молодых берёз»; 2) ареал наименования *кыс'пу ӈашка* не ограничен указанными выше опорными пунктами, однако во многих из них он не был зафиксирован по той возможной причине, что информанты не соотносят данное словосочетание с понятием «берёзовая роща».

1.2.3. *Происхождение.* Компонент *ӈашка,* возможно, восходит непосредственно к русскому *чащка* ‘небольшая чаща, густые заросли’, производному слова *чаща* ‘густой частый лес; заросль’; вят. *чашша́* ‘чаща, заваленное, засоренное хворостом место в лесу, где трудно пройти’ [8. С. 340].

1.3. ***кыз'пу*** (~ ***кыс’пу***) ***тэл'***

1.3.1. *Территориальное распространение и фонетические варианты.* Данное наименование в целом функционирует на северо-востоке Удмуртии: в Глазовском (27), Балезинском (32–34, 37), Кезском (38–44), Дебёсском (61) районах, отмечено также в д. Ниж. Кивары (78) Шарканского района. Вариант *кыс'пу тэл'* записан в с. Полом (44) Кезского района.

1.3.2. *Значение* слова *тэл'* достаточно сильно варьируется в территориальном отношении. В первую очередь следует отметить, что в срединных говорах бассейнов Кильмези и Валы оно используется для обозначения леса вообще. В целом данное слово может выражать следующие понятия: ‘лес, мелкий лес, густой подлесок, чащоба, заросли молодого хвойного леса, лиственный лес, роща, заросли, кустарник, поросль’ [см. подробнее: 10. С. 78]. Полагаем, что в недавнем прошлом наименование *кыз'пу тэл'* было широко распространено в южной группе верхнечепецкого диалекта (Дебёсский, Игринский, Шарканский районы) северного наречия, а также в средне-восточном диалекте (Шарканский район), где *тэл'* обычно означает рощу из лиственных или смешанных пород деревьев, но в качестве названия берёзовой рощи в очерченном ареале в основном было записано сочетание *кыз'пу с'ик*, то есть ‘берёзовый лес’.

1.3.3. *Происхождение.* Е. С. Гуляев удмуртское и коми-пермяцкое (также коми-язьвинское) *тэль* сравнивает с коми-зырянскими *тіль, тільсöд* ‘густые заросли сосняка’, ‘густой молодой хвойный лес’ и приводит общепермскую форму **tęl'* ‘густой подлесок, заросли леса’; он полагает, что «переход **e > i* в коми-зырянском мог произойти под влиянием изобразительных слов типа *тільскыны* ‘навалить, свалить в кучу’» [14. С. 279]. Далее пермские слова исследователь сравнивает с древневенгерским *töldy* ‘кустарник’, однако, по мнению авторов венгерского этимологического словаря, венгерские слова неясного происхождения *töl* и *tölgy* ‘дуб’ могут быть заимствованы из языка алан (древних осетин) [29. С. 1539–1540].

1.4. Наименование ***кычпу йаг*** употребляется в д. Ср. Кечёво (123) и п. Яган-Докъя (123а) Малопургинского района. Основной компонент *йаг* данного композита в других диалектах удмуртского и коми языков используется для обозначения соснового бора, сосновой рощи.

Коми и удмуртское *яг* Е. С. Гуляев сопоставляет (под вопросом) с марийскими *я́кте, йäкты* ‘сосна’, *якте́р* ‘сосновый бор’ и приводит параллели из обско-угорских языков [14. С. 337]. Г. Берецки марийские слова *jakte, d'akte, jaktə̑, d'aktə̑, jäktə* ‘очень высокое, стройное, без сучьев (дерево); сосна; сосновый лес’ считает прапермскими (иначе говоря, древнеудмуртскими) заимствованиями [28. С. 97–98]. В Уральском этимологическом словаре исследуемая пермская лексема сопоставляется с хантыйскими словами *jaγət, jaχət* ‘песчаная пустошь; пустошь, заросшая сосновым лесом’ и возводится к финно-угорскому **jakkз* ‘сосновый (еловый) лес’. Марийские слова *jäktə, jakte* ‘ель’ сюда не относятся из-за несоответствия консонантизма в середине слова и считаются прапермскими или древнеудмуртскими заимствованиями. Подобное слово в чувашском языке относят к проникновению из марийского [31. С. 88].

Иного мнения о происхождении марийского *якте* ‘сосна’ (и коми *яг*) придерживается А. Н. Куклин, по утверждению которого, названная лексема восходит

к урало-алтайскому источнику. Указанное наименование сосны исследователь сравнивает со следующими тунгусо-манчжурскими словами: манчж. *ǰakdan* ‘сосна’, орок. *ǯagda* ‘тж’, тунг. *d'agda* ‘тж’ и др. С другой стороны, он считает возможной связь марийского слова (*jäkte*) с обско-угорскими и самодийскими словами типа хант. *juγ, juχ* ‘дерево’, манс. *jīw, jiw, juw* ‘тж’ и др., которые в Уральском этимологическом словаре между собой не связываются [33. С. 44–45; 31. С. 107].

Общеудмуртским и общепермским значением исследуемого слова было *‘сосновый бор, сосняк’. Изменение значения лексемы *йаг* до значения ‘роща (вообще)’, ‘лес’ произошло в тех населенных пунктах, где в окружающем ландшафте преобладают сосновые леса. В качестве общего названия леса в указанных выше населенных пунктах всё же чаще используется лексема *н'улэс.*

1.5. Сочетание ***кычпу с'ик*** зафиксировано в д. Бол. Жужгес (90) Увинского района. Второй компонент приведенного названия в территориальном отношении распространен довольно широко, но его значение варьируется по диалектам. Чаще слово *с'ик* используется для номинации лесных массивов небольшого размера, рощи, иногда – зарослей, мелколесья. Но в южной половине верхнечепецкого диалекта северного наречия, а также в шарканском говоре средне-восточного диалекта оно функционирует как общее название леса (большого лесного массива).

В отношении происхождения исследуемого слова нужно сказать, что удмуртское *сик* ‘лес’ сопоставляют с коми словами *сикт* ‘деревня, селение, село’, *сик* ‘островок в лесу, выделяющийся обилием каких-л. ягод; ягодный куст’, лл. *сик* ‘группа, коллектив родственников’, которые возводит к общепермскому **s'ik* ‘совокупность, множество, группа однородных предметов’ [14. С. 255]. Праудмуртским значением рассматриваемого слова, по-видимому, была *‘группа (совокупность) деревьев, кустарников’.

1.6. Название берёзовой рощи ***кыз'пу н'улэс*** зафиксировано в опорных пунктах Уть-Сюмси (66) и Копки (67) Селтинского района, вариант *кыс'пу н'улэс* – в пунктах Зура (55б) и Кузьмовыр (55г) Игринского района.

Слово *н'улэс* в южном наречии, среднеижском диалекте (срединные говоры), в северном наречии в пределах Балезинского и Кезского районов, а также в литературном языке используется для обозначения леса вообще и, вероятно, некогда было общеудмуртским термином, который во многих диалектах вышел из употребления или изменил свое значение. Отметим, что в двух первых населенных пунктах, указанных выше, в качестве названия леса используется лексема *тэл',* а в двух последних – слово *с'ик.*

Происхождение слова *н'улэс* Ю. Вихманн связывал с названием пихты *н'ыл-пу*. По его предположению, *Nules* было общим названием леса уже в праудмуртском языке. Для подтверждения образования наименования леса от конкретной породы дерева он приводит марийское слово *kožla* (из *kož* ‘ель’), которое в мамадышском диалекте вообще означает ‘большой лес’, а в горномарийском ‘облесённое пространство’. По мнению учёного, сходное с удмуртским мансийское слово *ńuläś* ‘пихтовый лес’ образовано самостоятельно [35. С. 201–202]. Изложенная им точка зрения была поддержана впоследствии другими учеными [1. С. 22; 31. С. 327]. Таким образом, слово *нюлэс* еще в праудмуртский период

с помощью суффикса *-эс* (*-es*) образовано от названия пихты, восходящей к общепермскому **ńül*(*-pu*) [14. С. 198] и прауральскому **ńulkз* ‘пихта’ [31. С. 327] с первоначальной семантикой ‘пихтовый лес’.

1.7. ***кыз'пу тыло***

1.7.1. *Территориальное распространение и варианты названия.* Ареал данного названия почти полностью совпадает с глазовским говором среднечепецкого диалекта северного наречия, поэтому в основном употребляются формы с открытыми вариантами *ы: къз'пу тъло* (опорные пункты 5, 25, 26, 29, 30, 36, 50), *кы̆з'пу ты̆ло* (24, 31), *кы̆з'пу тыло* (24), а вариант с литературным *ы – кыз'пу тыло* записан в д. Тура (52) Красногорского района.

Второй компонтент – *тыло* исследуемого наименования известен и за пределами глазовского говора, хотя в активном употреблении он выступает преимущественно в речи старшего поколения. Широкое территориальное распространение его подтверждается данными топонимии. В качестве примера можно привести названия следующих населенных пунктов: Тыло (офиц. название Батырево, Граховский р-н), Тыло (офиц. Сырьезшур, Малопургинский р-н), Тыло (офиц. Верх. Юмья, Кукморский р-н, Татарстан), Тыловай (Дебёсский район), Тыловыл (офиц. Тыловыл-Пельга, Вавожский р-н) и др. [УРС 1983: 550–551].

1.7.2. *Наличие в письменных источниках.* Исследуемый композит в виде *кызьпу тыло* ‘берёзовый лес, березняк’ впервые фиксируется только удмуртско-русским словарём 2008 года [25. С. 367], хотя основной его компонент был удостоен внимания исследователей уже довольно давно и нашел место во многих лексикографических источниках: в словаре Ю. Вихманна – *tị̂lo* G U, *tị̆lo* M ‘лес, выросший на подсеке (пожоге)’ (1892, 1894) [38. С. 261]; *tl̊o* Sar. ‘лес, растущий на суглинистой подпочве’; в словаре Б. Мункачи – *tөloä potäm čeber pi-pued* ‘растущая на поляне красивая осина’ (Gavr. Mal.) (1896) [30. С. 355]; в словаре Т. Борисова – *тыло* ср. ‘лес (растущий на суглинистой подпочве)’ (1932) [7. С. 292]; в удмуртско-русских словарях 1948 и 1983 года – *тыло* ‘подлесок’; *тыло* ‘подлесок, лесок, роща’, *тыло вӧсь* ‘место моления в роще’ [23.С. 298; 24. С. 433]; в словаре С. В. Соколова и В. В. Туганаева – *тыло* ‘подлесок, лесок, роща’ (1994) [20. С. 46].

1.7.3. *Значение.* Слово *тыло* в глазовском говоре может сочетаться не только со словом *къз'пу,* но и с лексемой *пупу* ‘осина’, и в целом имеет семантику ‘роща из лиственных пород’. В д. Верх. Постол (93) Завьяловского района оно употребляется в значении ‘заросли деревьев (ольхи, осины, ивы, берёзы) в пойме реки’, *эмэз' тыло* ‘малинник’. По имеющемуся полевому материалу и письменным источникам можно сделать вывод, что слово *тыло* в диалектах имеет разные значения, но в целом означает ‘заросли молодых лиственных деревеьев, подлесок, роща’.

1.7.4. *Происхождение.* В этимологическом словаре коми языка к коми слову *тыла* ‘подсека’ приводится удмуртское *тыло* ‘подлесок’ и реконструируется общепермское **tüla* ‘подлесок’, ‘молодой лес, удобный для расчистки под пашню’; утверждается, что «в коми языке значение ‘молодой, незрелый’ сохранилось в сочетании: *тыла чукчи* уд. Пысса ‘молодой глухарь’» [14. С. 292].

Из анализа значений слова *тыло* в удмуртском языке нам представляется, что оно первоначально имело семантику ‘(молодой) лес, кустарник, выросший на

пожоге, гари’, и образовано от слова *тыл* ‘огонь’ с помощью суффикса обладания *-о* (коми *-а*). В типологическом плане развитие семантики исследуемого слова находит аналогию с русским словом *гарь,* которое в народных говорах употребляется в следующих значениях: 1) ‘лесной пожар, пожара’ (Олон.); 2) ‘выжженное место в лесу, предназначенное для посева, но ещё не очищенное и не вспаханное’ (Волог.); 3) ‘лес на выгоревшем месте’ (Арх.), ‘смешанный лес на выгоревшем месте’ (Том.), ‘выгоревшее место в лесу, покрыто мелким кустарником’ (Перм.), ‘молодая поросль на выгоревшем в лесу месте’ (Даль); 4) ‘заболоченное место, поросшее небольшим лесом (Яросл.); и т.д. [19. С. 148–149].

1.8. ***кыз'пу пӧл, кыз'пуо пӧл***

1.8.1. В отношении *территориального распространения* приведенные наименования можно разделить на три ареала: 1) бассейн Чепцы (северное и бесермянское наречия); 2) Кизнерский район и сопредельные территории; 3) д. Гожан (Закамье).

1.8.2. *Варианты названия.* Форма *кыз'пу пӧл* употребляется в косинском говоре нижнечепецкого диалекта (8, 9), ярском (21–23), глазовском (*кӹз'пу пӧл* – 31, *къз'пу пӧл* – 28, 30), юкаменском (*къз'пу пӧл* – 47) и балезинском (37) говорах среднечепецкого диалекта, а также в с. Полом Кезского района (44) (верхнечепецкий диалект). Для бесермянского наречия (45, 46, 49) характерен фонетический вариант *къз'пу пэл,* в котором вместо *ӧ* произносится отодвинутый назад э – ӭ. В Кизнерском районе (110, 111) УР и в соседствующей с ним деревне Дым-Дым-Омга (18) Вятско-Полянского района Кировской области употребляется модификация с неслоговым *у* – *кыс'пу пӧў.*

Форма *кыз'пуо пӧл* функционирует в слободском говоре нижнечепецкого диалекта (1–3); на средней Чепце отмечены следующие фонетические разновидности: *кыз'пуо* (*кӹз'пуо*) *пӧл* – Золотарёво (24), *къз'пуо пӧл* – Дондыкар (25), Верх-Уни (48). В д. Гожан (153) Куединского района Пермского края записан вариант *кыс'пуо пӧл,* а в опорных пунктах Арвазь-Пельга (112) и Нынек – *кыс'пуо пӧў.*

1.8.3. *Значение.* Наименование *къз'пуо пӧл* в глазовском говоре употребляется для обозначения рощи из молодых берёз, чаще небольшого размера и в известной мере семантически противопоставлено атрибутивным сочетаниям *къз'пу тъло* ‘берёзовая роща’ и *къз'пу ӵачӵа* ‘берёзовый лес’. Слово *пӧл* может сочетаться и с другими прилагательными, образованными от названий пород деревьев: *къзо пӧл* ‘небольшой молодой ельник’ (*къзо* ‘еловый, с ёлками’), *пужъмо пӧл* ‘небольшой молодой сосняк’ (*пужъмо* ‘сосновый, с соснами’) и т.д. Возможно, подобное значение исследуемого композита не ограничивается глазовским говором. Такая вероятность выше в тех населенных пунктах, где зафиксировано по два и более терминов для обозначения берёзовой рощи.

Базовый компонент исследуемого сочетания в первую очередь ассоциируется с основой серийных послелогов, ср.: *калык пӧлын* ‘среди (в среде) людей’, *кызьпу пӧлын* ‘среди берёз’. В качестве существительного оно употребляется весьма редко, хотя можно привести такое сочетание, как *калык пӧл* ‘среда (масса) людей, общество’. В словаре первого удмуртского ученого Г. Е. Верещагина (1892, ? 1918 гг.) приводятся следующие значения слова *пӧл:* ‘внутренность массы предметов’, ‘масса животных’ [9. С. 191]. В удмуртско-русском словаре

1983 года слово *пӧл* дается в значении ‘среда, окружение’, а также как основа послелогов *пӧлтӥ, пӧлы, пӧлын, пӧлысь*; *эмезьпу пӧлы пырыны* ‘зайти в малинник’; *пӧлын* ‘среди’ [24. С. 354]. Наиболее близкое по структуре и происхождению к исследуемому композиту сочетание *кызо пӧл* диал. ‘ельник’ зафиксировано в последнем на данный момент удмуртско-русском словаре [25. С. 367].

1.8.4. *Происхождение.* В уральском этимологическом словаре лексическая основа удмуртского слова *pol-, pe̯l-:* S *poli̯n* ‘в, среди; между…’ сравнивается с коми *pels-, pevs-:* Lu *mijan povsyn* ‘среди нас’, под вопросом приводится венгерский пример *bél* (*belet*) ‘кишка; мозг (костный); фитиль; (древневенг.) внутренность; нрав, характер; сознание; значение’ и реконструируется финно-угорская форма **pälз* ‘внутренность, внутренняя часть, середина’. Сомнение в правомерности сопоставления приведенных слов вызывает тот момент, что пермские слова, в отличие от венгерского примера, не являются существительными [31. С. 364]. Аналогичного мнения придерживаются в этимологическом словаре венгерского языка, иного – в Кратком этимологическом словаре коми языка [31. С. 92; 14. С. 227].

1.9. ***кыс'пуо инты, кыс'пуо***

Композит *кыс'пуо инты* употребляется в с. Бол. Гондырь (155) Куединского района Пермского края, а фонетический вариант *кыс'пуо ин'ты* – в оп. Калашур (129) Киясовского района Удмуртской Республики. Второй член – *инты* описываемого названия является общеудмуртским словом со значением ‘место’. В шагиртско-гондырском говоре (153, 155) в качестве названия берёзовой рощи выступает также только определительный компонент *кыс'пуо* без определяемого слова. Указанный компонент является прилагательным, образованным от названия берёзы *кыз'пу* с помощью суффикса обладания *-о,* придающего слову значения ‘имеющий что-либо, снабжённый, обильный чем-либо (тем, что обозначено основой производящего слова)’. Следовательно, слово *кыз'пуо* имеет семантику ‘с берёзами, берёзовый’.

В слове *инты* диахронически можно выделить корень *ин-* и суффикс *-ты.* В плане происхождения следует отметить, что данное слово, а также основу *ин-: иназ* ‘в пользу, впрок (букв.: на своё место)’ сопоставляют с коми *ин* ‘место’ и (под вопросом) с венгерскими словами, в частности с *eny, enyh* < **en* ‘место укрытия от дождя, ветра снега и т.д…’. Возводят к финно-угорскому пласту лексики. Сомнения по поводу родства пермских слов с венгерским видят в отдаленности семантики [14. С. 109; 31. С. 592–593].

1.10. Название берёзовой рощи ***кыз'пу воз'*** зафиксировано в д. Безменшур (108) Кизнерского района, а вариант *кыз'пу вӧз'* – в д. Дым-Дым-Омга (18) Вятско-Полянского района Кировской области. Определяемый член сочетания, по-видимому, восходит к удмуртскому слову *воз'* ‘луг, покос’. Семантическое развитие можно представить в следующей последовательности: *луг, покос > луг, покос, заросший берёзами > берёзовая роща.* Вариант *вӧз',* возможно, появился как попытка фонетической дифференциации данного слова и лексемы *воз',* от которой он произошел. Описываемое слово сопоставляется с коми *видз* ‘луг, покос, сенокос, пожня’ и реконструируется общепермское **vзǯ'* ‘луг’; приводятся примеры из саамского и горномарийского языков. В уральском этимологическом

словаре исследуемые слова не рассматриваются, а следовательно, не поддерживается допермская этимология удмуртского и коми слов [14. С. 55].

1.10. ***кис'пулък, кыс'пуолык***

1.10.1. *Варианты и территориальное распространение названия.* Название *кис'пулък* употребляется в бавлинском говоре периферийно-южного диалекта (151, 152, 174). Форма *кыс'пуолык* распространена в буйско-таныпском (156–158, 162), а также в шагиртско-гондырском говорах (155) периферийно-южного диалекта. Её модификация *къс'пӱолък* функционирует в татышлинском говоре (154, 160, 161, 169). В буйско-таныпском говоре достаточно широко известны вариант *кис'пуолык* (166, 168) и его фонетические разновидности *кис'пуолы̆к* (159, 163–165), *кис'пуолък* (170); в ташкичинском говоре (167, 172) у него несколько иное произношение – *кис'пуолъ̆к.*

1.10.2. *Наличие в письменных источниках: кызьпуолык* диал. ‘березняк, берёзовый лес, берёзовая роща’ [24. С. 239; 25. С. 367].

1.10.3. *Происхождение.* В отличие от абсолютного большинства названий берёзовой рощи, представляющих собой атрибутивные сочетания, исследуемые слова образованы суффиксальным способом. Суффик *-лык* в удмуртском языке, по мнению исследователей, заимствован из татарского языка и «от имён прилагательных и имён существительных образует абстрактные имена существительные» [12. С. 127]. Указанный суффикс в периферийно-южном диалекте обладает рядом значений, которых нет в других диалектах и литературном языке. В одной из работ Р. Ш. Насибуллина [16. С. 130–139] отмечается, что в буйско-таныпском говоре данный суффикс в сочетании с предшествующим суффиксом обладания *-(j)o* образует имена существительные, обозначающие местность, изобилующую определенными предметами: *bad'ar-o-lı̨k* ‘кленовая роща’ (*bad'ar* ‘клён’), *kı̨s'pu-o-lı̨k* ‘березняк’ (*kı̨s'pu* ‘берёза’), *iz-o-lı̨k* ‘каменистая местность’ (*iz* ‘камень’) и др.

Необходимо отметить, что в бавлинском говоре название берёзовой рощи *кис'пулък* образовано от существительного *кис'пу* ‘берёза’, а в закамских говорах оно восходит к прилагательному *кыз'пуо* ‘с берёзами, берёзовый’. Полагаем, что ранее в говорах Закамья берёзовую рощу называли атрибутивным сочетанием *кыз'пуо инты* букв. ‘место с берёзами, место, изобилующее берёзами, берёзовое место’. Впоследствии второй член сочетания функционально был заменен суффиксом *-лык.* В шагиртско-гондырском говоре, наименее подверженном татарскому влиянию среди диалектов Закамья, сохранилось более старое название *кыз'пуо инты,* которое употребляется также без компонента *инты.*

1.11. ***кыз'пу арама***

1.11.1. *Территориальное распространение и варианты названия.* Данное наименование в основном употребляется в центрально-южном диалекте (115–117, 121, 124, 126, 136), фонетическая разновидность *къз'пу арама* – в пунктах 135, 137, 149, вариант *кычпу арама* – в оп. Калашур (129); бытует также и в некоторых населенных пунктах, представляющих срединные говоры, но граничащих с южным наречием: в с. Норья (121), а вариант *кычпу арама* – в оп. Верх. Постол (93); кроме того, встречается в закамских говорах: вариант *кыс'пу арама* зафиксирован в д. Гожан (153) Куединского района Пермского края, а форма *кис'пу эрэмэ* – в д. Канлы (173) Кушнаренковского района Башкортостана.

1.11.2. *Наличие в письменных источниках.* Исследуемое атрибутивное сочетание попадает в лексикографические источники довольно поздно, но основной его член *арама* фиксируется уже с конца XIX века: в словаре Ю. Вихманна – *ạrạmạ* U ‘кустарник’ (1892, 1894) [38. С. 8]; в словаре Б. Мункачи – *arama* Jel. ‘тж’ (1896) [30. С. 355]; в словаре Т. Борисова – *арама* ‘кустарник (растущий на лугах)’ (1932) [7. С. 17]; в удмуртско-русских словарях разных лет – *арама* ‘роща (лиственная)’ (1948) [23. С. 19]; *арама* ‘роща (лиственная)’, ‘кустарник (на лугах)’, *кызьпу арама* ‘берёзовая роща, березняк’, *пипу арама* ‘осиновая роща, осинник’ (1983) [24. С. 31]; *арама* ‘роща, лес’ (1994) [20. С. 8]; *арама* ‘роща (лиственная)’, ‘кустарник (на лугах)’, *кызьпу арама* ‘берёзовая роща’ (2008) [25. С. 45, 367].

1.11.3. *Значение.* Как показывает приведенный выше материал, семантика слова *арама* меняется от диалекта к диалекту, но чаще выступает как ‘роща (лиственная)’, ‘кустарник (на лугах)’. В д. Гожан (153) Куединского района Пермского края композит *кыс'пу арама* нами зафиксирован в значении ‘берёзовая роща в пойме реки, в низине; заросли берёзы вдоль реки’. Форма *ӓрӓмӓ* употребляется во всех говорах Закамья и обычно обозначает ‘кустарник, заросли деревьев вдоль реки’. Примечательно, что в красноуфимском говоре слово *ӓрӓмӓ* имеет значение ‘ольховник’, а *ӓрӓмӓпу* –‘ольха’ [17. С. 106]. Названное семантическое развитие легко объяснимо из значения предыдущей формы: ольха обычно произрастает в поймах рек и увлажненных низинах.

1.11.4. *Происхождение.* Вслед за Ю. Вихманном и Б. Мункачи В. И. Алатырев считает исследуемое слово татарским заимствованием: < тат. *ӓрӓмӓ* ‘урема’, башк. ‘тж’; рус. *урема, арема* < тюрк.; мар. *арама,* марВ. *ӓрӓмӓ* ‘кустарник (в низине вдоль реки)’ < тат. [1. С. 107].

В толковом словаре татарского языка слову *ӓрӓмӓ* дается следующее толкование: мелкий кустарник, растущий на лугах, преимущественно вдоль реки, в низинных местах [22. С. 686]. В плане фонетической и семантической адаптации представляют интерес варианты заимствований данного слова в русском языке, которые употребляются преиумущественно на Урале и в Сибири: *урема* ‘кустарниковые заросли в поемных долинах, по берегам рек, стариц и озёр’, ‘приречный мелкий лес’, *уремá* ‘поречье, поемный лес и кустарник по берегу речек’. Из чув. *urӓмӓ* (> морд. э. *ur'ama*) ‘мелкий и частый кустарник’, *арéма* ‘высокое разнотравье с примесью мелкого кустарника’, *аремá* ‘густой невысокий лес с завалами’, ‘кустарник на заливном лугу’. Из тат., башк. *ӓрӓмӓ* ‘мелкий и частый кустарник’, *еремá* ‘высокое разнотравье с примесью мелкого кустарника, обычно по сырым местам’ [3. С. 589, 96, 201].

1.12. Слово ***чалук*** зафиксировано Р. Ш. Насибуллиным [17. С. 144] в красноуфимском говоре (175) (Свердловская область). Оно соотносится с лексемой *чаył* ‘берёза’. В структуре слова можно выделить суффикс *-lук* (< *-lък, -лык*) (о данном суффиксе см. раздел 1.10.3). Вероятно, заимствовано из татарского языка. Для сравнения можно привести башкирское диалектное слово *сәүел* ‘мелкий березняк’ [5. С. 296].

1.13. Кроме описанных выше названий берёзовой рощи, в удмуртских диалектах повсеместно употребляются составные наименования, обозначающие «берёзовый лес». Таковыми являются словосочетания *кыз'пу ӵаӵӵа, кыз'пу н'улэс,*

кыз'пу с'ик, кыз'пу тэл' и др. Все они образованы по схеме *берёза + лес.* В отдельных населенных пунктах зафиксированы названия берёзового леса, дословно означающие ‘с берёзой (берёзовый) лес’: *кыс'пийо н'улэс* (*н'уўэс*) – Лолошур-Возжи (132, Граховский р-н), *кис'пийо н'уўэс* – Лельвиж (142, Кукморский р-н, Татарстан). Возможно, подобные названия распространены шире, по крайней мере, в удмуртско-русском словаре 2008 года (С. 367) мы находим составной термин *кызо нюлэс* (*тэль*) ‘ельник, еловый лес’ (букв. ‘с елью (еловый) лес’), образованный аналогично упомянутому выше названию берёзового леса. Описанные в настоящем параграфе названия берёзового леса были нанесены на карту только в том случае, если в опорном пункте не зафиксированы другие способы передачи понятия «берёзовая роща».

1.14. В некоторых населённых пунктах при исследовании были получены следующие ответы: *кызӟпуос* ‘берёзы’ – Нов. Вамья (90а) (Увинский р-н), *кыз'пуос будо* букв. ‘берёзы растут’ – Укан (22) (Ярский р-н), *кычпуо н'ук* – букв. ‘лог с берёзами’ – Ляльшур (77) (Шарканский р-н). Подобные ответы не подлежали картографированию.

1.15. В некоторых южных и центральных районах Удмуртии встречается слово *сурд,* которое используется для обозначения лиственного леса, преимущественно берёзового. В «Образцах речи удмуртского языка – 2» в д. Нов. Казмаска (96) записаны следующие сочетания: *пипу сурд* ‘осиновая роща’, *кычпу сурд* ‘берёзовая роща’ [11. С. 65]. М. Г. Атаманов [4. С. 70] основным значением описываемой лексемы считает ‘берёзовый лес, березняк’. В бавлинском говоре южноудмуртского наречия (152, 174) форма *сӱрд* бытует в качестве общего наименования леса. Примечательно, что неофициальное название д. Стар. Березняк Можгинскго района звучит как Быдзымсурд (*быӟзым сурд*) (букв. ‘великая, большая (берёзовая) роща’). В ходе экспедиционных работ данное наименование берёзовой рощи зафиксировать не удалось. Возможно, оно постепенно выходит из активного употребления.

Исследуемое слово Ю. Вихманн сравнивал с названием коми деревни *sord* [38. С. 227]. И. Шебештьен сопоставляет его с коми словами *sord, śord* ‘местность позади поля, небольшой лес; луг с ручьём’, топонимами *sord-šor* – приток р. Помоз*, śord* – название леса, извлеченными из словаря Видеманна; и указывает на возможную связь приведенных слов с коми *zara-va* и удмуртским *surs-vu* ‘берёзовый сок’ [33. С. 52, 255]. Е. С. Гуляев возводит коми *сорд* и удмуртское *сурд* к общепермскому **s̯ȍrd* ‘вид леса’, сравнивая его с венгерским *erdő* ‘лес, роща’ [14. С. 261]. Авторы этимологического словаря венгерского языка последнее слово с пермскими лексемами не связывают [см.: 29. С. 328–329].

Возможно, исследуемое слово в прапермский язык проникло из языка булгар, ср. чув. *сăрт* ‘холм, возвышенность; невысокая гора’ [26. С. 321]. Соответствующие слова *syrt, sirt,* имеющие значения ‘спина, хребет; гребень горы, холм’, известны во многих тюркских языках [32. С. 419]. Семантический переход *возвышенность* > (*возвышенность, поросшая лесом* > *лес на возвышенности*) > *лес, роща* является типологически обычным явлением, ср., напр., удм. *выр* ‘холм, возвышенность’ и к. *вӧр* ‘лес’. Фонетических препятствий мы также не видим. Общеудмуртскую форму реконструируем в виде **sȕrd* ‘роща

(лиственная)’. Расширение значения данной лексемы в бавлинском говоре, по словам М. Г. Атаманова [4. С. 70], легко объясняется тем, что район проживания бавлинских удмуртов расположен в лесостепной зоне, где растут в основном берёзы и другие лиственные породы, поэтому значение ‘берёзовая роща’ перенесено вообще на всякий лес.

2. В качестве результата исследования названий берёзовой рощи в удмуртском языке можно сказать, что большинство из них представляют собой атрибутивные сочетания, в которых первым компонентом является слово *кыз'пу* ‘берёза’, а в качестве второго выступают разные по происхождению слова: *тыло, тэл', с'ик, пӧл* (исконные), *ӵашка* (< рус.), *арама* (< тат.), *сурд* (< булг.) и т.д., – в целом имеющие семантику ‘роща (лиственная)’, заросли, кустарник’. В бавлинском и закамских говорах периферийно-южного диалекта возникло наименование (*кыс'пу*(*о*)*лык*), образованное суффиксальным способом. В отдельные говоры проникли заимствованные термины: *бэрэзн'ак* – из русского, *чалук* – из татарского. В некоторых говорах параллельно функционируют несколько названий, описывающих массив, состоящий из берёзы. В таком случае они в той или иной степени семантически дифференцированы. Так, в глазовском говоре понятие «берёзовая роща» передается сочетанием *къз'пу тъло*, композит *къз'пуо пӧл* употребляется чаще для обозначения небольшой рощи из молодых берёз, а сочетание *къз'пу ӵаӵӵа* имеет значение ‘берёзовый лес’.

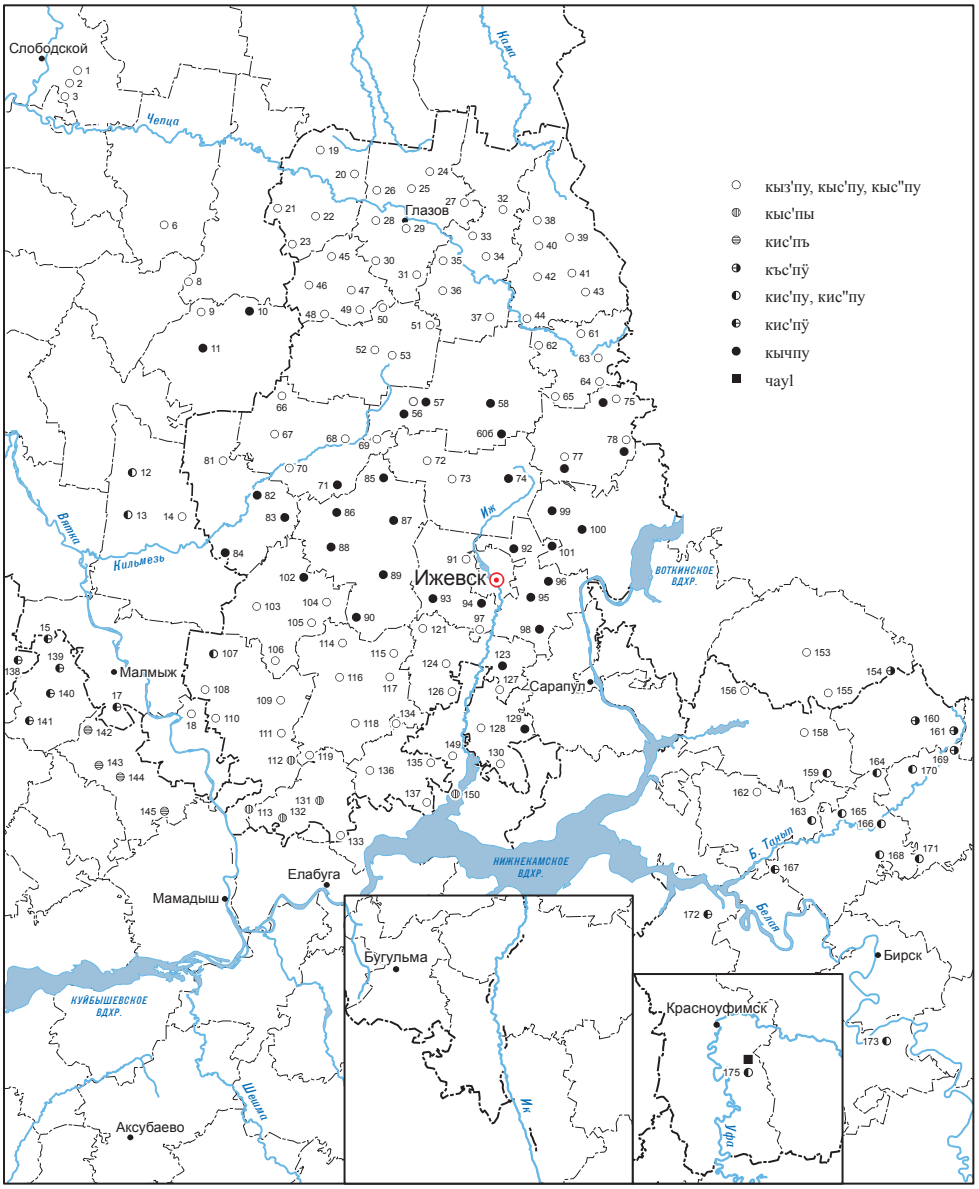
Заметим, что не во всех говорах и не во всех обследованных опорных пунктах выявлены названия берёзовой рощи. Но атрибутивные сочетания для обозначения берёзового леса известны повсеместно, при этом в некоторых диалектах они всё чаще используются и в значении ‘берёзовая роща’, вопреки наличию особых наименований для передачи последнего понятия.

Существовало ли в удмуртском языке когда-нибудь единое название исследуемого понятия? Трудно дать однозначный ответ. Вполне возможно, что понятие «берёзовая роща» передавалось тем же способом, что и «берёзовый лес». Тем не менее, мы не исключаем, что не только в древнеудмуртском, но и прапермском языке исследуемое понятие могло обозначаться заимствованным словом *сурд* – или отдельно, или с атрибутивом, выражающим понятие «берёза».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

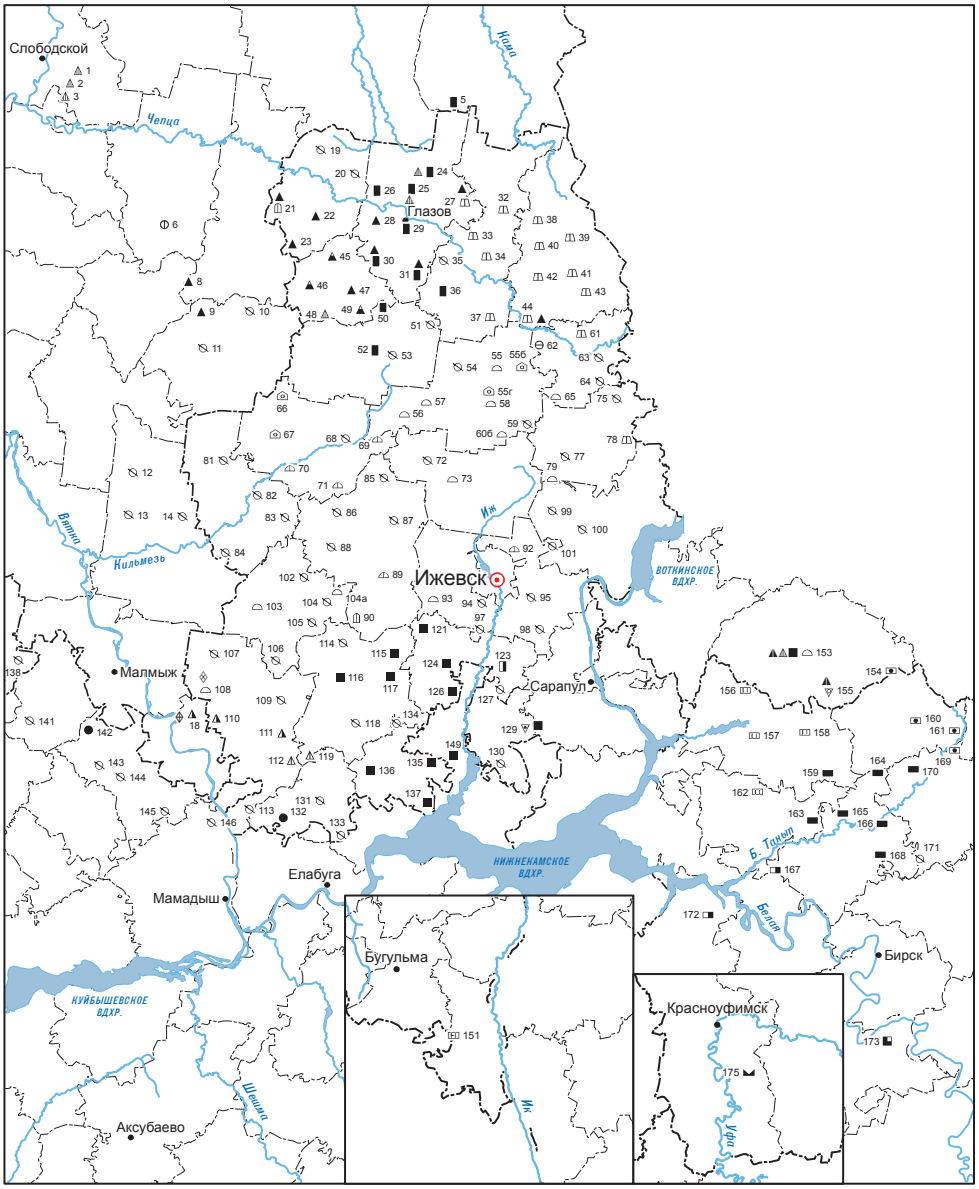
Арх. – архангельский областной говор; булг. – булгарский язык; Волог. – вологодский областной говор; вят. – вятский областной говор; диал. – диалект, диалектное; к. – коми язык; лл. – лузско-летский диалект (к.); манс. – мансийский язык; манчж. – манчжурский язык; мар. – марийский язык; марВ. – восточное наречие марийского языка; морд. э. – эрзя-мордовский язык; Олон. – олонецкий говор; оп. – опорный пункт; орок. – орокский язык; Перм. – пермский областной говор; рус. – русский язык; ср. – средние (срединные) говоры; тат. – татарский язык; Том. – томский областной говор; тунг. – тунгусский (эвенкийский) язык; тюрк. – тюркские языки; уд. – удорский диалект (к.); удм. – удмуртский язык; хант. – хантыйский язык; чув. – чувашский язык; Яросл. – ярославский областной говор; G – глазовский; J, Jel. – елабужский; Kaz. – казанский, Lu – лузский диалект коми языка; M, Mal. – малмыжский; MU – малмыжско-уржумский; S, Sar. – сарапульский, U – уфимский.

БЕРЕЗА



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

БЕРЕЗНЯК, БЕРЕЗОВАЯ РОЩА



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

- бэрэзн'ак
- кыз'пу рощща
- кыз'пу рошша
- кыз'пу (кыс'пу, кычпу) ӧчашка
- кыс'пу (кычпу) чашка
- кыз'пу (кыс'пу) тэл'
- кычпу йаг
- кычпу с'ик
- кыз'пу (кыс'пу) н'улэс
- кыз'пу тыло
- кыз'пу пӧл
- кыс'пу пӧў
- къз'пу пэл
- кыз'пуо
- кыс'пуо пӧў
- кыс'пуо инты
- кыс'пуо ин'ты
- кыс'пуо
- кыз'пу воз'
- кыз'пу вӧз'
- кыс'пуолык
- къс'пӧлък
- кис'пуолык
- кис'пуоlък
- кыз'пу (кыс'пу, кычпу) арма
- кис'пу эрэмэ
- чаlук
- березовый (с березой) лес
- береза+лес

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алатырев В. И.* Образование, значение и история имен с формой *-эс* / В. И. Алатырев; УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1962. 72 с.

2. *Алатырев, В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / В. И. Алатырев; НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1988. 240 с.

3. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

4. *Атаманов М. Г.* Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом / М. Г. Атаманов // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 68–75.

5. Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге (= Диалектологический словарь башкирского языка) / Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәге. Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. Өфө: Ҡитап. 2002. 432 бит.

6. *Безносикова Л. М.* Коми-русский словарь: Ок. 31 000 слов / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева; Отв. ред. Л. М. Безносикова; РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

7. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / Т. К. Борисов; АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. XXXII + 384 с.

8. *Васнецов Н. М.* Матеріалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Н. М. Васнецов. Вятка, 1907. 357 с.

9. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

10. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. 1. Научн. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: РХД, 2009. 260 с.

11. *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / В. К. Кельмаков. АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1990. 368 с.

12. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., стереотипное. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 386 с.

13. *Куклин А.* Фитофорные ойконимы Марий Эл и Республики Коми / *А. Куклин* // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 38–57.

14. *Лыткин В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

15. *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта / В. В. Напольских. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с., ил.

16. *Насибуллин Р. Ш.* Суффикс *-lİk* в говорах удмуртов Закамья / Р. Ш. Насибуллин // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования: На материале языков разных систем / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1972. С. 130–139.

17. *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1978. С. 86–151.

18. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН. Ин-т рус. яз.; Росс. Фонд культуры. М.: Азъ. яз., 1993. 955 с.

19. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; АН СССР. Ин-т русского языка. Словарный сектор; Л.: Наука. Вып. 6: Выросток–Гон. 1970. 359 с.

20. *Соколов С. В.* Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.; вкл.

21. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

22. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (= Толковый словарь татарского языка): В 3 т. / АН СССР. Казанский филиал. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань: Тат. кн. изд-во. Т. 3. 1981. 832 с.

23. Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

24. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

25. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

26. Чувашско-русский словарь: Ок. 25 000 слов / Под ред. М. Я. Сироткина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Чув. АССР. М.: ГИИНС, 1961. 632 с.

28. *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. / G. Bereczki. Studia uralo-altaica 34. Szeged, 1992. 129 S.

29. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / B. Büky, K. Gerstner, A. S. Hámori u.a. Herausgegeber L. Benkő. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

30. *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. Budapest, 1880–1896. XVI + 836 l.; 2-e изд.: Pécs, 1990.

31. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Rédei. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

32. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / *M. Räsänen.* LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S.

33. *Sebestyén, I.* Fák és fás heyek régi nevei az uráli nyelvekben / I. Sebestyén // NyK 1948–1950. № 52. 1–14, 247–261, 307–344 old.

34. Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja 1–3. 1: A–K. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Helsinki, 1992. 486 s.

35. *Wichmann Y.* Etymologisches aus den permischen sprachen / Y. Wichmann // FUF XVI. 1923–1924. S. 185–212.

36. *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomatie mit Glossar / Y. Wichmann; Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki – Turku, 167 s.

37. *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register / F. J. Wiedemann. St. Petersburg, 1880. 692 S.

38. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 17.10.2011

S. A. Maksimov

Udmurt Birch and its Grove in the Light of Linguistic Geography

In all habitat dispersal Udmurts birch is a common tree species and there is no surprise with the fact that all the territorial groups, Udmurts use practically the only name birch – *kiźpu*, although it has a lot of phonetic variants.

In Udmurt language, the Birch grove often conveys names, which express the concept of "birch forest" but in different regional groups of the Udmurt, there are special names. Most of them have attributive combinations, in which the first part is the word *kiźpu* 'birch', and the second part is different from its origin, for example: *tiłlo, tel', śik, pęl* (native), *čaška* (<rus.), *arama* (<tat.), *surd* (<bulg.) etc. They generally have the semantics of 'grove (leafy), thickets and shrub'. However, in southern peripheral dialect, the emerged name *kiśpu-(o)liik* formed suffixal way. In some dialects of Udmurt, the borrowed terms *berezńak* comes from Russian language and *čaluk* from Tatar.

Keywords: Birch, Birch grove, Udmurt dialects, Linguistic geography, Etymology.

Максимов Сергей Анатольевич,
кандидат филологических наук
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov Sergej Anatoljevich,
Candidate of Philology
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: makser02@yahoo.com

УДК 81’282(=511.131)

В. Г. Семёнов

НАЗВАНИЯ ВАСИЛЬКА В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ*

В статье рассматриваются вопросы распространения и происхождения в диалектах удмуртского языка наименований василька синего, который в Удмуртии произрастает повсеместно, и для его обозначения используется множество лексем.

Ключевые слова: удмуртские диалекты, названия цветка, распространение фитонима, принципы номинации, этимология слов.

Василёк синий (Centaurea cyanus) – травянистое растение семейства сложноцветных. Однолетник зимующий, факультативный двулетник. Размножается семенами. Соцветия – корзинки 2–3 см в диаметре, собраны в метельчатое или щитковидное соцветие. Краевые цветки синие, голубые, редко встречаются альбиносы (белые), серединные фиолетово-розовые. Встречается во всех районах Удмуртии, предпочитает посевы озимой ржи, где нередко является одним из главных засорителей. Василек можно найти и в посевах яровых культур, а также на сорных местах, заброшенных пашнях, паровых полях, свалках, у дорог. Хороший медонос [15. С. 63–64].

В диалектах удмуртского языка встречается большое количество названий василька, многие из них являются двухкомпонентными структурами, образованными на собственно удмуртской почве и прозрачными с точки зрения удмуртского языка.

Лексема *вас'ил'ок* употребляется в большинстве северных говоров, встречается в копкинском говоре средне-западного диалекта (66, 67), шарканском – средне-восточного диалекта (77, 99), граховском – собственно южного диалекта (131–133), а также в некоторых населенных пунктах буйско-таныпского говора периферийно-южного диалекта (166, 170, 171). Во многих из них функционирует параллельно с названием *лысс'ас'ка*.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00–304а.

Слово *вас'ил'ок* заимствовано из русского языка: рус. *василёк*, укр. *васильо́к* соответствуют греческому слову *βασιλικόν* (*φυτον*), подобно тому как сербохорв. *бо́сильак* – ср.-лат. *basilicum*. Родство с «Василий», «василиск», «базилик», «базилика» и т. п. с точностью не установлено [19. С. 277].

Название *пожарс'ас'ка* зафиксировано лишь в оп. Гожан (153), относящемся к шагиртско-гондырскому говору периферийно-южного диалекта. Мотивацию названия можно вывести из синего цвета пламени при пожаре. Состоит из русского компонента *пожар* и удмуртского *с'ас'ка* ‘цветок’. *Пожар* – слово славянского происхождения: укр., болг. *пожа́р*, чеш. *požár*, н.-луж. *póžar*. От общеслав. индоевроп. характера *po,* первоначальное значение которого «за», «после» и общеслав. *жар* того же корня, что гореть, др.-инд. *háras* «жар», греч. *termos* «теплый» и т. д. Исходное **gērъ* > *žěrъ* после смягчения *g* в *ж* перед гласным переднего ряда *ě* < *ē* и изменения «ять» в *а* после шипящего *ж* [20. С. 302]. Слово *с'ас'ка* большинство исследователей относят к булгарским заимствованиям, ср. чув. *çeçke* ‘цветок’ [23. С. 230; 22. С. 446; 21. С. 104; 10. С. 850]. Соответствия имеются в других тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [10. С. 850].

Наименования *лыскут'ук* и *лыскут'уш* зафиксированы в слободском говоре северного наречия. Состоят из компонентов *лыс* ~ *лыз* ‘синий’ и *кут'ук, кут'уш*. Первый компонент – слово собственного происхождения, второй – заимствован из русского языка и скорее всего имеет отношение к словам *кутька*, *кутя*, *кутёнок* ‘собачка, щенок’. Между тем, слово встречается и в других ф.-у. языках: венг. *kutya* ‘собака’, манс. *kūtjuw* ‘тж’, так что, возможно, оно финно-угорского происхождения. Впрочем, это ономатопоэтическое слово могло возникнуть самостоятельно в каждом языке [9. С. 147]. Не исключена связь со словами *ку́тюшка* и *кутю́шка* ласк. 1. Курица; цыпленок 2. Пташка, птичка Арх., Волог. [11. С. 179].

Фитоним *лысс'ас'ка* и его варианты в качестве названия василька употребляются повсеместно и соответственно – самые распространенные. Для диалектов с открытыми и отодвинутыми назад вариантами *ы* характерны следующие фонетические формы: *лы̆сс'ас'ка* (25 (1), 31 (2.2), 35 (2.2), 50, 119) и *лъсс'ас'ка* (25 (1), 26, 28–31 (2.1), 35 (2.1), 46–50, 130, 132, 137, 143–145, 149). Вариант *лысс'äс'кä* с неогублённым гласным переднего ряда нижнего подъема во втором слоге встречается в некоторых населенных пунктах буйско-таныпского говора (162–164), а форма *лъсс'äс'кä* – в кукморском говоре (142, 146) периферийно-южного диалекта. Лексема *лысс''ас''ка* с палатализованным вариантом фонемы *с'* употребляется в средне-западном диалекте (12–14). Растение названо так по своему цветообозначению и означает ‘синий цветок’. По тому же принципу образованы названия этого цветка и во многих других языках, например в башкирском, татарском, чувашском.

Наименование *лызйыр* встречается в зятцинском (53, 56, 57) и увинском говорах (86, 88) средне-западного диалекта. Состоит из компонентов *лыз* ‘синий’ и *йыр* ‘голова’. Лексема *лыз* – слово финно-пермского происхождения: удм. *лыз*, коми *лöз*, мар. *loštaš*. Доперм. **lōsз* [9. С. 162]. Второй компонент *йыр* ‘голова; начальник’, коми *юр* ‘голова; главный, старший’. Общеп. **jur*. В «Кратком

этимологическом словаре коми языка» приведены примеры из хант. *jor* ‘князь, герой’, ф. *juuri* ‘корень; основание; подножие’, мокш. *юр* ‘корень; основа; очаг’ под вопросом, так как семантика слов не совсем близка. Доперм. * *jūre* ‘основа; корень; голова’ [9. С. 335; 12. С. 78].

Лексема *лъзчача* зафиксирована в д. Варзи-Пельга Агрызского района РТ (150), относящегося к алнашскому говору, вариант *лъзчäчä* – в д. Лельвиж 142 (1) кукморского говора, является двухкомпонентным словом. Второй компонент *чäчä* (< *чача*) в кукморском диалекте удмуртского языка означает ‘цветок’ и заимствован из татарского языка, ср. тат. *чәчәк* ‘цвет, цветок’ [14. С. 141].

Формы, в которых одним из компонентов является *лыз* ‘синий’, фиксируются с XIX в.: *lı̊z-s'as'ka, lı̊z-jı̊r* ‘василёк’ 1896 [22. С. 740]; I, II *лыз сяська* ‘василек-лоскутница’ (1892, 1920-е гг.) [4. С. 153]; *лыз йыр сяська* ‘василек’ 1919 [5. С. 22]; *лызйыр*, *лызйырсяська* ‘тж’ 1932 [3. С. 172]; *лыз сяська, лызйыр* ‘тж’ 1948 [16. С. 180]; *лыз сяська* ‘тж’ 1970 [6. С. 20]; *лызсяська, лызйыр, лызйырсяська* ‘тж’ 1983 [17. С. 265]; *лызйыр, лызсяська, лызйырсяська* ‘тж’ 1994 [12. С. 67]; *лызйыр, лызйырсяська, лызсяська* ‘тж’ 2008 [18. С. 408].

Название *чагырс'ас'ка* встречается островками в ярском (21, 22) и глазовском (24) говорах среднечепецкого диалекта, в лозинском (55*г*) говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия, а также в срединном сюмсинском говоре (84). Первый компонент *чагыр* несет значение ‘голубой’ и соответственно *чагырс'ас'ка* означает ‘голубой цветок’. Лексема *чагыр* заимствована из чувашского языка: чув. *чакăр* ‘голубой, светло-голубой; серый’, тат. *чагыр*: *чагыр күзле* ‘пестроглазый’; * *čagir* ‘пепельно-серый (о глазах)’ [7. С. 140; 13. С. 78; 14. С. 139], хотя Б. Мункачи относит *чагыр* к русским заимствованиям [22. С. 306].

Следующую группу наименований василька составляют названия, одним из компонентов которых является слово *кина* (*кин'а*, *кинай*). Вариант *кинайс'ас'ка* (*кинас'ас'ка*) употребляется в кырыкмасском говоре (128, 129, 148) собственно-южного диалекта, а также в с. Юськи (97) срединного верхнеижского говора. Форма *кинайс'эс'ка* встречается в некоторых населенных пунктах татышлинского говора (160, 161). *Кинайчача* зафиксировано в д. Бол. Жужгес (90) нылгинского говора, в с. Постол (93) верхнеижского говора, а также в д. Стар. Монья (126) среднеюжного говора южного наречия. Вариант *киначача* характерен для ижского диалекта. Форма *кин'ачача* отмечена лишь в д. Гожан (153) Пермского края. Вторые компоненты данных наименований *с'ас'ка* и *чача* означают ‘цветок’. Интерес представляет первый компонент *кина* (*кинай*). В современном удмуртском языке нет однокоренных с ним слов, оно сохранилось лишь в названии василька. По-видимому, эта лексема когда-то была образована от топонима или антропонима, поскольку такой принцип номинации характерен для растений, в частности для василька (см. ниже). В пользу этого предположения говорит и такой факт, что в Татарстане есть населенный пункт Ст. Кня-Юмья (местное название – *Киня*) (кукморский говор периферийно-южного наречия).

В письменных источниках с XIX в. зафиксировано: *kinaj-čača* (Sar.), *kinačača* Jel ‘голубой цветок’ 1896 [22. С. 307]; *кінай чача* I, *кинай чача* II ‘василек-

лоскутница’ (1892, 1920-е гг.) [4. С. 117]; *кинай чача* ср. ‘василек’ 1932 [3. С. 133]; *кинаньчача* ‘тж’ 1948 [16. С. 134]; *киначача* ‘тж’ 1970 [6. С. 20]; *кинайчача, киначача* ‘василёк // васильковый’ 1983 [17. С. 199]; *киначача, кинайчача* ‘василек’ 1994 [12. С. 67]; *кинайчача, киначача* ‘василёк // васильковый’ 2008 [18. С. 302].

Слово *карагуртс'ас'ка* записано в д. Андрейшур (37) балезинского говора северного наречия. Происходит, скорее всего, от названия населенного пункта, и, несмотря на то, что встречается лишь в одном опорном пункте, в письменных источниках оно отмечено: *карагуртсяська* ‘василек’ 1932 [3. С. 172]; *карагурт сяська* ‘тж’ 1970 [6. С. 20]; *карагурт*, *карагуртсяська* ‘тж’ 1994 [12. С. 67].

Название *ӟэкс'ас'ка* функционирует в лозинском говоре (55) северного наречия, в омгинском говоре валинского диалекта (107), в отдельных населенных пунктах кизнерско-можгинского говора собственно южного диалекта (110, 111) и в с. Бол. Гондырь (155) шагиртско-гондырского говора периферийно-южного диалекта. Вариант этого слова *ӟ''экс''ас''ка* отмечен в д. Салья (13) средне-западного диалекта, а *з'экс'ас'ка* – в д. Гожан (153), представляющей шагиртско-гондырский говор Закамья. Наименование *ӟэкс'ас'ка* состоит из компонентов *ӟэк ~ ӟэг* ‘рожь’ и *с'ас'ка* ‘цветок’. Удм. *ӟэг,* коми *рудзӧг,* мари *ружа,* морд. *розь* ‘рожь’. Сходные слова имеются также в германских, балтийских и славянских языках. Фасмер считает коми, удмуртское и мордовские слова заимствованиями из восточных индо-европейских языков, но не уточняет, из каких именно, марийское слово – из русского [9. С. 245; 13. С. 83].

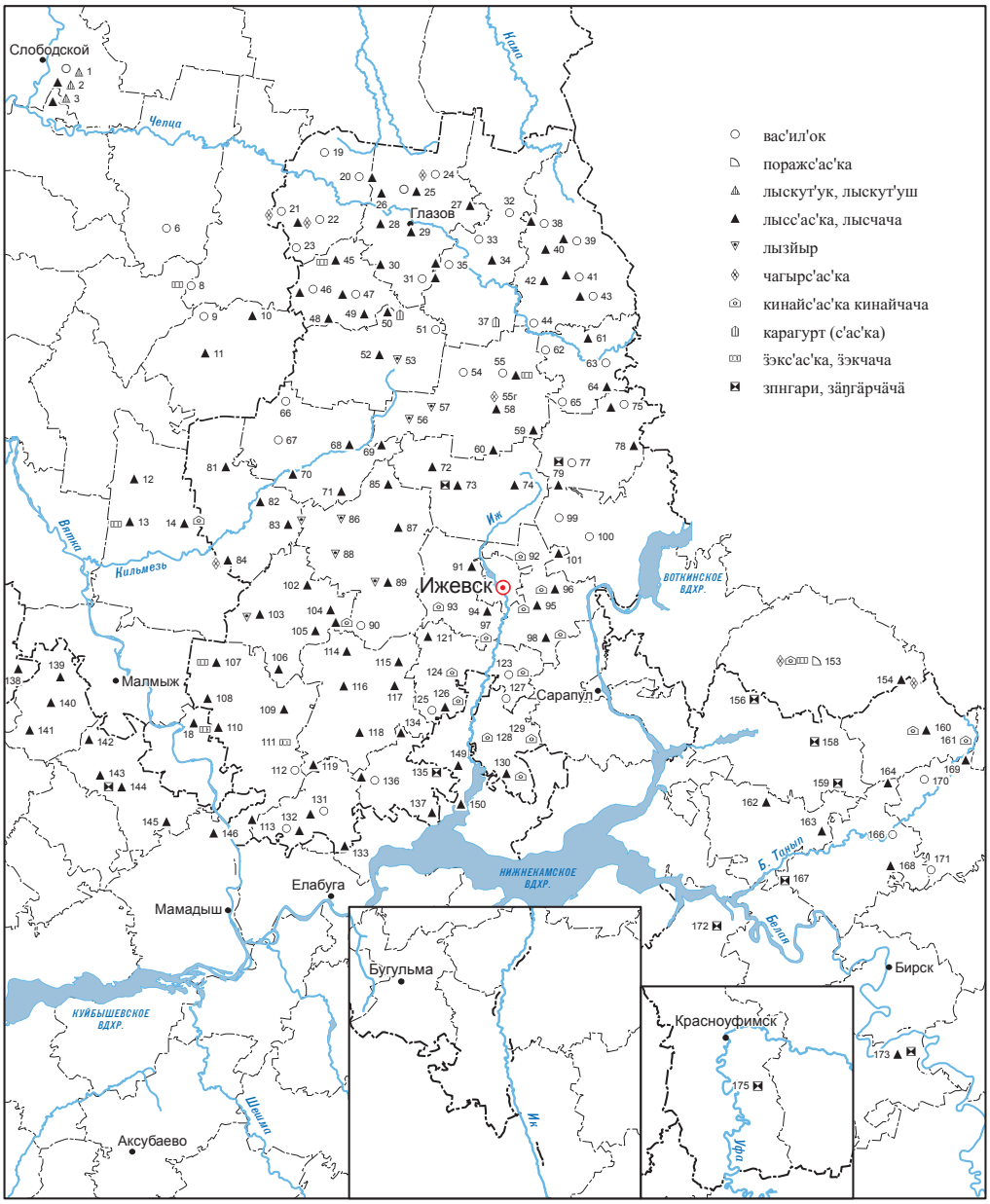
С пометой *диал.* лексема *ӟэкс'ас'ка* отмечена лишь в биологическом словаре (1994) и удмуртско-русских словарях (1983 и 2008): *ӟэг сяська* диал. ‘василёк’ [17. С. 159]; *ӟэгсяська* ‘тж’ 1994 [12. С. 67]; *ӟэг сяська* диал. ‘тж’ [18. С. 238].

Название *ӟэкс'ас'ка* мотивировано тем, что василёк обычно растёт в посевах яровых и озимых культур, в частности озимой ржи.

Наименование *зангари* характерно для некоторых говоров периферийно-южного диалекта, островками встречается и на территории Удмуртии, но, скорее всего, под влиянием литературного языка. В частности, *зангари* отмечено в некоторых населенных пунктах средне-восточного диалекта (73(2), 77), вариант *заŋгари* – в д. Кузюмово (135) алнашского говора южного наречия. Форма *зäŋгäрс'äс'кä* с неогублённым гласным переднего ряда нижнего подъёма встречается в ташкичинском и отчасти буйско-танылпском говорах, *зэŋгэрс'эс'кэ* – в канлинском говоре Закамья. *Зäŋгäрчäчä* употребляется в красноуфимском говоре. *Зäŋгäрчäчä* и *зäŋгäрс'äс'кä* являются сложными словами, в которых первое слово *зäŋгäр* (< *зангари*) означает ‘голубой’, а второе – *чäчä* (< *чача*) и *с'äс'кä* (< *с'ас'ка*) – ‘цветок’. Слово *зангари* заимствовано из татарского языка: тат., баш. *зәнгәр* ‘синий, голубой’, чув. *сенкер* ‘тж’; является словом арабского происхождения [13. С. 81; 14. С. 57].

В письменных источниках фиксируется начиная с XIX в.: *zañari*, Kaz. ‘голубой’ 1896 [22. С. 438]; *зангари* тат. кр. юж. ‘голубой’ 1932 [3. С. 105]; *зангари* южн. ‘синий’, *зангари сяська* ‘василёк’ 1948 [16. С. 97]; *зангари сяська* ‘тж’ 1970 [6. С. 20]; *зангари* ‘1. голубой; синий 2. василёк’ 1983 [17. С. 151];

ВАСИЛЁК ПОЛЕВОЙ



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

зангари ‘василек’ 1994 [12. С. 67]; *зангар* диал. ‘сиреневый’, *зангари* I ‘голубой; синий; сиреневый’, *зангари* II ‘василек’, *зангарисяська* ‘тж’ 2008 [18. С. 225].

В кратком русско-удмуртском биологическом словаре (1970) [6. С. 20] и в удмуртско-русском словаре (2008) [18. С. 277] с пометой *диал.* в значении ‘василёк’ отмечено слово *камайчача*. В ходе сбора полевых материалов сотрудниками лаборатории не обнаружено, но нужно отметить, пока не все опорные пункты были изучены. Слово состоит из двух компонентов: *камай* –удмуртское личное мужское имя + *чача* диал. ‘цветок’, то есть ‘цветок Камая’. Заимствованный из тюркского антропоним: 1) тат. Камай < араб. Камалутдин ‘совершенство веры’; 2) *кам* ‘шаман, исцелитель, заклинатель, чародей, волшебник’ + *-ай* – аффикс [2. С. 227]. Судя по второму компоненту, слово должно употребляться в южном наречии удмуртского языка.

В опорных пунктах также пока не обнаружено слово *бусойыр*, отмеченное в последних изданных удмуртско-русских словарях в значении ‘василёк’: *бусойыр* ‘василёк’ 1948 [16. С. 33]; *бусойыр* диал. ‘василёк // васильковый’ 1983 [17. С. 59]; *бусойыр* диал. ‘тж’ 2008 [18. С. 86]. Композитум, состоящий из *бусо* ‘туманный (пыльный)’ и *йыр* ‘голова’. Очевидно, полукалька с тат., ср. *чукмарбаш* ‘василёк’, букв. ‘кистень (булава) + голова’ [1. С. 215].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

баш. – башкирский язык, болг. – болгарский язык, венг. – венгерский язык, греч. – греческий язык, доперм. – допермский язык, др.-инд. – древнеиндийский язык, индоевроп. – индо-европейский праязык, манс. – мансийский язык, мар. – марийский язык, мокш. – мокша-мордовский язык, морд. – мордовский язык, н.-луж. – нижнелужицкий язык, общеп. – общепермский праязык, общеслав. – общеславянский язык, сербохорв. – сербохорватский язык, тат. – татарский язык, укр. – украинский язык, ф. – финский язык, ф.-у. – финно-угорский праязык, хант. – хантыйский язык, чеш. – чешский язык, чув. – чувашский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алатырев В. И.* Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / В. И. Алатырев / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1988. 240 с.

2. *Атаманов М. Г.* Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов: Около 6800 имен / УИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. 396 с.

3. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 384 с.

4. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).

5. Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. 47 с.

6. *Главатских Ф. С., Прокопьев М. П.* Краткий русско-удмуртский биологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1970. 180 с.

7. Диалектологический словарь татарского языка / АН СССР, Ин-т языка, лит-ры и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с.

8. *Кротов З.* Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ. 1785 года. 285 с. [В кн.: Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1995. XX + 285 с.

9. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

10. Русско-чувашский словарь: Ок. 40000 слов / Под ред. Н. А. Андреева и Н. П. Петрова; НИИ при Сов. Мин. Чув. АССР. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 893 с.

11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; АН СССР. Ин-т русского языка. Словарный сектор; Л.: Наука. Вып. 17: Леснокаменный–Масленичать. 1981. 384 с.

12. *Соколов С. В.* Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.; вкл.

13. *Соколов С. В.* Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордскем кыл. 1998. № 3. 79–84 б.; № 5. 74–79 б.; 1999. № 9. 73–89 б.

14. *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

15. *Туганаев В. В., Баранова О. Г.* Зеленые спутники человека. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 192 с.

16. Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

17. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

18. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. (А–Д) / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. 562 с.

20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. 3: Муза–Сят. 1971. 827 с.

21. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2 / М. Р. Федотов. Чебоксары, 1996. 509 с.

22. *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pécs, 1990.

23. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 2.08.2011

V. G. Semenov

Names of corn-flower in udmurt dialects and their origin

In the article are examined the questions of distribution and origin in the dialects of udmurt language of the names of corn-flower are examined dark blue, which in Udmurtii sprouts everywhere, and for his denotation the great number of lexemes is used.

Keywords: udmurt dialects, names of flower, distribution of fitonim, principles of nomination, etymology of words.

Семёнов Василий Германович,
научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: svgerm@mail.ru

Semenov Vasilij Germanovich,
Research Associate,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: svgerm@mail.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.3(=161.1)(470.51)

С. В. Толкачева

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБЫЧАЕВ ОДАРИВАНИЯ В РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ УДМУРТИИ

Продемонстрирована роль традиционного одаривания в оформлении акционального, предметного, вербального кодов русского свадебного фольклора Удмуртии. Обозначено влияние гендерного фактора на различия в характере, обстановке преподнесения подарков локусами жениха и невесты, на применение контрастных и однородных видов материи в дарах. Выявлена смысловая нагрузка применения тканых изделий и предметов из необработанного растительного материала в оформлении образов жениха и невесты. Показаны локальные отличия обычаев одаривания в южной и северной ареальных традициях современной Удмуртии.

Ключевые слова: русская свадьба, русский фольклор, Удмуртия, свадебные песни, приданое, одаривание, невеста-мастерица, гендерный фактор.

Русская крестьянская свадьба – сложный обрядовый комплекс, являющийся предметом для изучения в нескольких научных отраслях: в этнографии, филологии, этномузыковедении, лингвистике, философии и др. Целостное исследование традиционной свадьбы требует хотя бы минимального объема предварительных данных, полученных на стыках наук. Данная статья имеет преимущественно этнографическую и филологическую научную направленность и продолжает серию трудов, материалов и статей, посвященных русским свадебным обрядам, записанным на территории современной Удмуртии [2–5; 8–11; 13–19].

Основоположником комплексного подхода в изучении русских свадебных обрядов нашего края является удмуртский священник и этнограф Г. Е. Верещагин, который в кон. XIX в. записал в Сарапульском уезде Вятской губернии обычаи, нравы и песни русского населения. Его очерк «Свадебные обряды», опубликованный в составе рукописи «Очерки русских Вятско-Прикамского края» лишь в 2001 г., до сих пор остается непревзойденным источником информации для современных фольклористических исследований [4; 18]. Многие сведения из его труда, особенно касающиеся финансовых, хозяйственных решений ряда эпизодов свадебного обряда и их психологической подоплеки, являются

уникальными*. Впечатляет приведенный Г. Е. Верещагиным список о количестве и разнообразии приданого [4. С. 52–53]. Рассказывая об обычаях одаривания невестой своей будущей родни, а женихом – невесты, ее родни и подруг, автор всегда скрупулезно уточняет, как это происходит, что дарится, сколько стоит та или иная вещь, что является побуждающим мотивом для этого акта. Обычаи одаривания в рамках свадебного обряда – одно из наименее изученных региональной фольклористикой явлений. Рассмотрению символики, гендерных особенностей, локальной специфики ритуального одаривания как одной из линий предметного, акционального и вербального кодов** традиционной свадьбы, бытовавшей на территории современной Удмуртии в XX в., и посвящена данная статья.

В качестве рабочих терминов в статье используются выражения «южные районы Удмуртии», к которым мы относим Воткинский, Завьяловский, Камбарский, Каракулинский, Сарапульский; и «северные районы» – Балезинский, Глазовский, Кезский***. Данные термины применяются без конкретизирующего уточнения, кроме случаев разночтения. Предложенное «географическое» деление русской фольклорной традиции региона на северный и южный ареалы очень условно. Тем не менее оно в достаточной мере отражает особенности ее бытования. Убедительные доказательства правомерности географического фактора как определяющего в формировании и функционировании русской песенной традиции Удмуртии приводятся этномузыковедом В. Г. Болдыревой [2].

Обычаи одаривания обязательно включаются в большинство крупных свадебных эпизодов как важная составная часть. Иногда они могут оформляться в самостоятельный эпизод. Дары начинают преподноситься сразу после сватовства, или, в зависимости от ситуации, спустя несколько дней, на *сговоре***** (северные р-ны). Повсеместно их дарят на *пропивках* / *пропивышках* / *пропое* (которые устраиваются через некоторое время после *сватовства* и служат «всенародным» объявлением о предстоящей свадьбе). До свадебного дня и в свадебный день основные действующие лица, совершающие акты традиционного дарения – жених и невеста; на второй день свадьбы в преподнесении подарков, помимо молодого и молодой, принимают участие также присутствующие гости.

Невеста в эпизодах одаривания предстает как умелая, щедрая мастерица, старающаяся максимально полно показать свое благорасположение к членам

---

* Одной из причин данного явления, на наш взгляд, является гендерный фактор. Подробнее об этом см. в статье «Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии» [18].

** Подробнее о кодах свадебного ритуала см. в исследованиях А. ван Геннепа [6], Б. Б. Ефименковой [7].

*** Информация о свадебных обрядах была записана автором в экспедициях УИИЯЛ УрО РАН в Балезинском р-не (д. Афонино, д. Базаны, д. Гаревская, д. Гарчёнки, с. Карсовай, д. Кипрята, д. Петровцы, с. Сергино, д. Шарпа), в Глазовском р-не (д. Самки), в Каракулинском р-не (с. Вятское, д. Котово, д. Кулюшево), в Кезском р-не (с. Степанёнки) Удмуртской Республики.

**** Курсивом выделены: народная терминология, расшифрованные с магнитофонных записей рассказы исполнителей, цитированная речь информантов из письменных источников.

новой семьи. В качестве ее подарков, как правило, выступают полотняные вещи – платки, платочки, платья, отрезы ткани, ленты, пояса, полотенца, а также нити. В южных р-нах подарки жениху или его друзьям, наряду с самой невестой, могут делать ее подруги, тогда как в северных р-нах – только сама невеста:

1) на *пропивках*, которые происходят через некоторое время после *договора* незадолго до *девишника*, невеста и жених *задаток дают*, то есть делают друг другу подарки с надеждой, что после того, как вещи отданы, ни жених, ни невеста не откажутся от предстоящей свадьбы (северные р-ны):

– Теперь, они пируют… и друг другу дают подарки невеста и жоних, как вроде задатки говорят, чтобы он не отказался и она не отказалась… Ну, чё-нибудь, или платок, или полотенце ли чё ли вот такое… (Балезинский р-н, с. Карсовай) [11. С. 184];

2) на *пропивушках* (южные р-ны) через несколько дней после сватовства *«невеста начинает дарить свои дары – полотенца вышитые самотканые: жениху – обязательно, его матери, отцу, и может ещё золовкам, деверьям, если капитал позволяет…»* [3. С. 77];

3) во время *приезда жениха проведать невесту* до свадебного дня девушки дарят жениху и всем его друзьям по платку. После угощения чаем, перед обедом возле каждого гостя «мать невесты ставит тарелку и сыплет туда привезенные женихом гостинцы. Гости накрывают гостинцы подаренными невестой платками в знак того, что они без песен девушек не желают угостить, а этого ждут и сами девушки, чтобы за песни получить еще денежной подачки… Когда тарелки будут накрыты, девушки поют отдельно каждому гостю, начиная с жениха, величание… Кто подарит в общую кружку девиц за величанье (от 5 до 20 к.), тот вправе перецеловать всех девушек. Когда таким образом кончилось величанье, гости приглашают девушек садиться за стол. Открывает каждый свою тарелку и угощает девушек…» [4. С. 61–63];

4) на *девишнике* до свадебного дня невеста одаривает лентами девушек, сопровождающих ее шествие в баню (южные р-ны). Она дарит также ленты всем девочкам, которые приходят к ней в дом после бани. Маленьким детям невеста раздает конфеты:

– Дак чё, в девишник, ведь ето, мелочь приходили. Всех дарили… ленточками. Ну, вот, я, например, выхожу [замуж][*]. *Ко мне идут. Я уже припасла ленточки. Там, по метре, по две ли, какие там. Ну, сколько дашь. Это назывался «девишник». Невеста вымоется, тогда «дарит девишник». Тогда уж ребятишки придут – конфеток дашь. Девочки придут – ленточки…* (Каракулинский р-н, с. Вятское. Фольклорная экспедиция УИИЯЛ УрО РАН 1994 г., архив временного хранения, дело 522, том 1, листы 46–47 оборотный. Далее «ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, д., т., л., об.»);

5) невеста раздает ленты подругам при расплетении ее девической косы в день свадьбы (повсеместно):

– Расплетают косу, и она отдаёт своим подругам ленты. Отдаст и всё… [11. С. 185];

---

[*] Ремарки и вопросы в квадратных скобках принадлежат автору статьи.

6) жених и невеста меняются подарками в свадебный день после *обручения* (обмена кольцами) (Балезинский р-н):

– *И даёт ужо жоних ей чё-нибудь. Жоних невесте даёт там, например, полушалок. Она ему рубаху ли брюки там, или чё даёт…* [11. С. 185];

7) в свадебный день при приезде жениха с дружками *швеи* (подруги невесты) прикалывают к груди каждого *дружки* ленты или *цветы*, изготовленные из ленточек (южные р-ны) [4. С. 79]:

– *Дружки сперва придут, объявят, что приехали,* [узнают,] *готова ли невеста. Им цветы прикалывают, плети из бумаги, тряпок делали, дарили им...* (Каракулинский р-н, д. Котово. ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, д. 522, т. 3, л. 2 об.);

8) в свадебный день невеста одаривает *поезжанинов* (родных и близких жениха, поезжан) *за занавесой* (северные р-ны);

9) *дарятся* на второй день свадьбы (повсеместно):

– *Невеста дарит родителям жениха подарки – пояски, носовые платки... крёстне жениха дарит платье, крёстному жениха – рубаху, полотенце. Жених дарит невесте платье, платок, ботинки* [10. С. 61];

10) на второй день свадьбы невеста одаривает свою новую родню (повсеместно):

– *Если есть чем – дарит. Отцу – рубаху, матери – там на платье или халат ле какой, платок или. Может, золовки есть. У нас вот Сашкина мать… Нас всех посадили… Сказала: «Я теперь пришла в другую семью. У меня семья другая. У меня есть мама, есть папа, деверья, золовки». Вот. Всех нас обдарила. Меня сразу мамой назвала, то-мо папой назвала… Все так делали…*(Каракулинский р-н, с. Вятское. ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, д. 522, т. 1, л. 44 об.);

– *А назавтра сидят-пируют, а потом сначала дарят… Сначала невесте дарят… Ну чё раньше было дарить? Пояски ткали и носовой платочик. Теперь они встают, жених и невеста, а сваха и тысичка держат етот поднос опять. Опять также тут налевают и ложат подарки. И вот напротив встают, ково пригаркивают – опять порой всё мужа и жену пригаркивают. Они напротив встанут и теперь подарки возьмут и это всё выпьют и ложат деньги сколенно на поднос, а те опять кланяются. Подарятся называется это, подарились…* (Балезинский р-н, с. Карсовай) [11. С. 187].

Последние примеры ярко демонстрируют связь актов дарения и с приобщением невесты к роду жениха, и со сменой ее статуса. Повсеместно признание невестой родни жениха своей родней происходит вскоре после кульминации инициационной линии свадебного обряда – разрушения девической прически и надевания ею женского головного убора. Однако свое благорасположение новой родне невеста выражает еще до дня свадьбы подарками поезжанам и родителям жениха, что ярко проиллюстрировано В. Г. Болдыревой: «Дары на обрученье дарит невеста своей будущей родне. При этом происходит “окликание” их новыми именами (новыми как для невесты, так и для новой родни)…». Невеста *окликает* свекровь – мамой, свекра – папой, золовок – сестрицами и т.д. [3. С. 81].

В нашем регионе распространен обычай обмена подарками со стороны свах. После того, как свадебный поезд прибывает к дому невесты и *поезжане* заходят в избу, первыми, еще у порога, встречаются две свахи – женихова и невестина [10. С. 58].

Они обязательно обмениваются подарками. Повсеместно в северных р-нах свахи обмениваются стаканами с брагой или пивом. В д. Шарпа Балезинского р-на – обрядовыми пирогами с рыбой (*рыбниками*), в с. Сергино Балезинского р-на – хлебами, покрытыми полотенцами. В это время устраиваются шуточные соревнования: чья сваха скорее выпьет из стакана и повернет вокруг своей оси другую сваху? Кто из них сумеет передать хлеб / пирог поверх другого хлеба? У того и «верх» в семье будет – «женихов» или «невестин». В Каракулинском р-не за свадебным столом свахи дарят друг другу полотенца или материал на платье.

Необычные, «шуточные» подарки из бумаги, *махнушек* (старых тряпочек) или соломы изготовляются *швеями* и вручаются поезжанам за свадебным столом в южных р-нах [10. С. 59]. Тысяцкому дарят часы, боярам – рукавицы, повознику – шапочку, крестной – муфту, *запон* (передник). Предметы, подаренные поезжанам в серьезной церемонии первого дня свадьбы, на следующий день используются как элементы ряженья. На второй день свадьбы эти вещи гости надевают на себя во время шествия на колодец, на ручей или на реку (*по воду ходили* / *подавай*):

– *Приезжали дружки к невесте на конях, швеи величали их, им цветочки на грудь прицепляли, и плети делали из соломы, тряпочками обшивали: одну тряпочку надрезали с одного края… По воду сходят – на колодец, на речку ходили. Идут: тысяцкой – часы, повозник – шапочку надевают. «Сряду»* [то есть наряды] *сколько есть – надевают. Всё, что вышито, всё надевают. Шубу выворачивали, дугу сделают, люди идут трое – как «тройка»* [коней], *повожают их…* (Каракулинский р-н, д. Котово. АРВХ-94, д. 522, т. 3, л. 4 об. – 5).

По сведениям А. Г. Татаринцева, в некоторых локальных традициях данные предметы при преподнесении их *швеями* выкупались теми гостями, кому они были предназначены. Вплетение элементов выкупа в акт дарения активизировало локус жениха: *«Повозник должен выкупить у девок шапку, рукавицы, плётку. Всё повозник должен сам выкупить. Дружки тоже должны выкупить по цветку, который сошьют девки. Всё это с плясками, с песнями»* (9: 45). Таким образом, предметы из соломы, прутьев, бумажных ленточек, старых лоскутков в сопоставлении с ткаными вещами применялись преимущественно в эпизодах шуточного характера, оформляя линию контактов двух родов.

В южных р-нах во время одаривания невестой исполнялись специальные песни, комментирующие данный акт: «Ой, кто дары дарил?», «Ой, во полях снежки». В них обязателен акцент на трудолюбии, усердии, скромности невесты, которая изготавливает дары:

Ой, во поле снежки (2)
Всё кутят и мутят. (2)

Ой, в нашем тереме (2)
Громко говорят. (2)

Ой, громко говорят, (2)
Всё дары дарят. (2)

Ой, всю родню дарят (2)
Михаилову да Ивановича.

– Ой, хто дары дарит? (2)
– Зинаида-душа Николаевна.

– Ой, не посуди, ой, не осудите
На наших дарах. (2)

Ой, у нас дары (2)
Не пашёны [то есть не паханные] были, не готовленные.

Ой, шёлк да бумаг (2)
Не родилася. (2)

Ой, только родилса (2)
Один белый лён, одинёшенёк.

Ой, из тово я льна, (2)
Я пряла и ткала. (2)

Ой, я пряла-ткала, (2)
Всё дары пасла, всё готовила.

(свадебная песня «Ой, во поле снежки».
Завьяловский р-н, с. Сепыч. Магнитофонная кассета 155/1В № 24, далее – Мк).

В материалах экспедиций по северным р-нам нет сведений о пении в процессе преподнесения даров. Однако в песне для женатого мужчины «Ох, не летай, сокол», исполнявшейся в свадебный день на *девишнике* за столом, когда невеста сидит за *занавесой*, данный обычай описывается так:

…Там, за навесом, там, за навесом да,
Ишшо хто у нас сидит? (2)

Там у нас сидит, там у нас сидит да
Красная девица, красная девица(а^{э}), ох.

Чёй она делат, чёй она делат да?
Она дары шьёт, дары выкладываёх.

Этимя дарами, етимя дарами
она ково хочёт дарить? (2)

Хочет подарить, хочет подарить да
Свёкра-батюшка, свекровку-матушку, ох…

(свадебная песня «Ох, не летай сокол») [11. С. 52–53].

В песне «Гуси вы, гуси» (Игринский р-н, с. Русская Лоза) также запечатлен обряд дарения [10. С. 49–50]. В песне подробно перечислено, кому какие вещи преподносит невеста, сообщается о том, что невеста пряла приданое не один год, и не два, а семнадцать годочков:

Гуси вы, гуси,
Диво лелё, лада моя да.
Вы, китайски-голландски,
Диво лелю, лада моя да*.

Вы куда, гуси, летали?
Вы чево, гуси, слыхали?

* Далее текст приведен без учета поэтической формы.

– Мы летали-слыхали
Как Наталья-то плачет,
Как Ивановна рыдает,
Сундучку причитает:
– Ох, ты, ранчик мой, ранчик,
Ты окованной, хорошой,
Я не год тебя пряла,
Я не два припасала,
Я семнадцать годочков
Припасала дарочки.
Во един вечерочик
Раздарила все дарочки:
Уж я свёкру – рубашку,
А свекровке – другую.
Уж я деверю – платочек,
А золовушке – веночек.

В свадебной песне «У Светланушки батюшко» обычаи одаривания находят своеобразное преломление: не упоминается о дарах со стороны невесты, а повествуется о приготовлении приданого матерью для своей дочери («делала-ладила дар да дарок»), уподобляемого строительству дома, что далее получает высокую этическую оценку:

…У Светланушки матушка*
Она умна-розумна была,
Она делала-ладила,
Она делала дар да дарок,
Она строила дом да домок.
Со Христом, со Христом дитя,
Со Христом моё дитятко…

(свадебная песня «У Светланушки батюшко». Балезинский р-н, с. Сергино. ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, т. 1, д. 485, л. 67–67 об.).

Итак, эпизоды традиционного свадебного одаривания, в которые вовлекается невеста, обыкновенно торжественны, церемониальны и связаны с демонстрацией ее как умелой мастерицы, заботливой хозяйки. Все они направлены на установление прочных взаимосвязей двух родов. Использование тканых, шитых, вязаных вещей, процесс изготовления которых связан с соединением, переплетением нитей, символизирует готовность молодой обиходить домашний очаг, создать теплую дружественную атмосферу в будущей семье.

Жених в свадебном одаривании предстает в двух контрастных образах, ипостаси которых зависят от цели и настроенности эпизодов, от набора предметов, которые он преподносит невесте и ее представителям: их качества, состава. Первый образ (исходя из свадебной ситуации) – это богатый мужчина. Данная ипостась активизируется непосредственно в момент сватовства. Сваты, желая представить своего жениха родителям невесты с наиболее выгодной стороны, делают акцент на его финансовой состоятельности. В одной из наиболее часто

* Далее текст приведен без учета поэтической формы.

встречающихся в регионе приговорок сватов, жених сравнивается с купцом и с золотым яблочком, в противовес невесте как наливному яблочку: *«У вас есть товар, у нас – купец, у вас наливное яблочко, у нас – золотое»* [14. С. 105]. Э. А. Тамаркина приводит зафиксированный на *пропивышах* в с. Сюмси обычай (южная традиция), когда «за столом отец жениха отдает бумажник жениху, тот невесте, а невеста – своему отцу. Невеста начинает плакать. Это значит – за калым заплачено…» [14. С. 106]. Важнейшим качеством жениха, напрямую связанным с его образом как богача, является щедрость. Что бы жених ни дарил – деньги или вещи, он всегда должен делать это с максимальной отдачей для сохранения и преумножения статуса богатого, состоятельного мужчины. В популярном свадебном величании друга жениха, его родственника – *тысяцкого* – сохранилось это почтительное, уважительное обращение к основному представителю локуса жениха: «Ты, богата, богатина…».

Непременными обязанностями жениха, демонстрирующими его богатство и волевые качества, в том числе физическую силу, являются многочисленные выкупы*: дороги к дому невесты, праздничного стола в доме невесты, самой невесты, ее косы, курника (свадебного пирога, символа девичества невесты), приданого, брачного ложа. Поэтому одаривание, производимое женихом, зачастую имеет специфику – оно может смыкаться с выкупом: либо напоминать выкуп, либо заменяться выкупом. Одним из эквивалентов денег в подобных обычаях становится еда (или питье). Жених (один или с друзьями) раздает либо деньги, либо сладости:

1) в Каракулинском р-не жених с друзьями ходит к невесте *с пряниками* и угощает ее и *швей*. Во время проведывания невесты друзья жениха дают девушкам деньги за песенные величания в их адрес. По сведениям Г. Е. Верещагина, во время проведывания невесты после сватовства, жених приносит невесте гостинцы: пряники, орехи, конфеты. Ему и всей его свите – друзьям, родне, девушки поют величания, за что получают деньги, а по окончании величаний – угощения [4. С. 61–63]. С данным обычаем имеет сходство эпизод свадебного обряда, распространенный в южных р-нах. По вечерам *на песни* (южная традиция) [3. С. 79] в гости к *швеям* приходили знакомые, родные, будущие поезжане, парни. Они просили *швей* спеть свадебные величания для себя или своих близких. По окончании каждой песни обязательно давались деньги. В противном случае человек, заказавший песню и не одаривший *швей*, жестоко высмеивался специальной песней. В Воткинском р-не по завершении величаний для гостей «*…каждая из девушек себя величает и пляшет*» [3. С. 79]. За время *величания* на протяжении одной свадьбы девушка могла собрать деньги на покупку двух платьев:

– ...Вот, я, например бы, дружка. Ко мне подходят: «Какую для вас песню спеть? Кого величать?». Я, там, скажу: «У меня, вот, есть сын, дочь там может, сноха, жених, невеста. Этих всех обязательно надо величать». И вот я заказываю песню: «Вот, для дочери песни такую спойте, для сына такую, вот,

* В данной статье свадебные эпизоды, связанные с выкупом невесты женихом, не рассматриваются. Подробнее об этом см. в статьях Г. Е. Верещагина [4], Т. Г. Владыкиной [3. С. 50, 51], В. Г. Болдыревой [5. С. 75, 78, 84–85], С. В. Стародубцевой [10. С. 46, 47, 58–60], в сборнике А. Г. Татаринцева [9. С. 34–36, 45–46].

может, военную «Под городом, под городом». Это вот для сына песня». Ну, всех там взвеличают, и я должна положить за это деньги, вот (Каракулинский р-н, д. Котово. ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, д. 522, т. 1, л. 93);

– *...Я как-то один раз в «Лесу» величала дак – двести восемьдесят рублей завеличала!. Два платья купила! А чё, нагишом была дак! Идти на свадьбу даже не в чём было. Мне хозяйка дала платьё сходить. Правда. Ведь баска-то не была, молода-то тоже была. Попеть-то охота было и поплясать-то, правда что* (Каракулинский р-н, с. Вятское. ФЭ ИИЯЛ-94, АРВХ, д. 522, т. 1, л. 42);

2) в Каракулинском р-не (д. Чеганда) девушки-швеи накануне *девишника* ездили к жениху на лошадях *за веником для невесты*. Вместе с веником *выряжали* у него и мыло: «*Веник жених даёт берёзовый, изукрашенный лентами, приглашает девушек пить чай. Девушки и жених пляшут, по кругу ходят*» [10. С. 56]*;

3) в южных р-нах существовал обычай, когда после сватовства подруги невесты приходили в дом жениха и уточняли, в каких количествах и каких размеров нужно приготовить часть приданого для убранства будущего жилища невесты – половики, шторы, занавески, скатерти и т.д. Этот эпизод называется «*столы мерять ходят», «к жениху окна мерять»* [3. С. 79; 10. С. 55]. По завершении деловой части встречи жених угощал девушек;

4) повсеместно в день свадьбы дружки выкупают места у сидящих за свадебным столом ребятишек деньгами или конфетами [10. С. 57, 11. С. 185].

Второй образ жениха, отчетливо проступающий в обычаях одаривания, связан с проявлением жениха заботы о невесте. В этом случае предметы, которыми он одаривает, подобны невестиным – материал на платье, обувь, платки:

1) как упоминалось выше, на *пропивках* жених и невеста обмениваются подарками, *задаток дают* (северные р-ны);

2) в Кезском р-не переплетенные нити для косы (*заплётку*) жених отдает невесте в день свадьбы:

– *Заплётки везёт жених… Там, не ленточка, а заплётка, сплетённая из чего-то, ну, например, из шерстяных ниток, или чего-то… Любого* [цвета]. *Если жених не везёт заплётку, то мать невесты готовит, даёт заплётку…* (Кезский р-н, с. Степанёнки. Мк 137 / 2 А № 51).

Мотив дарения парнем/мужчиной девушке/жене платка, актуальный для свадебного обряда, собственно в свадебных песнях практически не встречается. Данный мотив распространен в хороводных и плясовых песнях и сопряжен с мотивом демонстрации выбора пары парнем:

…Маладой парень, (2)
Маладой парень всё ко де(э)вице хадил. (2)

Он не даром к нёй, (2)
Он не даром к нёй да пода(а)рочёк насил. (2)

Шаль турецкую, (2)
Шаль турецкую ли со кистям на плечи клал. (2)

* Подробнее об использовании символики высохших растений, разрушенной, ветхой материи, необработанного природного материала в текстах свадебных песен для характеристики образа жениха см. в статье «Предметный код в русских свадебных обрядах Удмуртии (на примере характеристики невесты как мастерицы)» [17].

Он на правоё, (2)
Он на правоё ли да на левоё плечо. (2)
(хороводная песня «Мимо садику».
Вавожский р-н, д. Березек) [12. С. 346–347].

В некоторых песнях платок парню преподносит девушка:

…В этом хороводе молодец гулял*,
Молодец гулял, платочик потирял.
– Пойду да спрошу я сестрицу свою.
Сестрица пришла, платочик не нашла.
– Пойду я, срошу милую свою.
Милая пришла, платочик здесь нашла.
– Ой, ты, милый мой, вот платочик твой.
(летняя круговая песня «Частый березник».
Красногорский р-н, д. Дёбы) [12. С. 332–333].

В акты одаривания, происходящие на второй и третий дни свадьбы, вовлекаются все присутствующие: это – молодой и молодая, родня жениха, односельчане. На второй день происходит кульминация демонстрации невесты себя как мастерицы. Она должна одарить всю женихову родню ткаными вещами.

Обычаи одаривания второго и третьего свадебных дней, в которых участвуют молодые, представлены двумя разновидностями. Первая разновидность – преподнесение молодой подарков гостям, вторая – одаривание родней жениха и гостями вновь образованной семьи. Предметный код обозначен во всех этих эпизодах ткаными вещами (в обычном и шутовском значении), соломой, деньгами и вином/водой.

Повсеместно преподнесение *молодушкой* даров новым родственникам, о чем выше упоминалось, имело торжественный характер. В северных р-нах в подобных эпизодах рядом с *молодушкой* стояли ее муж и *тысячкой*. *Пригаркивание к рюмкам* происходило и в первый, и во второй, и в третий дни свадьбы, незначительно видоизменяясь [11. С. 187, 188, 198]. Каждый названный (*пригарканный*) *тысячким* родственник подходил к нему и к молодоженам. Молодые наливали гостю стакан пива, за что гость одаривал их деньгами. Во второй день *пригаркивание к рюмкам* было приурочено *к дарению даров* молодой, когда каждому подошедшему гостю молодая вручала подарки (пояски, платки).

Помимо традиционного (церемониального) вручения подарков повсеместно распространены и другие способы, проходящие в атмосфере озорства, шутовства. Одаривание, в котором принимали участие все присутствующие, преимущественно имело карнавальный характер и сочеталось со свадебным ряжением. В с. Карсовай Балезинского р-на молодой дарили полушалок на метле (ФЭ ИИЯЛ-93, АРВХ, д. 484, т. 3, л. 148 об.). Во время выметания соломы молодоженами гости активно им мешали, бросая деньги и подарки в солому, запрятывая деньги в лошадь. Иногда деньги заворачивали в спеленатую ткань в виде куклы:

– Теперь метут… Жених ухватом солому удерживает, а невеста метёт метёлкой, метёлка на палке. Вот тут опять што попало делают. Всяко вот, и солому снова расташшат и денежки кидают с этой соломой и хто-чё там,

* Текст приведен без учета поэтической формы.

или хто куклу сделат, ребёнка будто, туда деньги напрятат, невеста ишшэт… (Балезинский р-н, с. Карсовай) [11. С. 187].

В южных р-нах распространен обряд, напоминающий одаривание, но имеющий целью не только соединение двух родов, но и приобщение невесты к территориальному, «природному» пространству жениха. На второй день молодые в сопровождении «сряженных» поезжан (*снаряжéнчиком нарядятся*) шли на ключ и молодая «откупала» родник, бросая в него деньги. По сведениям Э. А. Тамаркиной, молодушка «…должна была бросать в воду деньги, но не в реку, в ведро» [14. С. 113]. В д. Патраки обычай похода молодой за водой и бросания в воду денег трансформировался – молодая ставила принесенные ведра в сени и каждый, проходящий мимо, должен был положить туда деньги:

– [Как ходили по воду?]

– *Да хто как. Снаряженчиком снаредеца.*

– *Невеста на коромысле воды несёт.*

– [А невеста денежки бросала в воду?]

– *Дак у нас зимой бывает дак, колонки, дак куды там? – не куда бросать. А вот когда заходят уже* [в дом]*, это невеста принесёт воду, поставит вёдра в дверях, вот туда…*

– *Кто идёт – бросат.*

– *…Бросают деньги, а кто там стоит – и подают водку. Или водку, или кумышку там.*

– [Снаряженчиком – как ходили?]

– *Да всяко, хто чё наденет.*

– *Я вот, дак обычно, у меня привычка – сделаю куклу. Если кукла какая-нибудь есть у меня. Одену* [на куклу] *длинные колготки, туда натолкаю чё-нибудь, в колготки это. И вот, и у ково-то как плетни эти. Вот с этой, веник у меня в руках. И всё – парила ножки, парила ручки. «Я – бабушка, давайте ребёнка, вашево ребёнка! Смотрите, какой у вас ребёнок-то! На ково походит он?»*

– *Одна нога – длиньше, другая – короче.*

– *Да всякую [куклу], когда как сделаю. И парю.*

(Якшур-Бодьинский р-н, д. Патраки. Мк 157/4В № 217).

Данный обычай является своеобразным показателем приобщения молодой к локусу жениха, поскольку характеризующие невесту тканые дары сменяются другим видом материи – деньгами. Пример прекрасно демонстрирует веселую атмосферу хождения за водой, в которой органично переплетаются и демонстрация ловкости, щедрости молодой, и оригинальное преподнесение даров гостям, и свадебное травестийное ряжение. В северных р-нах обычай хождения молодых и гостей за водой зафиксирован только в с. Карсовай Балезинского р-на:

– *А чё, идут да и всё. Жених-невеста идут по воду, а люди, кому охота, идут тоже с ними, песни поют…* [11. С. 187].

Процесс принесения воды молодой и негативная реакция на нее новой родни описывается в повсеместно бытующей на севере Удмуртии свадебной песне (свадебной *плесковой*) «У ключа было, у ключика» [11. С. 50–51]:

…Вот пришла, пришла Наталья за водой да*,
Вот пришла, пришла Ефимовна.

* Текст приведен без учета поэтической формы.

Расстоялися, разбаелися да.
Налетили гуси серыё да,
Помутили воду светлую да,
Воду светлую-ключёвую да.
Тут Наталья без воды домой пришла да.
Иё журит-бранит свекровушка да,
Ишшо свёкор-от спобить её велит да.
Была милая золовушка да,
За Наталью слово молвила да,
Слово молвила-промолвила да:
– Ты, Наталья ле, Натальюшка да,
Какова вода случилася да,
Подчерпнула бы, домой несла да.
Вода в вёдрах устоялася да,
Всё свекровке пригожалася.

Продемонстрированные примеры показывают, что локальные особенности в обычаях одаривания в южной и северной ареальных традициях современной Удмуртии незначительны. Различия касаются прежде всего названий обрядов и песенного репертуара, в котором отражаются акты преподнесения даров. В южной традиции используется большее количество эпизодов шуточного и травестийного характера. Расхождения в гендерной специфике, общей эмоциональной направленности, в качественном выборе материи в локальных обычаях одаривания – минимальны.

Гендерную специфику имеют обычаи одаривания с участием жениха и его представителей (друзей, родни). Утверждение женихом себя в роли богатого, властного новоявленного хозяина часто напоминает выкуп, или заменяется выкупом. Для предметного кода линии жениха характерно активное применение денег, еды (вина/воды, сладостей), а также вещей из необработанной человеком растительности, имеющей символику «иного мира». Использование разных субстанций предметного кода, закрепленное соответствующими действиями, представляет жениха и как богатого, рачительного хозяина, и как представителя «внешнего» для семьи окружающего мира, который связывает интересы семьи и общественной («вне-домашней») жизни.

Обычаи одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии представлены, прежде всего, линией контактов двух родов. При этом необходимо иметь в виду, что преподнесение даров невестой помогает ей в смене ее статуса, то есть затрагивается и инициационная линия. Все эпизоды с одариванием направлены на установление прочных взаимосвязей между новой родней и создание благоприятной обстановки для формирования образующейся семьи. В рассмотренных фрагментах записей традиционной свадьбы отчетливо прослеживается гендерные особенности. В зависимости от того, с чьей стороны вручаются подарки, со стороны локуса жениха или локуса невесты, выбирается и манера их преподнесения: атмосфера и настроение обряда, материал для даров. Обычаи, связанные с невестой, церемониальны, торжественны. Жених и его локус проявляют себя в подобных актах двойственно. Обстановка и настроение эпизодов одаривания, в которых они участвуют, может быть как спокойной, размеренной, так и шутливой, веселой, карнавальной. В многочисленных одариваниях невеста показывает свои лучшие качества, необходимые для хозяйки дома: трудолюбие,

миролюбие, готовность подчиниться, щедрость. Жених и его локус демонстрируют как щедрость, дружелюбие, так и силу, властность, богатство.

Набор предметов, участвующих в дарах невесты, представлен полотняными вещами. После бракосочетания молодая активно участвует в актах одаривания совместно с мужем. На вновь приобретенный ею статус может указывать и специфическое пожертвование водной стихии денег (роднику, речке), тогда как раздача денег являлась прерогативой жениха и его локуса. Локусу жениха присуща разнородность материи для подарков: это и тканые предметы, и деньги, и еда (питье), и вещи, изготовленные с применением старых, утративших пригодность, материалов; высохшие (разрушенные) растения, связанные с символикой иного мира (солома, прутья). Через символику использования разных типов материи и их взаимодействия – противопоставления и соединения – актуализируется линия контактов двух семейств, происходит мощный процесс созидания новой жизни невесты и ее будущей семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бернштам Т. А.* К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. № 6. С. 24–35.

2. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба в Удмуртии: к проблеме типологии // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 231–233.

3. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Сарапульского уезда Вятской губернии (опыт ареального исследования) // Вятский родник: сборник материалов девятой научно-практической конференции. Киров: ОДНТ, 2008. Вып. 9. С. 73–87.

4. *Верещагин Г. Е.* Свадебные обряды // Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 3: Очерки русских Вятско-Прикамского края. Кн. 2. Вып. 2 / Отв. за выпуск Г. К. Шкляев; Предисл. В. М. Ванюшева; Предметно-тематич. указ. Г. К. Шкляева и Т. Г. Владыкиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 47–83.

5. *Владыкина Т. Г.* Атрибутивные и вербальные параллели в удмуртском и русском свадебном ритуалах // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 50–57.

6. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / Перевод с франц. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской; Послесл. Ю. В. Ивановой. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.

7. *Ефименкова Б. Б.* Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. 64 с.

8. *Никитина И. П.* Жанр величальных песен Сарапульского района (материалы по дисциплине «Русское народное музыкальное творчество»). Дипломная работа. Ижевск, 2007.

9. Русский фольклор Удмуртии / Сост., предисл., вступ. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990.

10. *Стародубцева С. В.* Русские свадебные обряды // Вестник Удмуртского университета. 1999. Вып. 3. С. 42–62.

11. *Стародубцева С. В.* Ох, роспечальное мое сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Русский фольклор Удмуртии. Вып. 1. 226 с.: ил. (Русский фольклор Удмуртии).

12. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.

13. *Тамаркина Э. А.* О русском фольклоре в Удмуртии (По записям Г. Е. Верещагина в Сарапульском уезде Вятской губернии) // Вопросы русской и удмуртской литературы: История и методика преподавания. Ижевск, 1967. Вып. 1. С. 142–155.

14. *Тамаркина Э. А.* Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям // Вестник Удмуртского университета. 1995. Вып. 5. С. 103–114.

15. *Толкачева С. В.* Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2010. Серия 5: История и филология. Вып. 4. С. 119–123.

16. *Толкачева С. В.* Обычаи одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии // Труды конференции «Покровские дни»: В 3-х т. Нижний Новгород, 2011. Т. 1. С. 75–84.

17. *Толкачева С. В.* Предметный код в русских свадебных обрядах Удмуртии (на примере характеристики невесты как мастерицы). Рукопись. Личный фонд. Ижевск, 2011.

18. *Толкачева С. В.* Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии. (В печати).

19. *Шуклина Т. А.* Традиции русской культуры. Свадьба. Рукопись. Личный фонд. Глазов, 1996.

Поступила в редакцию 3.05.2011

S. V. Tolkacheva

Gender specific of giving presents custom in russian wedding ceremonies of Udmurtia

The article deals with the role of traditional presenting custom in the organization of action, object and verbal codes of Russian wedding folklore of Udmurtia. The influence of gender factor on differences in giving presents characteristics and situation by groom's side and bride's side and also on the use of contrast and homogeneous types of gift materials is emphasized in the work. Semantic loading of application of woven things and objects made from a raw vegetative material used for demonstration the images of a groom and a bride is also revealed. Local differences of giving presents customs in Southern and Northern areal traditions of contemporary Udmurtia are shown in the article.

Keywords: Russian wedding, Russian folklore, Udmurtia, wedding songs, a dowry, presenting, the bride-skilled worker, gender factor.

Толкачева Светлана Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
г. Ижевск
E-mail: svetlana-tolk@mail.ru

Tolkacheva Svetlana Viktorovna,
Candidate of Science (Philology), assistant professor,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: svetlana-tolk@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821(470.40/43)

В. Г. Родионов

ТИПОЛОГИЯ ФЕНОМЕНА Г. ВЕРЕЩАГИНА (К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР)

На примере чувашских письменных текстов XVIII–XIX вв. выделяются три последовательных этапа становления литератур православных народов Урало-Поволжья, творчество Г. Верещагина сопоставляется с творчеством чувашского ученого и писателя С. Михайлова (Яндуша).

Ключевые слова: сознание, этнос, очерк, становление, синтез, коллективное и индивидуальное, авторство.

Появление таких исторических личностей, как С. Михайлов (Яндуш), И. Куратов, Г. Верещагин, их «пришествие» к своим народам имеет причины, то есть их роль объективно детерминирована, а действия явились ответом на запросы конкретной эпохи.

Современные православные народы Урало-Поволжья в разные эпохи входили в состав Улуса Джучи, Казанского ханства и Русского государства в качестве податного населения, что способствовало утверждению их однородной социальной структуры и усилению самоизоляции. Этническое сознание было полностью слито с конфессиональным, а аксиологические ориентиры устремлены в прошлое. Эти этносы находились в состоянии средневекового равновесия.

В Новое время российское общество стало ориентироваться на Запад, что привело его к смене ценностей и идеалов. Этноконфессиональное сознание этносов должно было уступить место этнокультурному, опирающемуся на культуру с развитым индивидуально-личностным и этноцентричным сознанием. Новая культура должна была содержать те же этнические константы, что лежали в основе устной и письменно-духовной традиций средневекового этноса. В условиях новых форм коммуникации (журналы, газеты, школьные учебники и т.д.) в первую очередь необходим был общедоступный литературный язык, а стало быть – наличие творческих людей, занимающихся воспроизводством этнических концептов, чтобы новая культура общества стала истинно национальной, стабильной и, самое главное, открытой системой.

Долгое становление русской культуры Нового времени полностью завершилось в первые десятилетия XIX в. Самостоятельное внутреннее созревание русской культуры европейского типа способствовало ее быстрому расцвету в XIX в. и завоеванию лидирующего положения в мировом этнокультурном пространстве.

Этносы западных окраин Российского государства занялись созданием новой культуры почти одновременно с русским обществом, но их национально-экономическая зависимость от колониального центра всячески тормозила ее естественное развитие.

Русское национальное сознание бурно развивалось, как известно, после победы над Наполеоном. Вслед за ней часть интеллигенции русофильского направления стала возвышать допетровскую эпоху и крестьянско-патриархальную культуру, противопоставляя ее новой (западноподражательной) культуре. Славянофилы занялись сбором и публикацией текстов фольклора сначала русского, а затем и других народов (с целью противопоставления западу и возвышения национального начала).

На этой волне успешно развивались культуры народов западных окраин России, а также начали формироваться бурятская, чувашская и коми письменные культуры. Их представители (Д. Банзаров, С. Михайлов, В. Лебедев и др.) являлись как бы «визитной карточкой» своих народов, через их творчество русская общественность вникала в многонациональную жизнь страны [1].

В ту эпоху были востребованы такие формы общественной коммуникации, как научно-публицистические статьи и очерки о тех или иных территориях с характеристикой особенностей их населяющих этносов. Эти жанры периодической печати имели ряд преимуществ. Наряду с мобильностью и острополемичностью, стиль их допускал не только эмоциональную насыщенность, но и художественно-поэтическую выразительность авторов.

Итак, первым литераторам из национальных провинций Российского государства открылась возможность самоутверждения и проявления своих способностей в русскоязычной периодике: плоды их творческого труда выливались в форму очерков.

На жанр очерка можно смотреть с разных точек зрения: тип повествования, позиция автора-повествователя, национальная принадлежность публициста и др. С этих позиций двуязычные очерки С. Михайлова (Яндуша) уверенно можно назвать произведениями чувашской литературы, хотя они (за исключением фольклорно-обрядовых текстов) сочинены на русском языке. В этом отношении прав В. М. Ванюшев, писавший, что в недрах этнографических очерков «вызревала и давала о себе знать готовящаяся к рождению оригинальная национальная письменная художественная литература» [2].

Есть и другое видение: очерк «не рождает» литературу оригинальную (он уже сам по себе оригинален и является подлинным текстом словесной культуры), а в синтезированной форме сообщает знания автора об этносе (точнее: о восприятии объективной и воображаемой разными авторами этнической действительности). Например, свое оригинальное стихотворение «Пирён телей» (Наше счастье, 1852) В. Лебедев включил в лингвистическую работу «О чувашском языке», которая к поэзии не имеет никакого отношения. Стихотворение было сочинено, безусловно, вне научно-публицистической статьи, но оно включено в нее как часть знаний

о чувашском народе. В единстве подобных частей происходит синтез знаний и представлений о народе (другим компонентом системы знаний в данной статье является, например, диссертационная работа немецкого ученого В. Шотта о чувашском языке). В универсальном очерке могут быть синтезированно представлены как все малые жанры художественной литературы, так и научные изыскания, нравственно-философские размышления, правовые и социально-экономические наблюдения. Очерк сам не первичен и он не рождает литературу, но синтезирует уже готовые формы постижения жизни этноса, включая и художественные тексты письменной словесной культуры.

Таким образом, очерк может быть представлен как материнское лоно национальной литературы; с другой стороны, его можно сравнить и с поляной, где в создании ее красоты свою лепту вносят каждый цветок, каждая травинка. В данном жанре автор синтезирует знания (как свои, так и чужие) об этносе, и зачастую такой синтез способствует восстановлению этнических основ (констант) в культуре и синтезу национальных начал.

Формирование национальной художественной литературы никогда не было самоцелью народов, и оно не определяется лишь наличием оригинальных текстов. Импульсы к созданию письменных текстов в различные периоды жизни этноса бывают разными. В средние века они полностью совпадали с конфессиональными потребностями. Если обратиться к народам Поволжья (новокрещенцам), то в эпоху просвещенного абсолютизма они находились под сильным влиянием польско-украинского и российского Просвещения [3]. В 1767 г. были сочинены первые стихотворения на чувашском, марийском и удмуртском языках. До марта 1768 г. была составлена первая грамматика чувашского языка, а в 1775 г. появились грамматики удмуртского и марийского языков. Во всех последующих письменных памятниках соблюдены лексико-грамматические, орфографические и другие нормы, представленные в этих грамматиках. Общая для них письменность функционировала на основе кириллицы с некоторыми особыми буквами (їû, їô, g) [4]. Чувашскую письменность и литературный язык нормировал в XVIII в. Е. Рожанский, эпоха которого завершилась изданием в его переложении книги «Кĕске катехизис» (Краткий катехизис, СПб., 1800).

Итак, *на первом этапе становления письменной культуры* (от издания грамматики до первой книги на чувашском языке) деятели чувашского просвещения добились решения актуальных культурно-просветительских задач Нового времени, в результате чего:

1) была создана письменность и обеспечена преемственность литературно-орфографических норм;

2) появились первые анонимные письменные памятники (грамматика, глоссарии и разговорники, а также тексты высокого и церковного стилей: оды, торжественные слова, молитвенные тексты);

3) были созданы первый очерк о чувашских обрядах и тексты молитвословий (Е. Рожанский, 1785) без осознанного авторства. Объектом исследований постепенно становятся народная религия и фольклор.

Второй этап становления чувашской письменной культуры связан с духовным образованием и изданием книг миссионерского и светского содержания.

Как известно, после новокрещенских волнений в нач. XIX в. в Нижегородской епархии Синод издал указ от 22 января 1803 г. о переводе на инородческие языки катехизиса, молитв, символа веры и десятисловия «на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и корельский языки» [5]. Цель осуществления переводов и издания церковных книг на языках вышеперечисленных народов – стремление «к лучшему их вразумлению и понятию о богопочитании и истинном познании святости христианской веры» [6].

Чувашское миссионерское просвещение получило свое новое дыхание в творчестве В. Вишневского и его учеников [7]. С 1827 г. чувашский народ становится объектом изучения и обсуждения в российской прессе. На клеветнические статьи некоторых публицистов ответил В. Вишневский, а его позицию поддержали русские писатели-романтики А. Фукс, Д. Ознобишин, Н. Надеждин, которые возвеличивали простой народ и его поэзию. В конце 40-х гг. с реалистическим очерком о чувашах выступил В. Сбоев (ученик В. Вишневского), а в 1850-е гг. – В. Лебедев и С. Михайлов (Яндуш).

Итак, на втором этапе становления чувашской письменной культуры развивались все стороны культурно-просветительской деятельности предшествующего этапа. Но очевидны качественно новые достижения:

1) осознается значение народного творчества как главного хранителя этнических концептов и констант, в том числе полуиндивидуальных песен и импровизаций Хведи Чуваша и Ягура;

2) появляются первые повествовательные тексты на чувашском языке на библейские сюжеты и на русском – охотничьи были (В. Лебедев) и автобиографические повествования (С. Михайлов – Яндуш);

3) складывается единая система жанров словесной культуры, в которой свою долю самостоятельности получают жанры художественной литературы (рассказ, стихотворение, литературные были, инсценировки-разговоры и др.). Постепенно утверждается осознанно-индивидуальное авторство, хотя анонимность творцов текста еще преобладает.

В 1860–90-е гг. чувашская художественная литература обогащается новыми жанрами: повестью (Игн. Иванов, И. Юркин), поэмой (М. Федоров), басней (М. Арзамасов, Я. Турхан) и др. Период просветительского реализма завершает творчество Г. Тимофеева, создавшего эпическое полотно о жизни чувашей во второй половине XIX в. («Девять деревень», 1901–1903). В самом начале XX в. чувашская литература вступает в зрелый период своего развития (сильно выраженное индивидуальное начало с большим разнообразием типов художественного восприятия действительности).

Несколько иная ситуация сложилась в марийской и удмуртской письменных культурах. Издание марийских книг на двух-трех диалектах затормаживало становление общего литературного языка. Отсутствие выходцев из своей среды творческих деятелей, связанных с общественной мыслью России 40–50-х гг. XIX в., препятствовало тогда формированию письменной словесности и выдвижению творческих фигур общероссийского масштаба, что на десятилетия замедлило процесс перехода от коллективного творческого сознания к индивидуально-авторскому. В 60–е гг. марийская среда выдвинула С. Нурминского, однако его переводы

текстов из «Родного слова» не были опубликованы и, возможно, безвозвратно затеряны. И все же признаки второго этапа становления марийской (прежде всего горномарийской) письменной культуры проявились уже в 60-е гг. XIX в. (индивидуально выраженные очерки С. Нурминского, переводы И. Кедрова, Г. Яковлева). О существовании марийского народа российская печать впервые заявила в 1860–70-е гг. в связи с марийской религиозной сектой «Кугу сорта» (Большая свеча).

У истоков удмуртской письменной культуры на втором этапе ее становления были переводчики первых печатных книг на удмуртский язык [8]. Они же сочиняли первые повествовательные тексты по мотивам библейских сюжетов, создали азбуку и вырабатывали общий для народа литературный язык. Переводы фрагментов из произведений русских писателей (А. Пушкина, Б. Федорова, В. Даля) О. Зоновым и Р. Чирковым (учениками Н. Блинова) в 1863–1864 гг. положили начало удмуртской индивидуально-авторской литературе жанрами зарисовки, притчи и стихотворения в прозе [9]. Жанровую систему удмуртской письменной культуры обогатили В. Семенов и И. Павлов (ученики В. Исленьтьева), которые не меньше, чем ученики Н. Блинова, двигались в направлении индивидуального творчества с авторским самосознанием.

Итак, хотя о втором этапе становления удмуртской письменной культуры нового типа можно говорить уже в 1810–1820-х гг. (когда было переведено Евангелие на глазовское и сарапульское наречия), но интенсивное обогащение новым содержанием она получит в 1860-е гг. Мощным стимулом возвращения к этническим началам в новой культуре стало издание книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний» (Казань, 1880). В 1880-е гг. Г. Верещагин заявил о себе в российской этнографической науке как автор двух монографий и возвысил свой народ в глазах общественности. А в 1890-е гг. его имя «прозвучало на всю Россию в связи с пресловутым Мултанским делом» [10].

Многогранным творчеством Г. Верещагина завершается второй этап становления удмуртской письменной культуры и начинает активно развиваться жанровая система молодой литературы. Самое главное его достижение заключается в том, что он придал письменной удмуртской культуре этноцентричное содержание с многовековыми концептами и этническими постоянными. В этом его типологическое сходство с С. Михайловым (Яндушом) и первыми марийскими просветителями 60–70-х гг. XIX в. [11].

Из вышесказанного следуют положения:

1. Началом становления письменных культур Нового времени у всех православных народов Урало-Поволжья является написание на их языках торжественных од (1767) и издание первых грамматик (1769, 1775).

2. К концу первого этапа становления значительных результатов достигает Нижегородская переводческая школа Е. Рожанского, о чем свидетельствуют написание очерка (1785) и издание книги (1800).

3. Второй этап становления чувашской письменной культуры завершается на фоне борьбы славянофилов и западников, когда в произведениях первых чувашских литераторов утверждаются индивидуальные стили и появляются этноцентричные идеи, а в 1853 г. выходит книга С. Михайлова (Яндуша)

«Чувашские разговоры и сказки» (Казань), которую можно назвать и антологией чувашской словесности.

4. Из-за углубления различий между марийскими субкультурами и их письменными языками второй этап становления марийской письменной культуры полностью завершается лишь в начале XX в.

5. Типологическое изучение этапов становления письменных культур чувашского и других народов региона показывает, что главными параметрами поэтапного становления национальной художественной литературы этих народов являются: переход от коллективного сознания к индивидуально-авторскому, а также появление этноцентричных произведений словесной культуры, прежде всего – фольклорных песен и очерков (синтезирующих все формы познания, восприятия и изображения этнического мира).

6. Феномен творчества Г. Верещагина в 80–90-е гг. XIX в. сопоставим с многогранной деятельностью С. Михайлова (Яндуша) и заключается в завоевании для удмуртского народа определенного этнокультурного пространства [12].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Д. Банзаров и В. И. Лебедев были тесно связаны с такими антизападниками, как П. С. Савельев, В. В. Григорьев, монахи Аввакум и Иакинф (Н. Я. Бичурин). С. М. Михайлов (Яндуш) вошел в их окружение через А. И. Артемьева, редактора «Казанских губернских ведомостей». П. С. Савельев в 1855 г. писал: «Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров». (*Савельев П. С.* О жизни и трудах Дорджи Банзарова / П. С. Савельев. СПб., 1855. С. 39).

2. *Ванюшев В. М.* Г. Е. Верещагин и этнокультурное развите народов Урало-Поволжья / В. М. Ванюшев // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 17. Положение о том, что очерк является основным жанром в период становления чувашской художественной литературы, нами впервые апробировано в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР во время обсуждения тома 1 «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода» (24–29 мая 1982 г.). Тогда нашу концепцию поддержал руководитель названного коллективного трехтомного труда Р. Ф. Юсуфов. Том 1 ограничивался эпохой до середины XIX в. Из литератур народов Урало-Поволжья туда включили, к сожалению, лишь две тюркские литературы: татарскую и чувашскую.

3. *Родионов В. Г.* Социокультурная динамика чувашского этноса: XVIII – начало XX века. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук / В. Г. Родионов. 2010. Вып. 1. С. 4–10.

4. Неправы ученые, связывающие утверждение письменности с добавлением в алфавит особых диакритических знаков. Общая для народов Урало-Поволжья письменность на основе кириллицы была введена В. Пуцеком-Григоровичем (Вениамином) не позднее 1767 г. Этой датой определилось начало первого этапа становления письменных культур православных народов Урало-Поволжья.

5. *Ильминский Н.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия / Н. Ильминский. Казань: тип. Казан. ун-та, 1883. С. 94–95.

6. Там же. С. 120.

7. *Родинов В. Г.* Чăваш литератури. XVIII–XIX ĕмĕрсем [Чувашская литература. XVIII–XIX века]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 428–448.

8. Переводчиками на глазовское наречие были И. Анисимов (от Матфея), А. Шкляев (от Марка) и др.; а на сарапульское наречие – Г. Решетников и др. См.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 3.

9. *Волкова Т. Г.* Становление удмуртской детской литературы. Дисс. на соиск. учен. ст. канд. филол. наук / Т. Г. Волкова. Ижевск, 2005. С. 35. В этих переводах ощущается индивидуальный стиль и своеобразие переводчиков. Они не копируют слепо оригиналы текстов, поэтому вполне «оригинальны».

10. *Ванюшев В. М.* Слово о Григории Егоровиче Верещагине / В. М. Ванюшев // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. С. 10.

11. К подобному выводу удмуртский исследователь А. Г. Красильников пришел более 20 лет назад: «Появление в 1889 г. стихотворения Верещагина свидетельствует не о зарождении удмуртской литературы, а о завершении весьма длительного исторического периода, готовившего становление “автономного” художественного слова, иными словами, индивидуально осознанного авторства» [*Красильников А. Г.* Новые мифы эпохи перестройки? // Удмуртский университет. Ижевск. 1989. 9 июня (№ 22)]. Мы, однако, полагаем, что жанры литературы и фольклора не конкурировали между собой, а синтезировали по принципу их взаимодополняемости.

12. А. Красильников совершенно прав, когда причисляет творчество Г. Верещагина к следующему (по нашему определению, к третьему) этапу становления (и развития) индивидуально-художественного сознания: «Процесс этот завершился только в первые три десятилетия XX в.» (*Красильников А.* Указ. раб.).

Поступила в редакцию 7.04.2011

V. G. Rodionov

G. Vereshyagin’s phenomena typology (about the foundation of the national literatures)

Three successive periods of the foundation of literature for the orthodox people of the Volga-Urals ethnic groups can be seen in the written Chuvash texts of the 18th – 19th centuries. G. Vereshyagin’s work ship is compared to the works of the Chuvash scientist and writer S. Mikhailov (Yandush).

Keywords: conscience, ethnos, essay, foundation, synthesis, collective and individual, authority.

Родионов Виталий Григорьевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»
г. Чебоксары
E-mail: vitrod1@yandex.ru

Rodionov Vitaly Grigoryevich,
Doctor of Sciences (Philology), professor,
Chuvash State University
Cheboksary
E-mail: vitrod1@yandex.ru

УДК 94(470.51)«15/19»

Л. Д. Макаров

ВЕРХОКАМСКО-ЧЕПЕЦКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ – РЕГИОН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ С РУССКИМИ ПОСЕЛЕНЦАМИ

Статья посвящена проблемам заселения и освоения территории Верхокамско-Чепецкого междуречья в период нового времени (XVI – нач. XX в.). Значительное внимание уделено межэтническим и межконфессиональным взаимодействиям проживающих здесь народов.

Ключевые слова: Верхокамско-Чепецкое междуречье, Карсовайский край, этапы заселения региона, административные преобразования, коми-пермяки, русские, удмурты.

История формирования русского населения в верховьях Камы и примыкающих к ним правых притоков р. Чепцы довольно необычна и требует специального рассмотрения. К тому же и в системе административного деления эта территория занимала своеобразное место, что само по себе чрезвычайно любопытно. Не очень удобная для освоения, она была слабо заселена и длительное время являлась по существу «ничейной», пересекаемой время от времени лишь торговыми экспедициями и охотниками. Неспроста эта земля попадала то в одну, то в другие административные единицы. Так, по сообщению Вычегодско-Вымской летописи верховья рек Камы и Сысолы, левого притока Вычегды, в XV–XVI вв. составляли единую волость и входили в состав Вымской земли, что в бассейне р. Вычегды (современная Республика Коми). Лишь в 1586 г. Верхокамье («повосты [погосты. – *Л. М.*] вымские Кайгород и Зюзено») было передано в состав Перми Великой, и здесь был образован уезд с центром в Кайгороде (совр. с. Кай Верхнекамского района Кировской области) [1]. При этом южная, зюздинская (совр. Афанасьевский район), часть края в значительной степени заселялась выходцами (и русскими, и пермяками) с севера, то есть со стороны Кайгорода (совр. Верхнекамский район). Любопытно, что Зюздинская волость всегда держалась особняком, поскольку до нее было трудно добираться. Поэтому уже в 1607 г. она добилась некоторой автономии от уездного Кайгорода [2]. Постепенно поселенцы заселяли верхнее течение Камы и ее притоки вплоть до истоков. Уже

согласно переписи 1678 г. в этой волости помимо села насчитывалось 11 деревень и 98 починков со 161 двором [3]. По сравнению с 1640-ми гг. их число возросло на 28 починков с 40 дворами [4], в дальнейшем численность населения здесь неуклонно росла. За последние четверть века ученым УдГУ в составе Камско-Вятской археологической экспедиции удалось выявить в верхнем течении Камы около 40 археологических памятников с круговой глиняной посудой и металлическими предметами XVI–XVIII вв., имевшими признаки русско-пермяцкого смешения [5] (см. ниже).

Среднее и верхнее течение р. Чепцы, входившее в состав Хлыновского уезда Вятской земли, было, по-видимому, слабо заселено, но с середины XVI в., а особенно в XVII в., оно стало местом массового расселения крестьян из Слободского и Хлыновского уездов, преимущественно удмуртов, отчасти – бесермян, а затем – татар и русских. Эта территория вошла в состав Каринского стана, в котором, по переписи 1615 г., насчитывалось 42 поселения с 330 дворами, в том числе 302 двора (91,6 %) удмуртские и бесермянские, 14 (4,2 %) – татарские, 14 (4,2 %) – русские [6]. В этой дозорной книге впервые упоминаются населенные пункты по средней и верхней Чепце (всего 22 поселения со 130 дворами с чисто удмуртским населением), в частности такие, как погост Балезино, погост на Городище на Солдарском, д. Богатырская, д. Адамова, д. Заболотная, поч. Подборной и др. [7]. Далее прирост населения увеличивается: по переписи 1646 г., из 110 поселений с 754 дворами по Чепце 70 населенных пунктов с 520 дворами числились на верхней и средней Чепце, причем из них 62 селения с 497 дворами были удмуртскими [8]. Самое крупное среди них Балезино: 30 дворов [9]. Перепись 1678 г. зафиксировала в бассейне Чепцы и в верховьях Ижа и Вотки 154 населенных пункта и 1420 дворов, в их числе 1246 удмуртских – в 118 селениях; 72 бесермянских – в 8; 25 татарских – в 3-х и 65 русских – в 27 поселениях [10]. При этом в среднем и верхнем течении Чепцы, на Вотке и в верховьях Ижа, то есть на севере Удмуртии, перечислено уже 99 населенных пунктов с 1119 дворами, в которых проживало 5316 человек (удмурты, бесермяне, татары) [11]. Перепись 1678 г. среди новых поселений впервые упоминает «деревню Глазова за рекою Чепцею» с 12 дворами [12].

По сыску дворов, появившихся в новых починках, дьяк Савва Сандырев по особому указу Петра I выявил, что за 22 года (1679–1700 гг.) в Каринском стане Хлыновского уезда из 64-х удмуртских деревень и починков жители переселились на новые места жительства, при этом образовалось 145 починков с 372 дворами [13].

К сер. XVII в. Каринский стан был разделен на Каринскую, Чепецкую и Верхнечепецкую (Верхочепецкую) доли, а к концу века он уже делился на 7 долей (5 удмуртских, 1 татарская и 1 бесермянская) [14]. Во главе доли стоял староста (должность, избираемая на большом мирском совете). Подчинялись доли хлыновской воеводской канцелярии [15]. В нач. XVIII в. Верхнечепецкая доля была разделена на Пургинскую и Игринскую. Во второй половине столетия доли дробятся на более мелкие единицы: концы, стороны, сотни, десятки. Формально доли существовали вплоть до 1780 г., когда были введены волости (на деле образование последних затянулось до сер. XIX в.), однако мирские советы в них

уже не функционировали [16]. Судя по данным упомянутых переписей, в Карсовайском крае каких-либо поселений еще не было; упоминаются лишь первые удмуртские починки в низовьях Пызепа и Варыжа, то есть в непосредственной близости от Чепцы. Археологически период XIV–XVII вв. изучен здесь слабо, можно отметить лишь Мартыкский могильник XVII–XVIII вв., расположенный в районе впадения р. Нюлсы в Варыж.

В 1708 г. Петр I проводит губернскую реформу, по которой Россия была разделена на 8 губерний. В 1710 г. Вятская и Пермская земли вошли в состав Сибирской губернии. Однако управлять столь обширными территориями оказалось практически невозможно, поэтому в 1719 г. правительство проводит новую реформу, получившую название областной, в ходе которой в стране было образовано 50 провинций. Вятская земля вместе с Кайгородским (Кайским) и Кунгурским уездами, изъятыми из пределов Пермской земли, составили Вятскую провинцию Сибирской губернии (в 1724 г. Кунгурский уезд вернули в состав пермской Соликамской провинции). В 1727 г. Вятская провинция была переведена в состав Казанской губернии [17]. По проведенной в 1717 г. ландратской переписи в удмуртских долях оказалось 2353 двора [18].

В 1775 г. Екатерина II начала новую административно-территориальную реформу, в ходе которой упразднялись провинции и петровские губернии и на их месте создавалось 50 новых губерний. Волна преобразований докатилась до Вятского края в 1780 г., когда было образовано Вятское наместничество, охватившее территорию бывшей Вятской провинции и некоторые районы Казанской и Свияжской провинций Казанской губернии. При этом центр наместничества переименовали: Хлынову было возвращено древнейшее название Вятка. В состав наместничества вошло 13 округ, в том числе Глазовская (с. Глазово стало городом) и Кайгородская, на стыке территорий которых и находился рассматриваемый регион (см. карту Вятского наместничества) [19].

В 1797 г. Вятское наместничество было преобразовано в губернию, а округи – в уезды. В 1802 г. Кайгородский и Царёвосанчурский уезды ликвидируются, а их территории присоединены к соседним уездам (север Кайского отошел к Слободскому, а юг, то есть Зюздинский край, – к Глазовскому). В итоге Кайгород превратился в село Кай Слободского уезда (впрочем, Кай еще с 1797 г. был заштатным городом и в 1819 г. вятский губернатор поставил вопрос об упразднении этого статуса, с чем жители не согласились. Лишь в 1854 г. он официально стал селом [20]), а Царёвосанчурск стал заштатным городом Яранского уезда [21]. Таким образом, чепецко-верхокамское междуречье оказалось целиком на территории Глазовского уезда, на землях Карсовайской, Люкской, Понинской, Юсовской, Гыинской, Гординской и, отчасти, Афанасьевской и Бисеровской волостей [22].

После Октябрьской революции административное деление региона претерпело дальнейшие изменения. В 1921 г. Карсовайская и Гординская волости, будучи населенные русскими, были включены в состав вновь образованного Омутнинского уезда Вятской губернии, а южные волости вошли в пределы Вотской автономной области (ВАО) с преобладавшим в ней удмуртским населением. Однако в конце 1924 г. по просьбе населения Карсовайская волость

была передана в Глазовский уезд ВАО и в 1929 г. был образован Карсовайский район, существовавший до 1962 г. включительно в составе Удмуртской АССР. В 1956 г. из Кировской области в состав Карсовайского района был передан Сергинский сельсовет Афанасьевского района. Одновременно сюда включили и север упраздненного Кулигинского района, хотя вскоре, с ликвидацией в 1962 г. Карсовайского района, данная территория составила север Кезского района УАССР, а всю оставшуюся часть присоединили к Балезинскому району. Таким образом, на современной карте это северо-восток Глазовского, северная половина Балезинского, северная треть Кезского районов Удмуртской Республики и Афанасьевский район Кировской области.

Особую роль для решения этнической истории региона играет территория Карсовайского края, на исследовании которого останавливались многие авторы на протяжении полутора столетий. Самостоятельного Карсовайского района сейчас нет, но бывшие его жители продолжают осознавать себя обитателями некогда единого микрорегиона. Особенностью его является расположение на самой высокой холмистой местности Удмуртии по обе стороны камско-чепецкого водораздела. В этническом отношении северная половина края (к северу от условной линии Понино-Карсовай-Кулига) населена в настоящее время русскими, южная – удмуртами (Рис. 1).

Изучение края началось во вт. пол. XIX в. и связано с именем Н. Н. Блинова (1839–1917), бывшего в начале 1860-х гг. священником Карсовайского прихода и оставившего серию очерков в «Вятских губернских ведомостях» (1861–1869 гг.) [23]. Именно за эти исследования он был принят в члены Русского Географического общества и награжден бронзовой медалью Общества. Отдельные сведения о чепецко-верхокамском междуречье приводятся также в сочинениях авторов вт. пол. XIX – нач. XX в.: И. Попова, А. Иванова, Н. П. Штейнфельда, П. Сорокина, Н. Г. Первухина, Д. К. Зеленина, А. Ф. Теплоухова [24]. В 1950-е гг. русский говор северной части Карсовайского района основательно изучил В. Ф. Барашков [25], а кайские (верхокамские) говоры в целом – Л. Н. Макарова и В. И. Троицкий [26]. Значительный пласт фольклорных произведений различных жанров собрали филологи Глазова под руководством А. Г. Татаринцева [27]. Записи исполнительниц народных песен (М. Макаровой, Н. Ведерниковой, С. Шудеговой) осуществили в 1993–1995 гг. ижевские музыковеды С. К. Стародубцева, М. Г. Ходырева, А. Юминов; этнографические материалы края собирают Л. А. Волкова и Е. В. Попова. Сведения о церковной жизни имеются в работах Е. Ф. Шумилова [28]. Данные об археологических памятниках приведены Н. Г. Первухиным (1896), Ф. В. Стрельцовым (1927), В. Ф. Генингом (1958), М. Г. Ивановой (1979, 1992), Н. И. Шутовой, А. Г. Ивановым, а также коллективами авторов [29]. Кроме того, их непосредственное исследование в разные годы проводили В. А. Семенов (1957), Г. Т. Кондратьева (1961–1962), А. Г. Иванов (1987, 1993–1994), Л. Д. Макаров (1992–1997). Последние по времени обобщения из истории Карсовайского края опубликованы его уроженцами Л. Д. Макаровым и А. Г. Ивановым [30], а материалы Верхокамско-Чепецкого региона в целом и погребального обряда старообрядцев Верхокамья, в частности – автором этих строк [31].

Рис. 1.

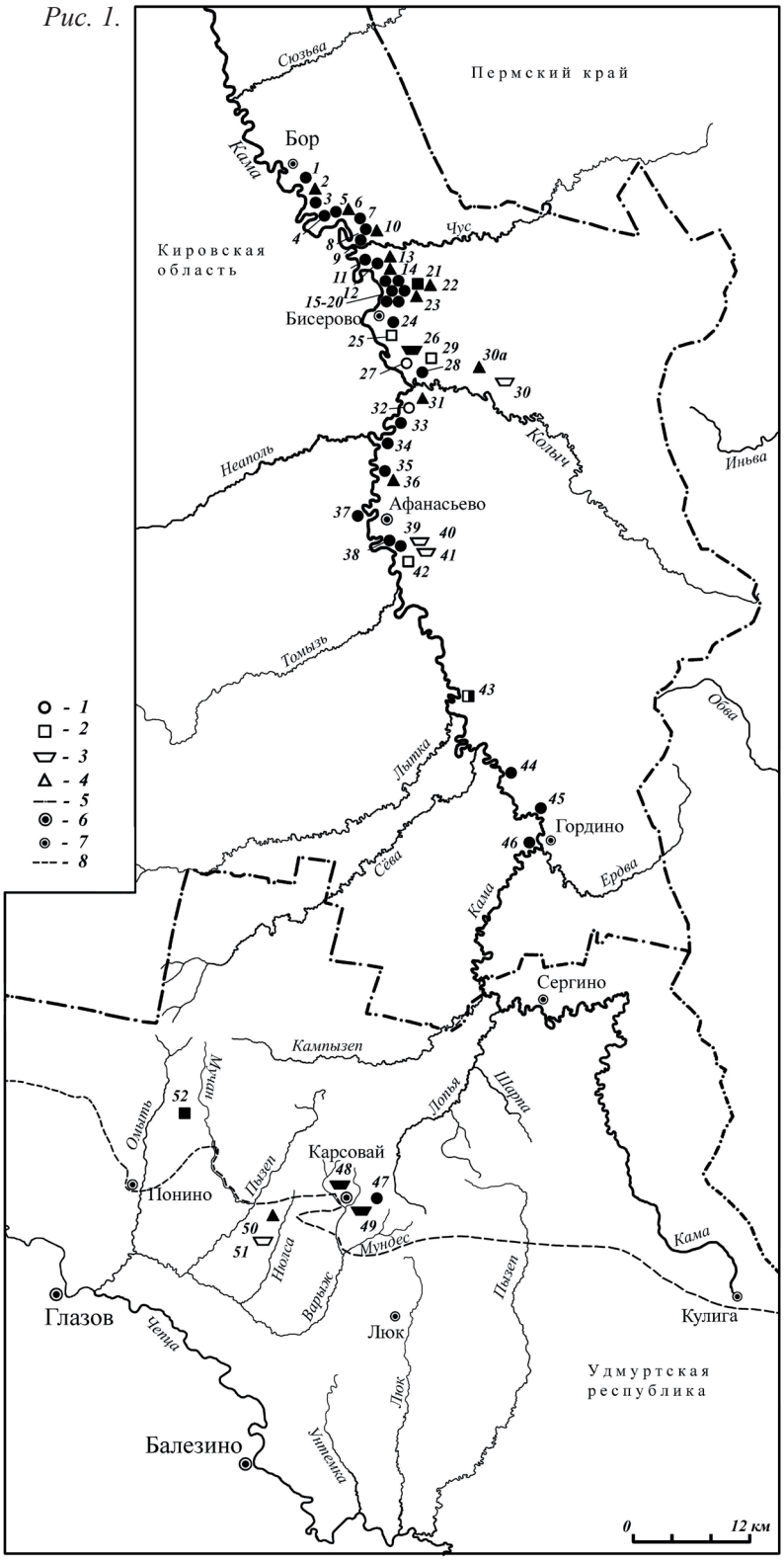

Пермский край
Сюзьва
Кама
Бор
Чус
Кировская область
Бисерово
Неаполь
Колыч
Иньва
Афанасьево
Толызь
Обва
Лытка
Гордино
Ерова
Сева
Кама
Сергино
Кампызеп
Мулыт
Омытъ
Понино
Карсовай
Пызеп
Лопья
Шарта
Мундес
Нюлса
Вырыж
Кама
Кулига
Глазов
Цепца
Люк
Удмуртская республика
Балезино
Утемка
0
12 км
1
2
3
4
5
6
7
8

Рис. 1. Карта памятников верхокамско-чепецкого междуречья с русскими и коми-пермяцкими находками эпохи нового времени (XVI – нач. XX в.), а также с материалами древнерусского импорта (1 – селище; 2 – городище; 3 – могильник; 4 – местонахождение, находка (не залитый знак – с древнерусскими находками, залитый – нового времени); 5 – границы областей, краев, республик; 6 – городские поселения; 7 – села; 8 – условные границы между поселениями коми-пермяков (русских) и удмуртов):

1–46 – бассейн р. Камы: 1 – Грибятское селище (керамика); 2 – Грибятская находка на могильнике (керамика); 3 – Васькино II селище (керамика); 4 – Григорьевское I селище (керамика); 5 – Григорьевское II селище (керамика, железные вещи); 6 – Щукинское местонахождение (керамика, кости); 7 – Щукинское II селище (керамика); 8, 9 – Галанинские I и II (керамика); 10 – Галанинское местонахождение (керамика); 11, 12 – Турушевские I и II селища (керамика); 13, 14 – Турушевские I и II местонахождения (керамика, железные вещи); 15–20 – Бисеровские I–VI селища (керамика, железные вещи); 21 – Бисеровское I городище (керамика, железные вещи); 22 – Бисеровское I местонахождение (керамика, кости, железные вещи); 23 – Бисеровсая находка (керамика); 24 – Трошкинское селище (керамика, железные вещи); 25 – Боровское (Шабаршатское) городище (топор-секира); 26 – Русиновский могильник (кресты-тельники и монеты XVIII в.); 27 – Русиновское II селище (фрагмент замка); 28 – Горткушетское II селище (керамика); 29 – Горткушетское городище (топор); 30 – Тиминский (Кочевский, Волгиревский) могильник (сошник); 30а – Савинецкое местонахождение (железные вещи); 31 – Порубовское местонахождение (крест-тельник); 32 – Порубовское селище (топоры); 33 – Илюшевское селище (железные вещи); 34 – Рагозское II селище (керамика, железные вещи); 35 – Грибановское (Ваулинское) поселение (железная коса); 36 – Ваулинское местонахождение (крест-тельник); 37 – Трактовое селище (керамика); 38 – Харинское VI селище (крест-тельник); 39 – Харинское I селище (керамика, в том числе с отпечатком креста на днище, крест-тельник, железные вещи); 40 – Аверинский I могильник (украшения); 41 – Аверинский II могильник (крест-тельник); 42 – Шудьякар, городище (замок, ключи, пряжка, фибулы, крест-тельник); 43 – Буждог, городище (сошник, керамика); 44 – Кукинское селище; 45 – Силятское селище (керамика); 46 – Гординское селище (коса-горбуша); 47–52 – бассейн р. Чепцы: 47 – Данилята, селище (керамика, обмазка, фрагмент косы); 48 – Карсовайский (Киршатский) могильник; 49 – Тарасятский могильник; 50 – Куреговская находка (железная пешня); 51 – Кабаковский могильник (эмальерные кресты-тельники); 52 – Зуйкар, городище (керамика).

Для описания процесса заселения Карсовайского края есть материалы переписей XVIII – сер. XIX вв., однако они опубликованы фрагментарно и почерпнуты автором из работ других исследователей, в том числе – из трудов Н. Н. Блинова и В. Ф. Барашкова. Для XVII–XVIII вв. большое значение имеет пофамильный состав населения Верхокамья и названия населенных пунктов. Зная древние фамилии жителей и названия поселений Карсовайского края, довольно легко установить истоки его заселения. Так, по переписной книге Кайгородского уезда 1678 г. на территории Зюздинского края отмечены фамилии Макаровых, Некрасовых, Власовых [32], широко распространенные среди русского населения к северу от Карсовая до настоящего времени. Еще более показательны материалы переписной книги 1746 г. («Ревизские сказки Зюздинской волости Кайгородского уезда»), в которой, помимо упомянутых, фигурируют такие фамилии, как Савины,

Бузмаковы, Ведерниковы, Тебеньковы, Черанёвы, Варанкины, Светлаковы и др. [33], ныне абсолютно преобладающие в Карсовайском крае. Таким образом, истоки заселения нашего края не вызывают каких-то сомнений – это зюздинское Верхокамье (нынешний Афанасьевский район Кировской области), откуда в XVIII в. и переселяются к югу его обитатели.

Не совсем ясен национальный состав переселенцев (не отраженный в переписях), впервые удалось выяснить это Н. Н. Блинову. На основании клировых ведомостей, списков волостных правлений и расспросов старожилов он приходит к выводу, что северная половина Карсовайского прихода была заселена коми-пермяками и отчасти русскими, а южная – удмуртами. По сведениям Н. Н. Блинова «пограничною чертою» между удмуртскими (с юга) и пермяцкими (с севера) селениями служила р. Карсовайка, и к этой своеобразной границе пермяки и удмурты начали продвигаться относительно поздно, не ранее кон. XVI – нач. XVII в.: пермяки – с верховьев Камы, удмурты – с правобережья Чепцы и ее притоков. На территории же будущего Карсовайского прихода «первые поселенцы (пермяки. – *Л. М.*) пришли в половине XVIII ст., большею же частию в 1770–1800 годах, как можно заключить из рассказов старожилов», то есть в период формирования с 1780 г. Глазовской округи Вятского наместничества (с 1796 г. – Глазовского уезда Вятской губ.). Причиною переселения пермяков к югу Н. Н. Блинов считал «отыскивание новых мест, простор, побег от рекрутчины и раскол». Что касается встречного движения удмуртов к северу, то он писал: «вотяки тоже поселились в Карсовайском приходе большею частию около, или немногим более, ста лет назад; деревни три только не помнят времени своего поселения на настоящих местах. Вотяки шли чаще с юга, из приходов сел Балезинского, Поломского, из-за Ижевского завода, и есть некоторые из с. Еловского» [34]. Земли к югу от Карсовая в административном отношении входили еще в сер. XVIII в. в состав удмуртской верхочепецкой верхней доли Каринского стана Хлыновского уезда, к северу – в состав Зюздинской волости Кайгородского уезда. Как выше указывалось, в одном уезде (Глазовском) Карсовайский край оказался в 1802 г., после ликвидации Кайгородского уезда.

Н. Н. Блинов приводит статистические данные сер. XIX в., которые говорят об абсолютном преобладании коми-пермяков и наличии некоторого числа русских в северной части Карсовайского прихода, о проживании удмуртов и небольшого числа бесермян – в южной [35]. Аналогичные данные приводят и другие авторы. Так, А. Иванов, совершивший в 1880-х гг. путешествие по верховьям Камы, указал, что основатели с. Сергино, предки современных его жителей (Макаровых, Савиных и Некрасовых) являлись «по преданию, пермяками из Хариной» [36] – деревни Зюздинского (ныне Афанасьевского) района. Известно, что с. Сергино – одно из древнейших на территории Карсовайского края; выходцы из него основали в свое время многие поселения в северной части края (например дд. Гаревская, Петровская, Митино, Киршонки и др.) [37].

Еще в 1854 г. И. Попов отмечал, что «в Зюздине и Гордине по речкам Шукшуру, Гордве и Сиве, Лопьи, Устьи Лопьи, Неаполю и др. (то есть к северу от Карсовая. – *Л. М.*) с незапамятных времен живут пермяки» [38]. Преобладание коми-пермяцкого населения зафиксировано в северной части Карсовайского края

и в материалах подворной переписи Глазовского уезда 1892 г. [39]. О проживании коми-пермяков в Карсовайском крае (Понинская, Карсовайская, Юсовская, Люкская волости) писал в 1925 г. А. Ф. Теплоухов [40].

Итак, былое проживание пермяков в северной части Карсовайского края бесспорно. Однако удивляет факт чрезвычайно малой доли русского населения при полном господстве русского языка: по Н. Н. Блинову, всего 77 человек из 3996 в 1858 г. (пермяков – 2493, удмуртов – 1311, бесермян – 115) и 88 – из 4282 в 1863 г. (пермяков – 2702, удмуртов – 1367, бесермян – 125) [41]. Н. Н. Блинов склонен объяснять этот феномен тем, что в кон. XVI – нач. XVII в. «при посредстве колонизации русских, русская речь, нравы и христианство привились и к пермякам» [42]. По данным XVI–XVIII вв., Зюздинский край заселялся смешанным населением со стороны Кайгорода: по воспоминаниям зюздинцев, их предки переселялись именно с Кайской стороны, например с. Бисерово основано выходцами из пермяцкой д. Трушниковой [43], а с. Георгиево – из русского Кайгорода [44]. Со вт. пол. XVIII в., в связи с открытием Сибирского тракта, роль Кайгорода резко падает, и из бойкого торгового центра на дороге из Поморья в Сибирь он превращается в захолустье. Однако бывший до того на протяжении двух веков приток русского населения в Верхокамье из-под Вятки, Вологды, Великого Устюга и других мест [45] оказал определяющее влияние на восприятие местными коми-пермяками русского языка, а также материальной и духовной культуры. Начиная же со времени запустения края русское его население было во многом изолировано от других областей России, что и привело к интенсивному смешению его с пермяцким, численно явно преобладавшим [46]. Как отмечал П. Сорокин, население Кайского края «производит впечатление инородцев» [47], а Н. П. Штейнфельд [48] писал, что «русское население Зюздинского края, живя уже сотни лет в тесном общении с пермяками, утратило в большинстве случаев свой резкий славянский тип» и что оно «совершенно опермячилось от долгого общения и родственных связей со своими соседями» и «дало пермякам только свой язык и славянскую одежду. В остальном же, в самом складе жизни, понятий, привычек, низошло до уровня пермяков» [49]. В отношении пермяков Н. Н. Блинов также отмечал, что «ближе к Глазову в Карсовайской и отчасти Гординской волостях они почти совершенно обрусели, – они те же пермяки по образу жизни, но уже забыли свой язык и говорят по-русски; впрочем и зюздинские пермяки и даже пермячки могут объясняться по-русски» [50]. Д. К. Зеленин указывал, что «громадный Зюздинский край Глазовского уезда населен обрусевшими пермяками... Впрочем, и русские, живя рядом с пермяками, как бы принижаются до них: ввиду смешанных браков возникает какой-то средний тип: ни пермяк, ни русский» [51]. В процессе обрусения зюздинских пермяков порой возникали интересные явления, например, память о «чучках»-прародителях: «Помяни, Господи, дедушку чучка, бабушку чучиху» [52].

В нач. XIX в. приток русского населения из центральных районов Вятской губернии в верховья Камы усиливается [53], причем движение это шло уже в основном не через Кайгород, а через Глазов, поскольку в кон. XVIII в. стала функционировать дорога, связавшая Глазов с Зюздинским краем [54]. Уже ко вт. пол. XIX в. бывшее пермяцкое население, проживавшее в Карсовайском крае, а также новые

переселенцы с верховьев Камы, в значительной части осознавали себя русскими, говорили на русском языке и не знали коми-пермяцкого [55]. В памяти жителей Карсовайского края остались лишь воспоминания о былых родственных связях с зюздинскими пермяками, при этом весьма показательно, что карсовайские мужчины нередко брали замуж пермячек из пределов Зюздинского края [56].

Анализ особенностей русского говора северной части Карсовайского края, проведенный В. Ф. Барашковым, показал, что «исторически значительная часть современного русского населения северной половины Карсовайского района восходит к коми народности и что сам процесс перехода на русский язык этой части населения завершился относительно недавно, по крайней мере, не ранее пер. пол. XIX в. [57]. Ученому удалось показать, что карсовайский русский говор «с XVIII в. формировался в условиях взаимодействия русского и коми языков», что было «связано, с одной стороны, с переходом части коми населения на русский язык в результате сравнительно длительных культурно-экономических связей с русскими, с другой – с частичным этническим смешением коми и русского населения». Какого-либо участия в этом процессе удмуртского населения он не обнаружил, в лучшем случае русская речь удмуртов «поддерживала те явления описываемого говора, возникновение которых мы связываем с коми языком». Карсовайский говор «по абсолютному большинству своих особенностей... представляет один из типичных севернорусских говоров и наиболее близок к русским говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия, хотя и отличается от последних своеобразием ряда диалектных явлений... обусловленных в своем происхождении системой коми языка» [58]. К аналогичным выводам пришли исследователи русских говоров Кайского края (на основе одного из них – зюздинского – сформировался и карсовайский говор) Л. Н. Макарова [59] и В. И. Троицкий. Последний зафиксировал заметные отличия северных (кайских) говоров Верхокамья от южных (зюздинских), что объяснил более интенсивным иноязычным (коми и удмуртским) влиянием в Зюздинском и Кулигинском районах [60] (южный Сергинский сельсовет первого и три северо-западных сельсовета последнего были включены в 1956 г. в состав Карсовайского района) [61].

Обратимся непосредственно к заселению Карсовайского края. Особенности и характер этого процесса на основании воспоминаний старожилов и некоторых документов установил Н. Н. Блинов. Начало заселения края он предположительно относит к сер. XVIII в. и отмечает, что оно «происходило не при одинаковых условиях и в разное время». Исследователь далее пишет: «Карсовайские пермяки (то есть уже обрусевшие пермяки. – *Л. М.*) подразделяются на 3 части: северо-западных (поч. Верх-Пызеп), северных (д. Верх-Лопьи) и северо-восточных (поч. около села и пр.); вотяки – на две части: на нижних и верхних (юго-западных и юго-восточных)» [62].

Около середины XVIII в. выходцы «с прежних зюздинских мест» пришли на речку Лопью, «вынужденные прозябанием (вымерзанием. – *Л. М.*) хлебов». Однако места здесь оказались еще более худшие, поэтому они ушли в верховья Пызепа. Вожаком этих переселенцев был Аверкий, имя которого дало название первому и последующим починкам (Оверята), «которых насчитывается ныне

до 11... Починки, заселенные потомками Аверкия, носят официальное название «Верх-Пызеп» и под этим же названием... существует 30 починков», хотя многие из них находятся не на этой реке, а расположены поблизости. «Все они занимают площадь около 70 кв. верст, имея наибольшее протяжение в длину до 15, а в ширину 13 верст» (1 верста равна 1,0668 км. – *Л. М.*). В частности, починки «Оверята» раскинулись на водоразделе, откуда берут начало и Пызеп, текущий в Чепцу, и Кам-Пызеп, впадающий в Каму.

Другим первопроходцем был выходец из с. Верхокамского Егор Власов по кличке Хохлатый (никогда не стригся и не причесывался), который обосновался к югу и западу от Оверят: «Сначала... он поселился близ Кампызепа, потом перешел на другой починок Оверятской, далее на третий Сташевский, на четвертый Егора Омуля (Варанкина, см. далее. – *Л. М.*), на пятый Фефилятский, шестой Гари, седьмой Максёнки, на восьмой Самковской и наконец на девятый, названный по его имени Егорятский (или Нюльсинский), где взрослые сыновья его обзавелись домами» и где он умер в возрасте 90 лет.

Основателями поч. Север стали на рубеже XVIII–XIX вв. выходцы из Зюздинского края Иван Черанёв (по прозвищу Сюсюмай), Петр Некрасов и Егор Варанкин Омуль (худой) с сыновьями Димитрием и Лаврентием; некоторое время здесь жил и упоминавшийся Егор Хохлатый. От этих трех семейств ведут свое начало не только жители Севера, но и починков Махина и Дёмина и половина починка Никишатского: за 70 лет (1793–1863) «от трех пар образовалось население в 32 дома с 117 душ. муж. и 114 душ. жен. пола» [63]. Всего же в описанных выше «Верх-Пызепских» починках насчитывалось к 1863 г. 35 починков со 165 дворами. Жители этих поселений помимо хлебопашества (половину посевов зерновых составлял овес, 0,2 – ячмень, 0,3 – рожь), продукции которого явно не хватало и многие семьи жили впроголодь, занимались такими промыслами, как шитье меховой одежды (до 20 человек), выделка овчин и кож (10 человек), извоз в зимнее время (до 200 лошадей из расчета 2–3 лошади на одного возницу), охота на рябчиков, белок и куниц (6 дворов) [64].

Вторая группа поселений карсовайских пермяков, северная, носила общее название «Вверх-по-Речке-Лопье». Как уже указывалось, попытка Аверкия в сер. XVIII в. укорениться на Лопье закончилась неудачно – он переселился на Пызеп. Вскоре сюда переселяются из с. Зюздино три семейства: Некрасовы, Носковы и Казаковы, – постепенно освоившие Лопью почти до верховьев (7 починков с 37 дворами) и даже основавшие позднее два починка в истоках Варыжа (Марчёнский и Мосёнский). Хлебопашество (в основном «сеяли здесь овес, ссорицу (сорица – смесь ячменя с овсом. – *Л. М.*), отчасти ячмень и менее всего рожь») давало зерна в среднем чуть ли не вдвое меньше, чем на Верх-Пызепских полях. Поэтому многие крестьяне дополняли прибыль за счет рогожного промысла, а некоторые промышляли шитьем (5 домов), шерстобитием (2 человека), вывозкой камня в Чердыни (1 крестьянин), извозом (15 лошадей) [64], пчеловодством (15 ульев) [65].

Третья группа выходцев из Верхокамья обосновалась около с. Карсовай и к востоку от него, то есть в верховьях р. Варыж и на его притоке Мундес, в верхнем течении Пызепа (восточного) и его притоков Кузи, Зуда, Сурдовай.

Починки располагались близ дорог из Карсовая в с. Кулигу и д. Юлдырь. Жители этих поселений появились здесь раньше верх-пызепцев и заселили данную территорию довольно плотно: Н. Н. Блинов отмечал, что они уже начинают жаловаться на нехватку земли, а количество дворов составило в 1863 г. 238 (число починков он не называет). Крестьяне занимались выращиванием хлеба, урожайность которого заметно превышала таковую в Верх-Пызепских починках, сеяли лен, однако средств для более или менее сытой жизни не хватало. Поэтому жители и этой части Карсовайского края подрабатывали: 25 человек плотничали, 10 – ведерничали, до 40 – рубили дрова, некоторые заготавливали ивовую кору (для дубления кож) или бересту (для дегтярного завода Сергеева), два дома занимались мясничеством, 10 – пчеловодством (60 ульев), многие – скупкой и перепродажей различных товаров (зерно, льняное семя, соль, сушеная рыба, скот, коровье масло), 3 – извозом соли. «Характерной чертой этого уголка Карсовайского края служит издавна утвердившийся в некоторых починках раскол. В этой же части находится починок русских поселенцев из Вятского уезда» [66].

Что касается удмуртов Карсовайского края, то их поселения, как уже отмечалось, находились к югу от починков пермяков, концентрируясь, по сведениям Н. Н. Блинова, двумя группами: верхней и нижней. «Нижние» располагались близ дороги из Карсовая на Глазов и поэтому «более обрусели... входят в более частые сношения с русскими и между ними есть уже и начинающие торговать... а также есть несколько плотников, кузнецов и пр.» [67]. В их поселениях насчитывалось 90 домов. В починках и деревнях верхней группы, располагавшейся в верховьях р. Варыж, насчитывалось 52 двора, причем «между “верхними” вотяками промыслов почти не заметно, и только в некоторых починках ездят в извоз». Всего же удмуртов в крае насчитывалось 1590 душ. Основным их занятием было земледелие, при этом они получали хлеба на двор в 2,5 раза больше, чем проживавшие к северу от них обрусевшие пермяки. Правда, и удмуртские семьи были почти вдвое больше (в среднем на дом 11,2 чел.), чем у пермяков (6,55 чел.). Дополнительный доход удмурты получали от извоза хлеба из Елабуги и Сарапула в Глазов и на Кирсинский завод; соли и железа – в Сарапульский уезд; бурлачества – от Глазова до границ Пермской губернии. Некоторые плотничали, занимались кузнечным промыслом, нанимались в работники; более состоятельные откармливали или перепродавали скот, а в урожайные годы – пшеницу [68].

К кон. XIX в., судя по данным подворной описи Глазовского уезда (1891), Карсовайский край располагался на территории 4 волостей уезда (Гординской, Карсовайской, Понинской и Люкской) и 13 сельских обществ. В 223 населенных пунктах (3 села, 1 деревня, 192 починка, 7 выселков) располагалось 2093 двора, в которых проживало 14781 человек (7363 муж., 7418 жен.), в том числе по национальному составу, удмуртов – 7431, пермяков – 4020, русских – 3010, татар – 168, бесермян – 152, причем география расселения этносов практически не изменилась. Население сплошь крестьянское, занимающееся земледельческим трудом, разведением скота, а также местными промыслами и отходничеством [69].

По обобщенным данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в Карсовайской волости насчитывалось 156 поселений и 6745 жителей (2877 муж., 3868 жен.), в Люкской – 50 селений с 11479 жителями (соответственно

5059 и 6420), в Понинской – 97 и 18530 (8182 и 10348) [70]. К сожалению, у нас нет точной статистики по населенным пунктам и обществам, поэтому численность населения Карсовайского края можно установить весьма приблизительно. Это объясняется тем, что, по сведениям переписи 1891 г., из Понинской волости к этому краю относятся поселения лишь одного общества (Коротаевского) и 3 населенных пункта из 9 другого (Папоговского), из Люкской волости – поселения трех обществ (Люкского, Мундейского и Верх-Люкинского) и частично селения остальных трех обществ (очевидно, 2 из 4 поселений Подборновского, 3 из 9 – Юлдырского, 3 из 7 – Сазановского) [71]. Кроме того, здесь нет данных по Гординской волости, Кривецкое общество которой с 34 населенными пунктами [72] (будущий Сергинский сельсовет) вошло в состав Карсовайского района в 1956 г. [73].

Что касается древностей пермяцко-русского населения как дополнительного источника по истории Карсовайского края, то к ним можно отнести пока три известных сегодня в окрестностях Карсовая археологических памятника: Киршатское и Тарасятское кладбища (кон. XVIII – сер. XIX в.), упомянутые Ф. В. Стрельцовым в сводке 1927 г. [74], и селище Данилята (кон. XVIII – нач. XX в.), на котором Л. Д. Макаровым в 1992–1997 гг. собраны фрагменты круговой глиняной посуды, печная обмазка и обломок железной косы-горбуши. Один из сосудов был украшен волнистой линией; другой – покрыт снаружи коричневой, а изнутри – желтой и зеленой поливой (вещи хранятся в фондах Музея древней истории Камско-Вятского междуречья при историческом факультете УдГУ) [75]. К этому же пласту принадлежит, вероятно, круговая керамика с городища Зуйкар к ССВ от с. Понино [76].

Значительно более обеспечены археологическими источниками XVI–XX вв. памятники Афанасьевского района Кировской области (Рис. 1). Как выше указывалось, здесь выявлено около 40 объектов. Как правило, это поселения ломоватово-родановского времени (на 8 из них найден древнерусский материал, очевидно, импорт), использовавшиеся местным пермяцко-русским населением как для проживания на них, так и в хозяйственных нуждах. В первом случае фиксировался небольшой культурный слой, чаще всего распаханный, но насыщенный находками лепной, полулепной или круговой керамики, костями животных и фрагментами железных предметов. Практически вся керамика изготовлена с использованием гончарного круга на разных стадиях его применения. Отмечена закономерность: чем выше по реке, тем менее заметно присутствие русских керамических традиций, хотя почти всегда налицо смешение последних с пермскими прикамскими. Тем не менее выявлены достаточно «чистые» русские комплексы на поселениях Бисеровского куста памятников, а также на Харинском I селище, где, в частности, обнаружен фрагмент горшка с оттиском креста на днище, а также группа посуды с примесями крупного песка, характерная для русской керамики XVI–XVIII вв. Для более раннего комплекса обычна примесь дресвы, а также линейно-волнистая орнаментация и донные клейма, чего в Верхокамье не наблюдается. Впрочем, необходима дальнейшая работа по просмотру коллекций и полевые исследования.

Переписные книги и «ревизские сказки» вт. пол. XVII–XVIII вв. перечисляют жителей южной половины Кайгородского и северной половины

Глазовского уездов (Зюздинский край) без указания их этнической и конфессиональной принадлежности. Тем не менее представляется, что в конфессиональном отношении Верхокамье, начиная, по-видимому, с кон. XVI в., становится православным: коми-пермяцкое население под влиянием русских переселенцев довольно быстро втягивается в лоно церкви. Церковная реформа патриарха Никона сер. XVII в., вызвавшая раскол православной церкви, в связи с удаленностью рассматриваемой нами территории от центров, не повлияла на большинство населения. Закреплению влияния «старой веры» во многом содействовала и деятельность старообрядцев-поморцев, бежавших от преследований в глухие леса и осевших в скитах в кон. XVII – нач. XVIII в. [77], в массовом же масштабе оказавшихся на Верхокамье с нач. XVIII в. [78]. Вслед за расселением русских и обрусевших пермяков в верхокамско-чепецком междуречье в пер. пол. XIX в. появляются «расколоучители», активно и весьма умело вербовавшие себе сторонников из числа «никониан». Каково же было количественное соотношение староверов и «никониан»? Статистические данные об этом мне неизвестны. Есть лишь косвенные свидетельства. Так, глазовский протоиерей М. Ф. Фармаковский сообщал, что за один только 1864 г. «расколоучитель» Илларион Егоров сумел склонить к переходу в раскол до 500 человек в Карсовайском приходе [79]. По данным Н. Н. Блинова за 1863 г. [80], в этом приходе на 2468 «никониан» приходилось 413 старообрядцев (все из обрусевших пермяков). А по сведениям доктора медицины М. М. Хомякова, проводившего в 1910 г. антропологические исследования региона, около половины населения Верхокамья составляли раскольники [81].

Противостояние официальному православию старообрядчества неминуемо должно было сказаться в погребальной обрядности. Однако погребальные традиции современного верхокамского населения остаются во многом слабоизученными. И если период вт. пол. I – нач. II тыс. н.э. все же исследован более или менее неплохо [82], то могильники сер. – вт. пол. II тыс. н.э. остаются почти неизвестными науке. Поэтому проблемы преемственности и эволюции погребального обряда населения региона остаются невыясненными. В целом признаки, позволяющие отнести православные захоронения, исследованные археологически, к старообрядческим, сводятся к трем пунктам: 1) небольшая (около метра) глубина могильных ям; 2) отсутствие железных гвоздей в качестве крепежа досок гробовища; 3) наличие при покойных старообрядческих мужских и женских нательных крестов. Два первых признака – не что иное как сохранение древнерусских православных традиций, третий – подчеркивает принадлежность умерших к «старой вере» (в отличие от «никонианских» захоронений, где кресты, во-первых, не имеют половой принадлежности, а во-вторых, они не меднолитные (что присуще староверским изделиям) и весьма заметно отличаются внешним оформлением). Некоторые другие признаки (полати над гробом в могиле, наличие вещей) связать с той или иной традицией пока затруднительно. К числу старообрядческих некрополей можно отнести Русиновский в Афанасьевском районе Кировской области (раскопки В. А. Кананина 1977, 1978) – могильник крещёных коми-пермяков (из 57 погребений XVIII в. здесь использованы данные 49 погребений за 1977 г.). Умершие (45 детей, 4 взрослых) были похоронены в могилах

глубиной от 34 до 115 см, но преобладали ямы глубиной до 70 см (71,4 %). Наряду с прозападной ориентацией костяков, присущей православному обряду (51 %), зафиксированы также восточное (20 %) и южное (4,1 %) направления (ориентация отдельных умерших не определена). Отсутствие железных гвоздей в погребальных конструкциях весьма показательно. Помимо неправославной ориентации части умерших, отметим и другие пермяцкие языческие признаки: наличие 8 монет (1737–1800) в верхней (выше пояса) части покойных, единичных украшений: подвесок, бубенчиков, бус; характерных для пермяков берестяных покрытий верхней части погребальных конструкций (гробовищ). Покойные располагались вытянуто на спине со сложенными на груди руками, при 18 из них (у головы, на шее или груди) обнаружены медные, преимущественно старообрядческие кресты [83]. Выше указывались 2 могильника близ с. Карсовай, что в бассейне р. Чепцы (верховья р. Варыж): Киршатский и Тарасятский, – предположительно оставленные старообрядцами из числа русских и обрусевших пермяков (вт. пол. XVIII – пер. пол. XIX в.). Первый был обследован А. Г. Ивановым [84], второй пока не найден.

Важное дополнение для характеристики старообрядческого погребального обряда дают этнографические наблюдения, касающиеся погребальной конструкции, устройства могилы и надмогильного знака [85]. О конструкции гробовищ и могил староверов поведал мне житель д. Степаненки Кезского района УР, бывший директор школы Г. И. Бузмаков, нарисовавший и устройство домовины [86]. Гроб делается из плах в виде ящика, все плоскости которого скрепляются лыковыми веревками длиной 1,5–2 м, продергивающимися в угловые отверстия плах, где фиксируются деревянными клинышками. В придонной части в специально прорезанные в длинных боковых плахах пазы вставляются 2 бруска, на которые укладывается жердевой накат, покрывающийся березовыми вениками с обрубленными комлями. На этот настил укладывают покойника, после церемонии прощания с которым крышку гроба, состоящую из двух плах, закрывают, затягивают веревками и фиксируют их сужающимся клином. Для того чтобы грунт в могилу не осыпался, по ее периметру делают сруб из жердей высотой в 2 венца (жерди предотвращают расползание могильного холмика). Яма копается неглубокой («по грудь») – не более 140–150 см. После опущения гроба в могилу над ним иногда делают полати – плахи, опирающиеся на поперечные переводы, лежащие на вбитых в дно ямы кольях (именно так были устроены полати над гробом моего отца, умершего в 1996 г. в с. Карсовай). Какой-либо памятник на могиле не устанавливается, делается лишь затес на соседнем дереве и отмечаются инициалы покойного (если кладбище на открытом месте – затес делается на жерди, вкопанной на могиле). Последнее я лично наблюдал на могиле родственницы, тети Домны, на Карсовайском кладбище (кстати, сруб на ее могиле был высотой в один венец). Обычай сооружать такие знаки на могилах связан, вероятнее всего, с преследованиями старообрядцев властями и официальной церковью: староверы отказывались погребать покойных по православному чину, считая это «незамолимым грехом», и хоронили умерших тайком, не дожидаясь трехдневного срока, нередко ночью, а чтобы священник не мог потом совершить отпевание над могилой, делали и ложные надгробия [87]. Впрочем, не исключены

и глубинные корни этого обычая, связанные с элементами славянской языческой обрядности [88]. Однако лишь целенаправленные раскопки могильников позволят прояснить многие пока необъяснимые детали похоронной обрядности верхокамского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 267.

2. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 43–44.

3. Там же. Приложение I. С. 33.

4. Там же. С. 33.

5. *Макаров Л. Д.* Славянские древности и русские поселенцы в верховьях р. Камы: (постановка проблемы) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 24.

6. *Луппов П. Н.* Северные удмурты в 16–17 веках (Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы) // На удмуртские темы. М., 1931. С. 121–122; *Он же.* Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. С. 34, 189–190.

7. *Луппов П. Н.* Документы… С. 186–189.

8. *Луппов П. Н.* Указ. соч. С. 34, 246; *Он же.* Северные удмурты в 16–17 веках… С. 121.

9. *Луппов П. Н.* Документы… С. 35.

10. *Луппов П. Н.* Северные удмурты в 16–17 веках… С. 121–122; *Он же.* Северные удмурты в конце XVII века: (Опыт изучения переписной книги 1678 г.) // Труды ВНИИК. Вятка, 1934. Т. 7. Вып. 1. С. 2–4.

11 *Луппов П. Н.* Документы… С. 35, 329.

12. Там же. С. 298–299.

13. Там же. С. 331–338.

14. *Луппов П. Н.* Удмуртские «доли» в 17 и 18 веках // Записки УдНИИ. Вып. 9. Ижевск, 1941. С. 10; *Он же.* Документы… С. 31.

15. *Луппов П. Н.* Удмуртские «доли»… С. 11, 17.

16. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. С. 14.

17. *Эммаусский А. В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 165–175; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 295–296.

18. *Вештомов А. И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Казань, 1907. С. 122–130.

19. *Эммаусский А. В.* Исторический очерк… С. 184. Вкладка.

20. *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 104; *Осколков Е. Н.* Кай (Кайгород) // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Киров, 1994. Т. 1: Города. С. 179–184.

21. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 92.

22. Карта Глазовского уезда Вятской губернии. Вятка, 1900.

23. Вятские губернские ведомости. 1861. №44; 1864. № 46, 48, 49; 1865. № 31, 33–37, 59–67; 1866. № 84–87; 1869. № 14–22, 28–35.

24. *Попов И.* Этнографическое описание Глазовского уезда Вятской губернии // Архив Русского Географического Общества. Разряд 10, опись 1, дело 53; *Иванов А.* Кама-

река // Волжский вестник. 1883. № 3; *Штейнфельд Н. П.* Зюздинский край (Глазовского уезда) // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892; *Сорокин П.* Чудь Кайского края. Вятка, 1895; *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1896. Вып. 2; *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка…; *Он же.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографический и историко-литературный очерк) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1904. Отд. 2; *Теплоухов А. Ф.* Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-этнографическом отношениях // Коми-му. Усть-Сысольск, 1925. № 9.

25. *Барашков В. Ф.* К изучению русского говора северной части Карсовайского района Удмуртской АССР // УЗ ГГПИ. Ижевск, 1959. Вып. 8; *Он же.* О русском говоре северной части Карсовайского района Удмуртской АССР // УЗ ГГПИ. Ижевск, 1958. Вып. 7.

26. *Макарова Л. Н.* Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края) // Очерки по русскому языку. Киров, 1962; *Троицкий В. И.* О группировке русских говоров на Верхней Каме // Очерки по русскому языку. Киров, 1962.

27. Русский фольклор Удмуртии / Сост., вступит. статьи и примеч. А. Г. Татаринцева [Изд. 1-е]. Ижевск, 1977; [Изд. 2-е]. Ижевск, 1990.

28. *Шумилов Е. Ф.* Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996; *Он же.* Старообрядцы Удмуртии // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999.

29. *Первухин Н. Г.* Опыт…; *Стрельцов Ф. В.* Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской Автономной Области // Труды НОИВК. Вып. 3. Ижевск, 1927; *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958; *Иванова М. Г.* Памятники чепецкой культуры: (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979; *Она же.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992; *Шутова Н. И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск, 1992; *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск, 1997; *Макаров Л. Д., Иванов А. Г.* Из истории Карсовайского края // Стародубцева С. К. «Ох, роспечальное моё сердечко» (песни из репертуара Натальи Власовой). Ижевск, 1999. С. 208–210; *Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004.

30. *Макаров Л. Д., Иванов А. Г.* Этнокультурная характеристика Карсовайского микрорегиона (к проблеме изучения этнической истории) // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.–Омск, 1999; *Они же.* Из истории Карсовайского…

31. *Макаров Л. Д.* Славянские древности и русские поселенцы…; *Он же.* Коми-пермяки и русские Верхокамско-Чепецкого междуречья // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999; Погребальный обряд старообрядцев Верхокамья (по археологическим материалам и этнографическим параллелям) // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001; *Он же.* Этническая ситуация в чепецко-верхокамском регионе в XVI–XX вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 6: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь, 2009. С. 197–203.

32. *Барашков В. Ф.* О русском говоре… С. 73.

33. Там же.

34. *Блинов Н. Н.* Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда // ВГВ. 1864. № 46.

35. Там же. № 49.

36. *Иванов А.* Кама-река…
37. *Барашков В. Ф.* О русском говоре… С. 74.
38. *Попов И.* Этнографическое описание…
39. Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1893. Т. 3. (Глазовский уезд). Ч. 1–2.
40. *Теплоухов А. Ф.* Фамилии и географические названия… С. 35.
41. *Блинов Н. Н.* Описание…№ 49.
42. Там же. № 46.
43. *Сорокин П.* Чудь Кайского края… С. 10.
44. *Макарова Л. Н.* Некоторые особенности… С. 78.
45. *Сорокин П.* Указ. соч.
46. *Макарова Л. Н.* Указ. соч. С. 77–79; *Макаров Л. Д.* Славянские древности… С. 24–25.
47. *Сорокин П.* Указ. соч. С. 28–29.
48. *Штейнфельд Н. П.* Зюздинский край… С. 279.
49. Там же. С. 294–295.
50. *Блинов Н. Н.* Заметки о пермяках Вятской губернии // ВГВ. 1861. № 44.
51. *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка…С. 108.
52. *Зеленин Д. К.* Народные присловья… С. 21.
53. *Романов Н. Н.* Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т. 2. С. 812–818.
54. *Штейнфельд Н. П.* Зюздинский край… С. 299–303; *Барашков В. Ф.* О русском говоре… С. 78.
55. *Барашков В. Ф.* О русском говоре… С. 79.
56. Там же. С. 76–78.
57. *Барашков В. Ф.* К изучению русского говора… С. 271.
58. Там же. С. 276–277.
59. *Макарова Л. Н.* Некоторые особенности… С. 79–92.
60. *Троицкий В. И.* О группировке русских говоров… С. 54–67.
61. Справочник… С. 338–339.
62. *Блинов Н.* Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда) // ВГВ. 1865. № 31.
63. Там же.
64. Там же. № 33.
65. Там же. № 34.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же.
69. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 8: Глазовский уезд. Ч. 2: Подворная опись. Вятка, 1892. С. 170–211, 314–345.
70. Материалы по статистике Вотской Автономной Области. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года. Ижевск, 1926. С. 2, 4.
71. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 8… С. 314–345.
72. Там же. С. 170–185.
73. Справочник… С. 338–339.
74. *Стрельцов Ф. В.* Археологические памятники… С. 66.
75. *Макаров Л. Д., Иванов А. Г.* Из истории Карсовайского края… С. 209–210.
76. *Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И.* Археологическая карта… С. 138.

77. *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 108–111.

78. На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 286.

79. *Шумилов Е. Ф.* Старообрядцы Удмуртии… С. 171–172.

80. *Блинов Н. Н.* Описание Карсовайского прихода… № 48, 49.

81. Зюздинский край // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. 44. Вып. 3. С. 3.

82. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. С. 26–43.

83. *Кананин В. А.* Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф. 2. Д. 62.

84. *Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И.* Археологическая карта… С. 126–127.

85. На путях из Земли Пермской… С. 292–297.

86. *Макаров Л. Д.* Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. Рис. 4.

87. На путях из Земли Пермской… С. 293–294.

88. Там же. С. 296; *Фролов А. А.* Пережитки язычества в погребальной обрядности Древней Руси // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С. 296–299.

Поступила в редакцию 15.02.2011

L. D. Makarov

Verhokamsko-Chepetsk Interfluve –
Region of Permian People with Russian Settlers Interaction

Paper is devoted to the problems of settlement and land development of the Verhokamsko-Chepetsk interfluve in the period of time (XVI – early XX centuries). Considerable attention is paid to inter-ethnic and inter-religious interaction people living there.

Keywords: Verhokamsko-Chepetsk interfluves, Karsovaysky region, stages of settlement in the region, administrative changes, Komi-Permian, Russia, Udmurt.

Макаров Леонид Дмитриевич,
доктор исторических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: arch@uni.udm.ru

Makarov Leonid Dmitriyevich,
Doctor of Historical Sciences, Senior Research Associate,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: arch@uni.udm.ru

УДК 39(474.2)“1920”

М. Ныммела

СТАНОВЯСЬ ЭТНОГРАФОМ. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕРДИНАНДА ЛИННУСА В 1920-е гг.*

Статья посвящена истории становления эстонской этнографии, показанной сквозь призму жизни и научного творчества одного из первых профессиональных эстонских этнологов – Ф. Линнуса (1895–1942).

Ключевые слова: эстонская этнология, Эстонский национальный музей, полевые исследования.

Изучение истории этнографии притягивает все большее внимание в последние десятилетия. Предметом изучения и обсуждения становится жизнь и деятельность отдельных ученых, их роль и участие в истории дисциплины. Если рефлексивная историография подчеркивает необходимость признания эпистемологического и политического влияния на процесс создания научных работ, то личностный подход помогает показать науку в развитии, что успешно осуществляется в исследованиях по истории фольклористики и этнологии в разных странах.

В данной статье рассматривается деятельность Фердинанда Линнуса (1895–1942) – яркого представителя первого поколения эстонских этнологов. Линнус изучал историю в университете Тарту перед Первой мировой войной и продолжил свое обучение по курсам истории, этнографии и археологии после войны уже в независимой Эстонии. В 1922 г. он начал свою карьеру в Эстонском национальном музее (далее ЭНМ) и поэтому выбрал этнографию в качестве основного предмета, получив степень магистра в 1927 г. В 1920-е гг. академическая этнография в Эстонии развивалась параллельно с более ранней формой этнографической деятельности. Так, ЭНМ, основанный в 1909 г., занимался «спасением

* Статья написана при поддержке гранта Эстонского научного общества № 7795. Основана на материалах доклада, сделанного на конференции «Этнология: история, настоящее и будущие перспективы». Вильнюс. 8–10.10.2010.

старой народной культуры», а также объяснением ее значимости. Доцентура по этнографии была утверждена в университете Тарту только в 1924 г., вместе с этим началось сравнительное, нагруженное методами и теорией исследование материальной культуры. Однако центр этнографической активности сохранялся в музее и в 1920-х и 1930-х гг. Линнус был директором музея и главой отдела этнографии с 1929 по 1942 год. Своей работой он внес вклад в формирование концепта народной культуры и помог обозначить ее границы, внутри которых эстонские этнографы работали вплоть до начала 1990-х гг. Таким образом, Ф. Линнус был в то время ведущей фигурой в эстонской этнологии.

В данной работе нас, прежде всего, интересует то, как Ф. Линнус стал этнографом. Проанализируем его материалы, созданные во время и после полевых исследований 1920-х гг. В статье будут поставлены следующие вопросы: каковы методы и язык изложения в работах Линнуса? в чем существо его идеи о культуре, этнографии и задачах этнографа?

Что может дать анализ полевых материалов и неопубликованных работ по этнографии? Полевые исследования считаются одним из самых важных аспектов антропологической и этнологической работы. Известно выражение, что, только проведя год в полевых исследованиях, антрополог становится антропологом. Современная этнография основывается почти полностью на полевых исследованиях, в которых проявляются авторитет и надежность исследователя. Если мы посмотрим на историю региональной этнологии в Восточной (и Северной) Европе, то увидим, что значимость полевой работы будет немного различаться, но, тем не менее, считается необходимостью. В связи с фокусированием на прошлой и «собственной» истории (а не на современном сообществе) различные летописи, исторические книги, а также музейные коллекции играют свою роль в процессе формирования этнолога. Вопросы, которые интересуют этнологов, отличаются от тех, что занимают антропологов, концентрирующихся в основном на следах, обнаруженных в крестьянской культуре в поисках исчезнувшей народной культуры. Но проведение полевых экспедиций – чрезвычайно важный аспект, участвующий в формировании ученого. Полевое исследование – это время и место, когда этнолог ощущает сущность самой дисциплины: обязан думать о дисциплине, ее предмете и объекте и о своем соотношении с ней. Полевые записи сделаны на участке исследования или в непосредственной близости от него, а это значит, что они сделаны примерно в одно и то же время с событиями, впечатлениями и взаимодействиями, которые эти записи описывают [1. С. 352]. «Можно сказать, что полевые записи, а не законченная этнографическая работа, предоставляют основные, даже фундаментальные детали этнографической репрезентации: большинство этнографических монографий полагаются или даже пишутся, основываясь на этих первоначальных полевых записях» [1. С. 352]. При анализе полевых записей важно принимать во внимание то, что полевое исследование начинается до того, как исследователь прибудет на участок. «Процесс написания полевых записей часто начинается заранее любого действительного написания: как человек, работающий в поле, относится к “полю” как к участку, где можно сделать наблюдения/записи, так и “взгляд этнографа” принимает определенные качества и происшествия заслуживающими внимание» [1. С. 365].

Предварительно исследователь проходит некоторую подготовку: читает работы по теме, с которой он собирается работать, делает предположения.

При анализе такого вида материала, как полевые записи, мы сталкиваемся с непредвиденными проблемами. Например, при изучении материалов полевых исследований эстонских этнографов, находим, что они написаны в разных жанрах: в полевых дневниках содержатся пространные описания повседневной жизни и людей; есть бумаги и рабочие тетради с этнографическими примечаниями; в особые рабочие тетради занесена информация о собранных предметах; есть этнографические описания, сделанные после полевого исследования, основанные на информации, собранной в ходе экспедиции и написанные для архива музея. Вопросы *почему?* и *как?* были сделаны эти записи, *что?* обусловило их написание, чрезвычайно важны. Исследователь сегодня должен признать, что анализ материалов предыдущего исследователя субъективен; можно только предполагать, правильно ли ты понимаешь записи, может быть, есть что-то скрытое, но важное. Это место для (само-)рефлексивности.

Говоря о Ф. Линнусе и его полевых исследованиях 1920-х гг. (времени, когда он занимался этнографией и начал работать в ЭНМ), нужно отметить, что карьеру полевого исследователя он начинал с археологических изысканий в 1922 г. (в связи с его работой в университете). Первый опыт полевой этнографии был для него объединен с археологическим исследованием, причем последнее на тот момент было более важным. Только в 1924 г. он провел собственно этнографическое полевое исследование, после чего проводил такие работы каждый год до 1928 г., исследуя разные области Эстонии и заграницы. Он был единственным из первого поколения эстонских этнографов, кто контактировал с другими культурами: изучал этнические культуры, помимо эстонцев, – эстонских шведов на о. Рухну* и ливов в прибрежном районе Латвии. Однако больших работ по этим этническим группам он не писал, а только этнографические описания для музейного и личного архива. В 1929 г. Линнус становится директором ЭНМ, а потому сделаем паузу в анализе его этнографической практики.

Что было дисциплинарным контекстом для Ф. Линнуса в 1920-е гг.? Начало 1920-х гг. принесло в жизнь ЭНМ большие изменения: появился его первый директор – финский этнограф Илмари Маннинен, первое собственное здание – поместье Раади вблизи Тарту, и музей начал заказывать и составлять свои коллекции согласно принципам современной музеологии. Музейщики продолжали собирать артефакты, но для более полной картины начали сбор устной информации, касающейся материальной культуры. На этой основе появились этнографические описания. В целом этнографические описания ЭНМ – это тексты, стремящиеся к научной сущности и «объективности» и имеющие дело с определенной областью народной культуры. Чтобы содействовать этой работе, И. Маннинен составил первые анкеты о народных костюмах, постройках и обычаях похорон. Так что студенты, отправляясь на полевые исследования, получали точные инструкции о том, что считать достойным описания. Хотя работник музея большую часть

* Остров Рухну (швед. Runö; 11,9 км2) расположен в Рижском заливе Балтийского моря, приблизительно в 100 км от материковой Эстонии. До 1944 г. был населен этническими шведами.

своего времени тратил тогда на практическую деятельность, музей был нацелен на развитие научной деятельности (так, первый Ежегодник ЭНМ будет издан уже в 1935 г.) и сумел открыть постоянную действующую выставку эстонской народной культуры в 1927 г.

И. Маннинен был первым, кто определил и сформулировал основные цели развития эстонской этнографии [3]. Благодаря его работе Эстония разделила точку зрения на этнографию, доминировавшую в Финляндии. Ссылаясь и на описательное, и на сравнительное изучение предметов материального культурного наследия, ученый сосредоточился на поисках культурных влияний соседних народов с целью дать полный обзор эстонского материального наследия, следуя типологическим и историко-географическим принципам; изучить народную культуру малых народов в Эстонии, соседствующих и родственных народов. Мысли И. Маннинена демонстрируют точку зрения и этнографическую практику той эпохи и определяют правила, которых затем придерживались его последователи.

Таким образом, можно сказать, что темы и вопросы, затронутые Ф. Линнусом в его первых полевых исследованиях, не были его собственными научными интересами или инициативами, они были даны музеем (и И. Манниненом). Линнус ставил вопросы во время своего полевого исследования, но это не значит, что он знал ответы на них.

Как сам Ф. Линнус описывает свою работу? Можно выделить пять целей: сбор информации, представление полной картины, создание и использование фотоснимков, наблюдение. Во время первого полевого исследования Линнус подчеркнул значимость сбора артефактов, но это можно понять, так как он был отправлен музеем, заинтересованным в пополнении фондов. Концентрируясь на сборе информации, исследователь не находит достаточного времени на опрос людей обо всех аспектах прежней культуры, хотя это и ожидается от него – дать полную картину, основанную на анкетах. Линнус обозначил важность получения фотоснимков во время полевой работы (в его дневниках часто встречаются заметки об этом), и он использовал их в этнографических описаниях как свидетельства и иллюстрации. Но фотографии не были инструментом, посредством которого можно было описать народную культуру. Особое значение Линнус придавал наблюдению и включенному наблюдению, отводя этому методу превалирующее место в полевых исследованиях после третьего года практики. Знание о культуре/культурном аспекте для него является более важным и показательным. Цель исследователя – полное описание народной культуры, и наблюдение было лучшим методом. Когда оно было невозможно, исследователь опирался только на общее знание.

В зависимости от цели экспедиции, Ф. Линнус определяет себя как работника музея, собирателя или исследователя, изучающего народную культуру. Последнее определение превалирует в его поздних полевых экспедициях в Эстонии 1920-х гг., когда он посетил о. Хийумаа и Северную Эстонию и среди прочих вещей хотел узнать о женском ремесле, например, и получить как можно больше сведений об этом феномене. Его интересуют функции и конструкция предмета, а для этого он реально осваивает это ремесло. Понятно, что изучение избранного

ареала заняло центральное место, когда у Линнуса стало больше времени, чтобы сконцентрироваться и проводить больше времени на месте исследования.

Первые этнографические описания представляют Ф. Линнуса как сомневающегося и в чем-то неуверенного этнографа. Он чувствовал недостаточность времени, чтобы сделать адекватные и полные исследования: он недоволен собой. Когда в 1923 г. он должен был сбалансировать свою работу между этнографией и археологией, у него не осталось времени, чтобы сосредоточиться на народной жизни; затем в 1924 г., во время написания работы о жизни эстонских шведов на о. Рухну, он чувствует, что ему нечего сказать, так как всего год назад было опубликовано обширное исследование шведа Эрнста Кляйна [2], хотя Линнус был первым эстонцем, пишущим в Эстонии об этой этнической группе. Позднее его уверенность вырастет, но он останется достаточно самокритичным в своих этнографических описаниях. Отмеченные психологические аспекты Линнуса, становящегося исследователем, очевидны в его полевых материалах, и в том, как он пишет о культуре или как достигает своих целей, указанных выше. Для Линнуса важно передать всю информацию, которую он получил о том или ином явлении, и своего мнения по этому поводу он не высказывает, оставляя вопрос открытым. Это показывает, что этнографическое описание не было для него основным методом. Таким образом, он рефлексивен относительно своих собственных работ в поле и во время их написания. Я полагаю, что он даже более рефлексивен по сравнению с другими стипендиатами, которые составили этнографические описания для ЭНМ в 1920-х гг.

В этнографических описаниях Ф. Линнуса проявляется его противоречивость относительно обращения с информантами. Я бы сказала, что его отношение к информантам зависело от того, насколько глубокое и насколько «научное» описание он сможет составить. Когда у него мало информации об описываемой культуре, он часто предоставляет личные примеры. При сравнении его системы ссылок на информантов в материалах полевого исследования и этнографических описаниях с опубликованными статьями, становится очевидным, что ссылки на конкретных людей обеспечивают объективность для Линнуса в первом случае, но когда он пишет статьи, то его собственное мнение становится более авторитетным и личный уровень информантов исчезает. Для Линнуса важно, чтобы человек сам имел близкий контакт с изучаемым феноменом. Интересно также, что у Линнуса были ключевые информанты в Рухну и среди ливов, но их не было во время полевых исследований среди эстонцев. Их знание было гарантией и предоставляло возможность контролировать информацию, полученную от других. Но среди эстонцев осуществлять контроль можно было и при помощи информации, полученной из многих мест. Причина – в малости общностей Рухну и ливов, а для Линнуса это, безусловно, была «другая» культура, в которой он не чувствовал себя экспертом.

Когда Ф. Линнус пишет об аспектах эстонской народной культуры в определенной области, он пытается получить информацию о прошлом (как все было «в старые времена», «в самые старые времена» и т.д.), но в то же самое время он сравнивает и устанавливает связи с настоящей, современной культурой. Он выражает свое мнение касательно народных костюмов и их прошлого,

приводя таким образом значимые суждения, извлеченные, вероятно, из дискурса модернизма:

На сегодняшний день народные костюмы не носятся нигде на Хийумаа[*]*.Они вышли из использования примерно 30 лет назад. […] Некоторые части костюма, матерчатые головные уборы, свадебные венки, юбки можно найти почти в каждой семье, однако полные костюмы встречаются редко* [EA 9. С. 37].

Он ищет чего-то, что будет истинной народной культурой: *в основном все съедобные дикие животные идут в пищу. Только сектанты, которых достаточно много на Хийумаа, имеют особое мнение относительно этого, но так было не всегда* [EA 9. С. 157]. По каким-то причинам Линнус не считает, что отношение сектантов может быть истинной народной культурой.

Ф. Линнуса интересует прошлое народной культуры, и поэтому он ищет пожилых мужчин и женщин в качестве информантов: *самым старым головным убором, о котором сейчас еще помнят, является чепец, который носили и мужчины и женщины. […] В последнее время его носят некоторые пожилые женщины, и мать хозяина дома на ферме Соони, расположенной в деревне Калли общины Коонга в приходе Микхли, которой более 70 лет, показала одному из подписчиков этот головной убор* [EA 11. С. 47].

Тем не менее, шляпы были старее, чем тряпичные головные уборы. Жена хозяина фермы Соони, которой больше 50 лет, надевала ее только по воскресеньям, ее мать и бабушка также редко надевали эту шляпу по будням. В достаточно старые времена эту шляпу также носили [EA 11. С. 49]. Ссылаясь на мать и бабушку информанта, Линнус делает акцент на непрерывности и долговечности описанного феномена.

Но когда Ф. Линнус обсуждает другие аспекты народной культуры, например архитектуру или ограждения, он пишет о том, что видел сам на месте. Он пытается передать общее представление о распространении различных стилей, но не заглядывает ни в типологию, ни в последовательность развития. Последний аспект, в принципе, не является его задачей, когда он анализирует только одну область и остается на уровне этнографического описания, основанного на его полевом исследовании. Когда он говорит о сельском хозяйстве на о. Хийумаа, то уделяет внимание современным разработкам и предполагает, что вскоре оно начнет выходить из своего примитивного состояния: *Техники сельского хозяйства достаточно примитивны на Хийумаа. […] Надо надеяться, что ближайшее окружение начнет следовать примеру этого* (одна определенная ферма в деревне) [EA 9. С. 205, 217].

В анкетах, используемых Ф. Линнусом и составленных И. Манниненом, наблюдаемые феномены считались старого происхождения, однако исследователь мог столкнуться и с другим знанием. Вот, например, информация о лыжах в северной Эстонии:

Их все еще достаточно редко можно встретить в северной Эстонии; это больше единичное явление у лесных сторожей, охотников и т.д. Использование лыж в последние годы можно объяснить влиянием спортивного движения,

[*] Остров Хийумаа (989 км^2) – второй по величине из островов, принадлежащих Эстонии.

которое заставляет мальчиков и молодых мужчин в сельской местности делать лыжи самостоятельно. Однако лыжи использовались достаточно долго в некоторых местах [EA 11. С. 223].

Но когда Ф. Линнус описывает культуру эстонских шведов на отдаленном острове, он пытается показать полную картину их современной жизни (со ссылками также в прошлое). *Небрежность по отношению к фермерству на Рухну, описанная например Руссвурмом (Eibofolke II, pp.16)*[*] *в старые времена, сейчас не видна. В предыдущие десятилетия живой интерес к развитию сельскохозяйственных приспособлений был очевиден. Они описаны в следующих параграфах* [EA 7. С. 635].

Не использовались лестницы для стогов. Только в 1924 году Исак Исакс сделал пару лестниц для пастора; они были первыми в Рухну. Жители Рухну видели лестницы и их использование на «большой земле», но они не считали их необходимыми на Рухну [EA 7. С. 667].

Ф. Линнус обращает внимание на общественную сторону жизни на Рухну, говоря о событиях, случившихся в последние годы. Он не слишком ограничивает себя в описании народной культуры Рухну. Думаю, это связано с потребностью и возможностью отдалить себя как исследователя от своего объекта (сравнимо с изучением эстонцев, будучи эстонцем) и в то же время от своего окружения как интеллектуала, живущего в современном городе.

Но все меняется, когда мы говорим о ливах, которых Ф. Линнус посещал неоднократно (1927–1928). В своих заметках, кажется, что он пытался ухватиться за прошлое тем же образом, что и при изучении эстонцев. Линнус редко упоминает о современной жизни ливов. Он поехал изучать ливов в связи с подготовкой своей диссертации о старой традиции пчеловодства у эстонцев и ливов, но И. Маннинен попросил его также «сделать для науки настолько полное описание, насколько это возможно о материальной культуре этих родственных народов, так мало изученных прежде» [EAA.2100.2.564: 2]. Возможно, это – причина, почему Линнус сосредоточился в своем полевом исследовании на прошлой культуре ливов, и в то же время мы не можем игнорировать историческое прошлое ливов в 1920-е гг. и до этого (депортация из домов во время войны и возвращение после ее окончания, подъем национального движения среди них в 1920-е гг., проблемы ассимиляции с латышами, создание собственной народной/национальной культуры и т.д.).

Три полевых исследования среди ливов в 1927 и 1928 гг. (вместе они заняли у Ф. Линнуса семь месяцев) являются исключительными в истории эстонской этнологии. Работа его была единственной, проведенной эстонцами среди финно-угорских народов в 1920-е и 1930-е гг. Он написал свыше 1000 страниц этнографических описаний и свыше 1000 страниц статей с заметками по этнографии, фольклористике и лексике; он собрал 50 артефактов и сделал 200 фотографий. Уже при своем первом полевом исследовании Линнус понял, что нет возможности достаточно изучить традицию пчеловодства, но он чувствовал, что обязан «сохранить» народную культуру ливов в ее целостности. Хотя он и мечтал опубликовать «Этнологию ливов» и как можно скорее закончить свою

[*] Здесь Ф. Линнус ссылается на книгу *Russwurm K. Fr.* Eibofolke oder die Schweden an der Küste Esthlands und auf Runö, eine ethnographische Untersuchung mit Urkunden, Tabellen und litographirten Beilagen. Reval, 1855.

диссертацию, но его обязанности как директора музея с 1929 г. оставляли мало времени для научной работы. Он защитит свою докторскую диссертацию в 1938 г. (Старое пчеловодство в Эстонии, I), но «Этнография ливов» все еще будет в состоянии рукописи.

В материалах полевого исследования Ф. Линнуса 1920-х гг. концепт эстонской национальной культуры не подвергается четкому обсуждению, так как уровень генерализации относился к одной особой области. Его работа строилась исходя из вопросов о распространении и развитии определенного явления народной культуры, либо он просто описывал то, что слышал, ощущая в то же время неудовлетворенность от поверхностности. Его мысли об эстонской национальной культуре будут детально разработаны им в следующем десятилетии на более абстрактном уровне (например его книга «Die materielle Kultur der Esten», 1932).

Анализ полевых материалов показывает содержание этнографической работы этнографов прошлых лет и таким образом выявляет дисциплинарные практики. Цель полевого исследования, теоретический и методологический опыт и научный дискурс определяют, какой тип материала будет создан во время полевого исследования и после него. Эти материалы показывают, как исследователь видит объект своего изучения и себя в качестве ученого. Полевая работа Ф. Линнуса обнаружила его противоречивое отношение к концепту культуры и значению/цели этнографии; чувства сомнения, ненадежности и неудовлетворенности говорят о его самокритичности. Как этнограф он имел идеалистическое представление о полевом исследовании и о том, какими должны быть этнографические описания, что не согласовывалось с реальностью, с которой он столкнулся во время экспедиций. Цели Линнуса в изучении народной культуры и проведении полевых исследований очевидны в его заметках. Эти материалы сами по себе показывают, что способ описания (изложения) является объектом, поэтому, когда он создается, то становится самостоятельным источником знания.

ИСТОЧНИКИ

EA 7 = Ethnographic Archive. Volume 7. Estonian National Museum (ENM).

EA 9 = Ethnographic Archive. Volume 9. ENM.

EA 11 = Ethnographic Archive. Volume 11. ENM.

EAA.2100.2.564:2 = Estonian Historical Archives. The University of Tartu of Estonia Republic. Personal Records. Faculty Members. Ferdinand Linnus.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Emerson, Robert M., Rachel I. Fretz & Linda L. Shaw.* Participant Observation and Fieldnotes // Handbook of ethnography. Eds. by Paul Atkinson, Amanda Coffey, Sara Delamont. SAGE Publications, 2007. pp. 352–368.

2. *Klein E.* Runö. Folklivet i en gammal svensk by. Uppsala: J. A. Lindbland, 1924.

3. *Manninen I.* Etnograafia tegevuspiiridest ja sihtidest Eestis // Eesti Kirjandus. 1924. Vol. 12. P. 527–537.

Поступила в редакцию 7.07.2011

M. Nõmmela

Becoming an ethnographer. Fieldwork by Ferdinand Linnus in the 1920s.

The article deals with fieldwork materials as important sources in analysing the ethnographic practice of previous researchers. Ferdinand Linnus belongs to the first generation of Estonian ethnologists, he was the first who defended his doctoral dissertation in Estonian ethnology and he was the director of the Estonian National Museum in the 1930s. The analysis of his fieldwork materials from the 1920s exposes his ambivalent understanding of discipline and the concept of folk culture and shows that Linnus was a self-critical student of ethnography who had an ideal perception about fieldwork and about the way ethnographic descriptions should be written that confronted with the reality he was faced with during fieldworks.

Keywords: Estonian ethnology, fieldworks, Ferdinand Linnus, ethnographic practice, knowledge production.

Марлэен Нымме́ла,
университет Тарту
Эстонский Национальный Музей
г. Тарту
E-mail: marleen.nommela@gmail.com

Marleen Nõmmela,
University of Tartu
Estonian National Museum
Tartu
E-mail: marleen.nommela@gmail.com

УДК 394:323.1

А. Б. Мясникова

ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ВНИМАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИННО-УГОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Рассмотрены предпринимаемые финно-угорским движением меры для сохранения языков финно-угорских народов России, расширения сферы их функционирования, повышения языковой компетенции молодежи. В основу положены материалы региональных национально-культурных организаций российских финно-угров и Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Ключевые слова: финно-угорский мир, финно-угорские языки, финно-угорское движение.

Как известно, понятие «финно-угорский мир» подразумевает прежде всего языковую солидарность наций, народов и народностей, говорящих на финно-угорских языках. Финно-угорские языки как одна из составляющих уральской языковой семьи уже более 200 лет исследуются лингвистами, литературоведами, этнографами, благодаря чему стали известны история, традиции и обычаи, религиозные верования носителей этих языков, их связи друг с другом, географическое расположение и пути миграций. При этом принимаются во внимание особенности этнического и социокультурного развития представителей финно-угорского мира.

Болезненным парадоксом на рубеже XX–XXI вв. именно в сфере языка как базового элемента международного финно-угорского движения явились тревожные симптомы, связанные с сужением сферы его функционирования, понижением его статуса, сокращением числа носителей языков, что в первую очередь касается российских финно-угров. Материалы Всероссийской переписи населения (2002) показали, что число жителей России, владеющих финно-угорскими языками, с 1989 г. сократилось и составило менее 2 млн. человек [1]. Процессы урбанизации и ассимиляции, снижение демографического (количественного и качественного) потенциала, сокращение образования на родных языках и т.д. – основные тому причины.

Надо отметить, что угроза исчезновения актуальна не только для финно-угорских языков России. По словам Д. Харрисона, автора книги «Когда умирают

языки», «скорость вымирания языков в настоящее время беспрецедентна. Языки исчезают быстрее, чем виды животных и растений: под угрозой находится более 40 % языков, 8 % – видов растений и 18 % – млекопитающих» [2]. Я. Анхава утверждает, что половина из языков мира исчезнет, по всей видимости, уже в следующем поколении ввиду малочисленности говорящих или возрастной границы: от среднего возраста говорящих к детям и молодым язык не переходит, что, по выражению автора, равносильно «языковой этнокатастрофе» [3. С. 28].

Исходя из сказанного, проанализируем меры и действия, предпринимаемые международным финно-угорским движением для сохранения языков финно-угорских народов России, расширения сферы их функционирования и повышения языковой компетенции молодежи. Небезынтересно и выявление результативности этой деятельности, отраженной в материалах региональных национально-культурных организаций российских финно-угров и Всемирных конгрессов финно-угорских народов.

Институциональное оформление международное финно-угорское движение получило на I Всемирном конгрессе (декабрь 1992 г., Сыктывкар). Этому предшествовало несколько событий, заложивших или укрепивших уже сложившиеся научные, образовательные и этнокультурные основы финно-угорского мира.

Начиная с состоявшегося в Будапеште первого Международного конгресса финно-угроведов (1960), раз в пять лет ученые, исследующие языки и культуры финно-угорских народов, собирались на форумы для подведения итогов своих научных исследований и определения наиболее актуальных задач на следующие пять лет. Научное финно-угроведение явилось своего рода теоретической базой, помогающей выявлять болевые точки в жизнедеятельности и жизнеобеспечении финно-угорских народов, выстраивать тактику действий лидеров и активистов финно-угорского мира на среднесрочную перспективу.

В 1990 г. в Финляндии было основано Общество М. А. Кастрена, человека, благодаря научному подвигу которого, по словам З. Топелиуса, «забытые народы на далеком востоке и в северных захолустьях… стали видны всему миру. Человечество узнало языки, древние памятники народов, этнически близких финнам» [4]. Условиями создания Общества явились глубокие изменения, начавшиеся в России и Восточной Европе и открывшие новые возможности для налаживания контактов между Финляндией и проживающими в России народами, говорящими на уральских языках [5. С. 5]. С первых лет деятельности этого Общества основным предметом его внимания стал язык (любой из финно-угорских), которому нужна срочная помощь для его сохранения и развития. Именно из таких соображений, к примеру, Общество профинансировало подготовку и издание учебного пособия по истории удмуртского народа для 5–7 классов «Даур куара» (Глас веков) на удмуртском языке (Ижевск, 1998).

В 1991 г. силами Союза писателей Финляндии и Общества М. А. Кастрена была проведена конференция литераторов на тему «Родной язык – моя родина». С тех пор финно-угорские писатели разных стран через каждые два года встречаются для обсуждения насущных проблем, в том числе перевода и издания трудов финно-угорских авторов как на их родных языках, так и на русском или другом финно-угорском.

В российско-финляндском «Договоре об основах отношений» (январь 1992 г.) стороны взяли на себя обязательства поддерживать сохранение самобытности финнов и родственных финнам народов и национальностей России. Была выработана Программа действий для поддержки родственных финнам народов России и их культур, в которой отмечалось, «…наиболее целесообразным представляется развитие и улучшение существующих контактов и поощрение зарождающейся среди народов деятельности по возрождению национальных ценностей» [6. Л. 21]. «Декларация о принципах сотрудничества по обеспечению национальных или этнических религиозных и языковых меньшинств» (ноябрь 1992 г.), подписанная Венгерской Республикой и Российской Федерацией, а также запущенная Эстонскоя Республикой (1999) Программа родственных народов, по которой более 150 молодых российских финно-угров получили возможность обучаться в вузах Эстонии по разным специальностям (включая финно-угорское языкознание, этнологию, журналистику, культурологию, фольклористику), явились реальными шагами для подготовки кадров высшей квалификации, для издания научной, учебной, учебно-методической и художественной литературы на родных языках.

Большой пласт документов Международного финно-угорского движения подтверждает остроту языковой проблемы российских финно-угров. В Регламенте Всемирного финно-угорского конгресса в качестве одной из целей движения прописано «противодействие процессам языковой и культурной ассимиляции финно-угорских народов». На каждом из пяти Всемирных конгрессов тема возрождения, сохранения родных языков звучала как одна из наиболее важных.

I Всемирный конгресс отметил необходимость разработки нормативных актов и программ, направленных на сохранение и развитие языков и самобытных культур народов [7. С. 61]. Здесь же было принято «Обращение к Парламентариям и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав», «…принять законы о языках… принять государственные программы развития и функционирования культур и языков финно-угорских народов» [8. Л. 9–10].

На II конгрессе, прошедшем в 1996 г. в Венгрии, остро прозвучал вопрос о финансировании издания учебников, методических пособий, детской художественной литературы, преподавания на родном языке [9. С. 217]. Языковая проблема рассматривалась в рабочей секции «Культура и образование».

На III конгрессе в секции «Культура и образование» проблема языка рассматривалась как одна из главных основ существования народа. В решениях конгресса был поставлен вопрос о создании необходимых условий для реализации права человека на получение образования на родном языке, что требует расширения сети образовательных учреждений, «осуществляющих обучение родным языкам (от начального до высшего образования)…», укреплять их материально-техническую базу [10].

Делегаты IV Всемирного конгресса еще раз подчеркнули необходимость ратификации Российской Федерацией Европейской хартии о защите региональных языков и языков меньшинств. Было выражено несогласие с практикой закрытия так называемых «малокомплектных школ» на территориях проживания финно-угорских меньшинств [11].

Делегаты V Всемирного конгресса призвали органы государственной власти создавать условия для формирования реального двуязычия с использованием при изучении родных языков современных информационных и образовательных технологий, а также содействовать расширению контактов между школами регионов и стран проживания финно-угорских и самодийских народов [12].

В решении языковых проблем российских финно-угров живое участие принимает также Консультативный комитет международного финно-угорского движения. При его содействии ежегодно проводятся семинары, конкурсы, фестивали. Так, в 1993 г. в Ижевске прошел семинар по проблемам государственности, конституции и функционирования языков в финно-угорских регионах Российской Федерации. Участники его обратились к Консультативному комитету с рядом рекомендаций: выйти к правительствам финно-угорских государств с предложением о проведении совместных семинаров по проблемам функционирования языков, для обмена научно-методическими материалами по преподаванию родных языков, а также для совместной подготовки специалистов высшей квалификации [13. Л. 8].

При поддержке Консультативного комитета в 2005 г. прошли конференции в Ижевске («Проблемы функционирования языков»), Саранске («Взаимодействие языков и литератур в финно-угорских регионах РФ»), Петрозаводске («Проблемы создания учебников на родных языках»). В 2007 г. в Карелии состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы». В резолюции подчеркивалась необходимость расширения сферы функционирования карельского языка и традиционной карельской культуры, принятия совместно с органами местного самоуправления специальных мер, направленных на соблюдение непрерывности изучения карельского языка как родного на всех уровнях образовательного процесса. В числе важнейших задач названы подготовка и принятие нормативных правовых актов, регламентирующих механизм государственной поддержки карельского языка в республике. В ноябре 2010 г. в Саранске прошла промежуточная (между уставными Всемирными конгрессами финно-угорских народов) конференция, на которой председатель Консультативного комитета В. Марков сделал отчет о ходе реализации решений V конгресса, было принято решение провести очередной (VI-й) Всемирный конгресс в 2012 г. в Венгрии – под рабочим названием «Язык, идентичность и народ».

Реализация принципа равноправия и самоопределения народов, лежащего в основе федеративного устройства страны, в сфере языковой политики нашла свое выражение в п. 2 ст. 68 Конституции России. Законодательные органы республик могут принимать законы о государственных языках, которые применяются в органах государственной власти, ведомствах и учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации.

Пункт 3 ст. 68 Конституции РФ гарантирует «всем народам страны право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Такое право закреплено и в Конституциях республик РФ.

В ряде «финно-угорских» республик воспользовались конституционным правом законодательной инициативы в сфере языковой политики. В 1992 г.

в Коми был принят закон «О государственных языках Республики Коми», затем подобный закон приняли республики Марий Эл (1995), Мордовия (1998), Удмуртия (2001) и Ханты-Мансийский АО (2001). Благодаря этому в перечисленных субъектах РФ так называемые «титульные» языки получили статус государственных, наряду с русским. Расширились возможности использования родных языков в учебно-образовательном и воспитательном процессе (не только как предмета изучения, но и как языка обучения), а также в этнокультурной деятельности и в СМИ [14. С. 562].

В двух «финно-угорских» субъектах РФ статус государственных языков, помимо русского, признан за двумя литературными языками: в Марий Эл – марийским горным и луговым, в Мордовии – мордовским мокшанским и эрзянским.

Закон Республики Карелия «Об образовании» (1992) гарантирует создание условий для получения основного общего образования на родном языке для представителей коренных и малочисленных народов, но в организации процесса изучения карельского и вепсского языков в школах много проблем, что вызывает негативную реакцию родителей, учителей и общественности [15]. Принятый в 2004 г. закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в республике Карелия» не предусматривает придания ни одному из них статуса государственного.

Отсутствие единого литературного языка у мордвы, марийцев, карел – серьезнейшая проблема современности, фактор, ослабляющий витальность как языков, так и их носителей. Следует согласиться с мнением А. Барта о том, что «язык – это живой организм, пусть будут у марийцев луговой и горные языки, развиваются мокшанский и эрзянский языки. Но нужно их приближать, а не насиловать, главная цель, к которой нужно стремиться, – это создание единого литературного языка каждого народа» [16. С. 22–23].

Почти у каждого народа мира на основе диалектов родного языка раньше или позже сформировался единый литературный язык, как индикатор высокого уровня развития и символ единства, как вершина, доминанта своей культуры.

Председатель Ассоциации финно-угорских народов РФ М. В. Мосин считает, что создание из близких языков-диалектов мордовского языка двух литературных норм ослабило позиции обеих сторон, привело к минимизации их функциональности, тогда как единый литературный язык облегчил бы переход от одностороннего мордовско-русского двуязычия к двустороннему двуязычию: мордовско-русскому и русско-мордовскому. Только на этом пути можно поднять престиж единого мордовского языка.

Противники идеи единого литературного языка апеллируют к «уникальности» двух норм, ссылаются на то, что при создании единой нормы мордва потеряет оба языка, а за ними – и себя. В опровержение подобных идей можно вспомнить ситуацию с третьим мордовским диалектом – шокшанским. Его носители проживают в нескольких поселениях, дети в школе изучают мокшанский литературный язык, овладевают им без особого напряжения, а повседневным разговорным языком остается шокшанский диалект [17].

В «финно-угорских» республиках и Ханты-Мансийском АО планомерно готовятся национальные кадры для школ, вузов, учреждений культуры и средств

массовых информаций. К примеру, национальная интеллигенция ханты и манси проводит исследования в области истории этнологии, археологии, языкознания. Комплексное изучение обско-угорских языков на территории Югры осуществляют два научных центра: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок и Институт языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета [18. С. 4].

Активно издается художественная литература, выходят периодические издания (газеты, журналы), учебная, учебно-методическая литература на национальных языках. К примеру, в Мордовии за последние годы опубликованы новые учебники на мокшанском и эрзянском языках для 2–4-х классов «Математика» и «Мир вокруг нас», интегрированные учебники по эрзянскому языку, программы и учебные пособия «Мокшанский язык», «Эрзянский язык». Учебные предметы «Эрзянский язык», «Мокшанский язык», «Мордовская литература», «История и культура родного края» входят в обязательную часть республиканского базисного учебного плана для общеобразовательных учреждений Мордовии.

В Удмуртии с 2000 г. издано более 50 наименований учебников и пособий регионального комплекта. Наиболее интересны из них «Удмуртско-русско-английский картинный словарь» для младших школьников (А. Н. Журавлева), учебно-методические альбомы о жизни и творчестве народных художников Удмуртии С. Н. Виноградова и П. В. Елкина (В. О. Гартиг, А. И. Поляк).

На протяжении нескольких лет в России используется метод «языкового гнезда», разработанный в Финляндии специально для поддержки инарисаамского языка. Суть этого метода заключается в раннем и полном языковом погружении детей в языковую среду, где общение ведется исключительно на национальном языке. Дети, даже если на первых порах ничего не понимают, довольно быстро, уже в течение нескольких месяцев, схватывают все существенное. Они, естественно, могут разговаривать на том языке, на котором общались дома, но постепенно в их речи появляются усвоенные в «языковом гнезде» слова и фразы, а со временем – и целые предложения. В 2000 г. в Карелии была открыта первая группа, обучающаяся по методике «языкового гнезда», через 2 года появилась еще одна. Сегодня эта методика реализуется в двух детских группах Петрозаводска: в детском саду № 107 дети общаются на финском языке, в садике № 20 – на ливвиковском диалекте карельского; в обоих учреждениях общение идет по полдня [19].

В Йошкар-Оле функционирует Региональный центр языкового погружения Марийского института образования. С методами такой работы сотрудники центра познакомились в Эстонии. Центр реализует несколько проектов, но говорить об их результатах пока рано, как и о том, насколько методы обучения центра близки к методам языкового гнезда. В Эстонии к подобному методу обращаются при обучении русскоязычных детей государственному эстонскому языку.

Особую роль в сохранении языков эксперты, преподаватели, а также активисты финно-угорского движения отводят школе. К сожалению, «перманентное» реформирование российской системы образования вызывает больше тревожных вопросов, нежели надежд на расширение преподавания национальных языков. Разделяя беспокойство о здоровье ребенка и желание

оградить его от излишней учебной нагрузки, тем не менее, трудно понять ее снижение в основном за счет национально-регионального компонента в учебных планах, что превращает изучение языков в факультативные занятия. Опрос учителей карельских школ показал, что большинство из них считает возможным повышение языковой компетенции учащихся за счет увеличении часов, отводимых на изучение языков, хотя при этом сами же указывают, что школы к таким изменениям не готовы [20. С. 32–33]. Довольно распространено мнение о переходе к обязательному изучению национальных «титульных» языков всеми учащимися средних школ. Противников немало, в том числе среди филологов, которые считают, что «обязательность изучения есть лишь охранная норма» [21. С. 16], которая едва ли повысит престиж малочисленных языков и изменит ориентацию от языка референтной (в основном – русской) группы к миноритарному языку.

Преобладающая часть идей и проектов, связанных с проблемой сохранения малочисленных языков, основывается на концепциях лингвистической экологии, суть которых сводится к идее сохранения всех языков, во что бы то ни стало. По мнению В. М. Алпатова, сторонники этих концепций признают допустимыми любые меры и не всегда склонны считаться с мнением самих носителей языков: «Впрочем, ссылка на “народное мнение” встречается часто, но обычно “мнение народа” при этом отождествляется с мнением его национально ориентированной интеллигенции. Но всегда ли они совпадают? Ведь утеря этнического языка может восприниматься как явление вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов» [22. С. 79].

Тем не менее в связи с расширением социальных функций финно-угорских языков России (хотя бы благодаря тому, что они стали государственными) заметно развиваются и обновляются их лексические системы, в значительной степени – благодаря использованию внутренних ресурсов самих языков [23. С. 25]. В коми языке появилось около 2 тыс. новых слов, и такое масштабное словотворчество неоднозначно воспринимается самими носителями языка, о чем свидетельствует недавняя дискуссия коми филологов, получившая широкое общественное звучание. Так, О. И. Уляшев крайне негативно оценивает результаты обогащения лексической системы современного коми языка, охарактеризовав ее как китайскую грамоту, которую отказываются принимать и понимать рядовые пользователи языка. Выпуски «Новое в коми лексике» он называет «никуда негодными лексиконами, убивающими коми язык» [24]. Нечто подобное можно услышать и от удмуртских читателей, сетующих на то, что в журнальных, газетных публикациях многие слова им совершенно непонятны. И все-таки, на наш взгляд, так называемое «словотворчество» необходимо продолжить, причем обогащать лексику за счет не только новых слов, но и возрождения забытых, а возможно, и некоторых заимствований. Сложно представить будущее языка, чья лексическая система не обогащается и не способна отражать реалии современности – научные, социальные, технологические и др.

Резюмируя, можно сказать, что проблема сохранения и развития языков малочисленных финно-угорских народов России не имеет простых решений. Требуется долговременная и кропотливая работа многих специалистов, лидеров и активистов национальных движений. Необходимо понимание непреходящей ценности собственных языков их носителями, реальная заинтересованность в сохранении своего языка.

То, чего удалось добиться российским финно-уграм к настоящему моменту (принятие законов о государственных языках, возвращение национальных языков в дошкольные и школьные учебные заведения, издание учебной и учебно-методической литературы и др.), – это, возможно, немного, но и немало.

Считаем, что языковая проблема не потеряет своей актуальности до тех пор, пока каждое новое поколение не осознает значимости связи с материнским языком, не ощутит его как личный социальный и человеческий ресурс.

П. Бурдье первым применил политэкономическую модель описания общественных отношений, чтобы объяснить, как функционирует язык в обществе, почему тот или иной язык выбирается языком общения, почему люди стремятся освоить один язык и отказываются от другого. Он показал, что язык – это тот же товар, и владение им может быть обменено на материальные блага и положение в обществе.

Люди выбирают тот язык, знание которого дает им социальные преимущества. Обычно престижным считается «большой» язык. Как правило, это язык школьного и высшего образования, его знание обеспечивает карьеру, благополучие. Ситуация, когда с «большим» языком связано представление об экономическом процветании, а с «малым» ассоциируются занятия, не обеспечивающие достойного уровня жизни, ставит под угрозу существование второго [25]. Финно-угорским народам РФ, акторам международного финно-угорского движения необходимо осознавать эту угрозу и прилагать все усилия к тому, чтобы их языки стали языками политики, бизнеса, высшего образования, Интернета и всего остального, что поможет повысить их статус, престиж и соответственно – витальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17

2. Вымирающие языки // «The Independent», Великобритания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inosmi.ru/translation/236705.html

3. *Лехтинен И.* Духовная и материальная поддержка родственных народов // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 2000. № 2 (18).

4. Общество М. А. Кастрена // Удмурт Шаер [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shaer.ru/content/view/6/2/

5. Программа действий по поддержке родственных финнам народов России и их культур // Информационный бюллетень Консультативного комитета финно-угорских народов. 1993. № 2.

6. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 60. Оп. 1. Д. 33.

7. Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав // Парма. 1993. № 1–2.

8. ЦДНИ УР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 33.

9. Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Будапешт, 1996.

10. Резолюция III Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fennougria.ee/index.php?id=16884

11. Резолюция. В области языковых прав и образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fennougria.ee/index.php?id=16817

12. Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fennougria.ee/index.php?id=14480

13. ЦДНИ УР. Ф. 34. Оп. 3. Д. 18.

14. *Габов П. В.* Современный этап национально-языковой политики в Республике Коми // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005.

15. *Строгальщикова З. И.* Вепсы в XX веке // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 1999. № 2 (14) С. 9–13.

16. *Барта А.* Действительность и финно-угорская солидарность // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 1999. № 3 (15).

17. Цит. по: *Мосин М. В.* Единый мордовский литературный язык. За и против // Научно-практическая конференция [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mordvarf.ru/konfsem

18. *Лыскова Н. А., Волдина Т. В., Динисламова С. С., Косинцева Е. В.* Хантыйская и мансийская филология как объект научного освещения в первое десятилетие XXI в. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: итоги и перспективы // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск, 2009.

19. *Кожевникова В.* «Языковых гнезд» в Карелии станет больше. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petrozavodsk.rfn.ru/

20. *Клементьев Е. И.* Роль школы в сохранении языков // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 2005. № 39.

21. *Кудряшова Л.* Коми речь! Терпи, родная // Финно-угорский вестник. Йошкар-Ола, 2005. № 39.

22. *Алпатов В. М.* Что делать с малыми языками? // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября, 2005 г. Тарту, 2006.

23. *Цыпанов Е. А.* Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005.

24. *Уляшев О. И.* Орӧм вужъясысь кыӧн кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4. С. 62–66.

25. *Жирицкая Е.* Современный мир ищет наиболее быстрый и удобный способ коммуникации – это губит культуры многих малых народностей // Новая газета. 2010. № 29. 22 марта.

Поступила в редакцию 17.05.2011

A. B. Myasnikova

Numerically small Finno-Ugric languages of Russia as a subject of attention of the International Finno-Ugric movement

The author examined taken by the Finno-Ugric movement efforts, measures and actions for the preservation of the languages of the Finno-Ugric peoples of Russia, for the expansion of the scope of their operation and for the improving the language competence of youth. This article is based on the materials of the regional national-cultural organizations of the Russian Finno-Ugric people s and World congresses of Finno-Ugric peoples.

Keywords: The Finno-Ugric world, Finno-Ugric languages, Finno-Ugric movement.

Мясникова Алла Борисовна,
аспирант,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
г. Ижевск
E-mail: lekomalla@yandex.ru

Myasnikova Alla Borisovna,
post-graduate student,
Udmurt institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: lekomalla@yandex.ru

УДК 82’282(511.143)

С. Тот

К ВОПРОСУ О МАНСИЙСКОМ НАЗВАНИИ ЖУРАВЛЯ В КОНТЕКСТЕ ХРОНИЧЕСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ В ФИННО-УГРОВЕДЕНИИ

Памяти Ювана Шесталова посвящается

В финно-угроведении нередко наблюдается явление, когда авторитетными авторами и/или в престижных изданиях публикуются неточные или неправильные сведения. К примеру, *стерх* ’журавль’ является не мансийским, как утверждает А. И. Туркин в Linguistica Uralica [1], а русским словом. Аналогично, самый современный эстонский словарь иностранных слов [15, 16] неверно этимологизирует лексему *pelmeen(id)* ’пельмени’ из саамского, в то время как она проникла в эстонский язык из русского, а в русский – из коми и/или удмуртского языков *(пельнянь)*. Мнение выдающихся пермистов Б. Мункачи и Д. Р. Фокош-Фукса, этимологизировавших лексему обоих пермских языков из русского, считаем необоснованным [14]. Стратегической задачей финно-угроведения может стать объявление «святой войны» против распространенной «теории волжской языковой общности», окончательно опровергнутой Г. Берецки.

Ключевые слова: мансийский язык, эстонский язык, пермские языки, русский язык, заимствования, «волжская языковая общность».

Коми языковед А. И. Туркин (1936–1996), рецензируя литературно-художественный журнал (альманах) «Стерх», изданный в 1990-е гг. известным мансийским писателем Ю. Шесталовым (1937–2011), пишет на страницах таллиннского языковедческого журнала «Linguistica Uralica» следующее: «Стерх – так мансийцы [sic! – *С. Т.*] называют белого журавля, редкую ныне птицу» [1. С. 298].

На самом деле *стерх ~ сте́рех ~ стерк* ’белый журавль’ (лат. *Grus leucogeranus*) является не мансийским, как полагает Туркин, а исконно русским словом, хотя и встречается не во всех лексикографических трудах, например отсутствует в «Словаре русского языка в четырех томах» [2. С. 263–264]. Видимо, оно (уже) не входит в основной словарный фонд современного русского языка. Изначально оно обозначало кроме белого журавля (*стерхъ*) [3. С. 61] и аиста: *стеркъ, стыргъ* ’аист’ [3. С. 58, 226], др.-русск. *стьркъ* ’аист’ < ст.-слав. *стръкъ*

[4. С. 758–759]. Мы здесь больше не останавливаемся на анализе семантической, стилистической, этимологической и прочей характеристики данной лексемы, лишь сошлемся на соответствующую литературу [5. С. 471; 6. С. 863].

Следует отметить, что настоящее мансийское название журавля *tāriγ* (*тāрыг*; [7. С. 631; 8. С. 123, 214]; диалектных форм здесь не приводим) в форме *торыг* печаталось на титульном листе всех номеров рецензируемого А. Туркиным популярного издания. У манси есть и музыкальный инструмент, по форме напоминающий журавля, который называется тоже *tāriγ.* Упомянутое мансийское название журавля хорошо известно в финно-угроведении, поскольку оно имеет, по всей вероятности, финно-угорскую этимологию (<**таrз-kз (таrkз)* ’Kranich’ = ’журавль’ [9. С. 513], где «A1s Schwäche der Etymologie gilt der onomatop [sic!] Charakter des Vogelnamens» [10. С. 245]) и соответствия в остальных угорских (хантыйском, венгерском [*daru*]), а также в пермских языках (удм. и коми *туpи*).

Кроме того, *стерх* не может быть мансийским словом по фонотактическим причинам, а именно: в мансийском языке «стечение согласных в начале слова встречается только в тех словах, которые заимствованы из русского языка (*план, звезда, школа*) и в некоторых исконных словах с аллофоном [Kw]/[k°] *kwāliγ* ’верёвка’, *kwārak* ’связка чего-л.’» [11. С. 285], – а лексема *стерх* в мансийский язык не заимствована. Е. Ромбандеева в своей монографии, изданной еще в 1973 г., полностью отвергала появление кластера в анлауте: «В заимствованиях из других языков также ликвидируется сочетание начальных согласных путем: а) перестановки гласного (метатеза) первого слога в положение между начальными согласными, например: *pirkāta* ’бригада’, *портокол* ’протокол’; б) вставки гласного (эпентеза) между начальными согласными: *pirijāmsək* ’приемщик’, *turupka* ’трубка’, *karek* ’грех’; в) постановки гласного (протеза) перед начальными согласными: *iskola (askola)* ’школа’, *iskap (askap)* ‘шкаф’, *istakan (astakan)* ’стакан’; г) отпадение (аферезис) одного из двух начальных согласных или целого слога: *paśipa* ’спасибо’, *ťekla* ’стекло’» [12. С. 35]. Правда, как в ранних, так и в новых словарях, составленных Е. Ромбандеевой или в ее соавторстве, встречаются заимствования, имеющие сочетания согласных в анлауте, см. напр.: *шкаф* (но также *искап*) ’шкаф’, *школа* ’школа’, *шлем* ’шлем’ [13. С. 347]; или также *шкаф* (также *искап* и *аскап*) ’шкаф’ и *шкōла* (но также *искола*) [8. С. 154, 351].

В рамках данного краткого сообщения нами были перечислены для специалистов обско-угорских языков весьма знакомые, даже, можно сказать, элементарные факты. И все-таки мы сочли нужным внести поправку в изложение А. Туркина по двум причинам.

Во-первых, оспариваемое нами высказывание было сделано именно одним из известных финно-угроведов в одном из самых престижных научных периодических изданий. По нашим сведениям, оно до сих пор не было исправлено и его как факт могут воспринимать финно-угроведы, не являющиеся специалистами по обско-угорским языкам.

Во-вторых, такое положение не является исключительным. В финно-угроведческой литературе нередко случается так, что именно авторитетным автором опубликованная неточная (или даже ложная) информация устойчиво передается из издания в издание, без всякой надежды, что она будет когда-то опровергнута.

Именно то, что псевдонаучная информация (или даже дезинформация) исходит от знаменитого ученого или из публикации в престижном издании, способствует ее распространению. Автор данных строк считает важным объявить «святую войну» против циркуляции подобной дезинформации в финно-угроведении.

В качестве примера такого рода «святой войны», в которой победила истина над неверными изложениями определенных престижных справочников в области этимологии, приведем некоторые положения одной статьи [14]. Речь идет о кулинарном термине *пельмень*. Самый современный, крупный и солидный эстонский словарь иностранных слов, в котором предлагаются саамские псевдоэтимоны *pell* ’ухо’ и *nänni* ’хлеб’ [sic!], считает первоначальным источником эст. лексемы *pelmeen(id)* ’пельмени’ почему-то именно саамский язык: «*pelmeen* (vn. [= русск.] *пельмень* < saami k *pell* kõrv + *nänni* leib» (15. С. 747; 16. С. 793). При этом говорится, что блюдо происходит из Сибири («Siberi päritolu» ’сибирского происхождения’), хотя саами (лопари) – известным образом европейцы. Предыдущие – еще советские – выпуски этого же словаря возводят этимологию лексемы совершенно верно к русскому языку («*pelmeenid* (vn. *пельмени*)»; [17. С. 406; 18. С. 474; 19. С. 474; 20. С. 474]. В этих выпусках еще нет ложного северного следа. Данная лексема проникла в эстонский язык действительно из русского, а в русский – из коми и/или удмуртского языков (русск. *пельмень* < *пельнянь* < коми/удм. *пельнянь* < *пель* ’ухо’+ *нянь* ’хлеб’), где она является, вероятно, наследием из пермского праязыка-основы. В связи с этим позицию выдающихся венгерских пермистов Б. Мункачи и Д. Р. Фокош-Фукса, которые отнесли лексемы обоих пермских языков (*пельнянь*) к русским заимствованиям [21. С. 548; 22. С. 738], следует считать необоснованной.

В качестве стратегической задачи финно-угроведения следовало бы противостоять очень распространенной теории, или, скорее всего, суеверию о «волжской языковой общности» (то есть, о единстве мордвы и марийцев). Несмотря на некоторые общие черты марийского и мордовских языков [см., напр.: 23. С. 15–17] – ее, вслед за финским ученым Э. Н. Сетяля (Setälä), многократно опровергал известный венгерский профессор Г. Берецки [24; 25. С. 314–315], но до сих пор она часто фигурирует в различных справочниках и на «языковом древе», на котором изображаются взаимосвязи уральских языков.

Видимо, не только в области культуры, но и в науке господствуют некие мемы, которые не нуждаются в объяснении и в подтверждении и которые, несмотря на всякую противоаргументацию, остаются весьма устойчивыми. В конце концов, наука является социальным феноменом, и поэтому в ней далеко не всегда действуют только свои принципы, но и общие социологические и психологические законы. Ведь опровергать утверждения авторитетных личностей и/или изданий возьмется далеко не каждый ученый, хотя именно такого рода «конфликт» и является сутью науки. Это происходит далеко не всегда из-за прагматических представлений (иными словами, из-за сугубо архаичного общинного или, как максимум, феодального характера мира науки, включая финно-угроведение), а ввиду одной из онтологических черт науки как таковой, а именно: наука работает с аксиомами. А что считать аксиомами, если не утверждения именно авторитетных личностей, опубликованных в солидных изданиях?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Туркин А*. Финно-угорские периодические издания // Linguistica Uralica. 1994. Vol. 30. С. 298–301.

2. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 4. М.: Изд-во «Русский язык», 1984.

3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.: Наука, 2008.

4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.

5. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Томъ IV. Второе изданіе. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1868.

6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 14. М.–Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.

7. *Munkácsi B., Kálmán B*. Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.

8. *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л.: Просвещение, 1982.

9. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988.

10. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Band 1. Herausgeber: Loránd Benkő, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

11. *Ромбандеева Е. И.* Мансийский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

12. *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973.

13. *Ромбандеева Е. И.* Русско-мансийский словарь для мансийской школы / Под ред. А. Н. Баландина. Л.: Учпедгиз, 1954.

14. *Тот С.* Лексема пельмени как опосредованный пермизм в эстонском и латышском языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., г. Пермь). Пермь: Пермск. гос. пед. ун-т, 2006. С. 316–328.

15. *Vääri E. – Kleis R. – Silvet J.* Võõrsõnade leksikon. Parandanud ja täiendanud Eduard Vääri. Tallinn: Valgus, 2000.

16. *Vääri E. – Kleis R. – Silvet J.* Võõrsõnade leksikon. Tallinn: Valgus, 2006.

17. *Kleis R. – Silvet J. – Vääri E.* Võõrsõnade leksikon. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1961.

18. *Kleis R. – Silvet J. – Vääri E.* Võõrsõnade leksikon. Tallinn: Valgus, 1978.

19. *Kleis R. – Silvet J. – Vääri E.* Võõrsõnade leksikon. Tallinn: Valgus, 1979.

20. *Kleis R. – Silvet J. – Vääri E.* Võõrsõnade leksikon. Tallinn: Valgus, 1983.

21. *Munkácsi B*. Lexicon lingvae votiacorum. A votják nyelv szótára. Budapest: M. T. Akadémia, 1896.

22. *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959.

23. *Serebrennikov B.* Keele ajalugu ja rahva ajalugu (soome-ugri keelte materjalide alusel) // Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused, I. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1956.

24. *Берецки Г.* Существовала ли праволжская общность финно-угров? // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 24, 1974. С. 81–85.

25. *Bereczki G*. Geschichte der wolgafinnischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Edited by Denis Sinor. Leiden – New York – København – Köln: E. J. Brill, 1988. С. 314–350.

Поступила в редакцию 12.07.2011

Sz. Tóth

On the Mansi Word for 'Crane' in the Context of Chronical Disinformation in Finno-Ugristics

There is an occasional tendency in Finno-Ugric linguistics for inaccurate or false facts to be propagated by well-known linguists and/or prestigious publications. For example, *стерх* 'crane' is not Vogul (Mansi), as Adolf Turkin implies in Linguistica Uralica [1], but Russian. Similarly, the newest Estonian dictionary of foreign words [15, 16] claims that *pelmeenid* 'ravioli, tortellini' is a borrowing from Saami, when in fact it is a borrowing via Russian from either Komi or Udmurt, and the etymology suggested by such prominent specialists of the Permic languages such as Bernát Munkácsi and Dávid Fokos-Fuchs, namely that the Permic word *пельнянь* is a loan from Russian, must also be rejected [14]. The hypothesis proposing the existence of Proto-Volgaic is also still often encountered, though G. Bereczki has convincingly shown that such a proto-language is unlikely to have existed.

Keywords: Vogul (Mansi) language, Estonian language, Permic languages, Russian language, loanwords, Proto-Volgaic language.

Тот Силард Ференцевич,
преподаватель Нарвского колледжа – филиала Тартуского университета
и Филиала ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Кудымкар
E-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu

Tóth Szilárd,
Lecturer, Narva College of University of Tartu,
Kudymkar College of Udmurt State University
E-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu

ЮБИЛЕИ

УДК 792(470.51)

ПЕРВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ УДМУРТСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА, АРТИСТ, ДРАМАТУРГ, ПОЭТ, ПРОЗАИК

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИГНАТИЯ ГАВРИЛОВИЧА ГАВРИЛОВА)

Творчество И. Г. Гаврилова составило целую эпоху в культурной жизни республики и неотделимо от деятельности Удмуртского драматического театра. Он один из его организаторов и руководителей. Знание законов сцены способствовало сценичности его пьес, драматургия определила лицо театра и составила основную его историю.

Игнатий Гаврилович Гаврилов родился 30-го марта 1912 г. в д. Большие Сибы Можгинского р-на в семье крестьянина. «Любовь к литературе, – вспоминал Игнатий Гаврилович, – привила мне Вера Васильевна Толстая». Молодая выпускница Симбирской женской гимназии и педагогических курсов посвятила себя обучению удмуртских детей. После уроков Вера Васильевна читала школьникам из Больших Сибов произведения Пушкина, Гоголя, Толстого и других писателей. Два года будущий писатель вместе с другими ребятишками учился русскому языку, истории, познавал премудрости жизни у этой женщины, отдавшей 45 лет Удмуртии. Она перевела на удмуртский язык «Букварь», «Книгу для чтения» для 1–2 классов. Заслуженный учитель УАССР, награждена орденом «Знак почета», имя ее занесено в Почетную Книгу трудовой славы и героизма УАССР. Никогда Игнатий Гаврилович не забывал свою учительницу, переписывался с ней, советовался, делился своими успехами. Вера Васильевна платила ему тем же. На одной из фотографий, подаренных Игнатию Гавриловичу, она написала: «Человек увеличивает свое счастье в той мере, в которой он доставляет его другим».

Осенью 1924 г. Игнатий Гаврилов поступил в Можгинский педагогический техникум. Он принимал активное участие в занятиях литературного кружка под руководством поэта и ученого Якова Ильича Ильина, который непосредственно помог Гаврилову приобщиться к творчеству. В одно время с ним в техникуме учились будущие известные писатели Трофим Архипов, Иван Соловьев, Михаил Коновалов, Григорий Медведев, Филипп Кедров. Творчество Игнатия Гавриловича началось со студенческой скамьи. В 1927 г. в газете «Гудыри» («Гром»)

было опубликовано первое его стихотворение «Ой, мама» («Ой, мемие»). Вскоре Гаврилов переезжает в Ижевск и начинает заниматься на театральных курсах при Центральном Удмуртском клубе. Первоначально курсы были организованы как удмуртский драматический кружок. Руководил им Александр Васильевич Сугатов, выпускник Казанской учительской семинарии. Талантливый человек, он был актером, режиссером, писал для своих кружковцев пьесы. Был отличным воспитателем и организатором. В Игнатии Гаврилове он увидел незаурядные способности и всячески способствовал их развитию. Для занятий на театральных курсах были приглашены опытные преподаватели-специалисты. Гаврилов становится одним из первых помощников Сугатова: пишет небольшие пьесы, составляет литературные монтажи, участвует в спектаклях. Одновременно работает в газете «Гудыри». Постепенно кружок пополнялся молодежью, желающей играть на сцене. Среди активных участников кружка были студенты Ижевского педтехникума Кузьма Ложкин и Анатолий Саратов. Ложкин занимался еще и в хоровом кружке. Молодые люди становятся единомышленниками в вопросах развития удмуртского театрального искусства. Весной 1928 г. Ложкина направляют в Москву в Центральный техникум театрального искусства (ГИТИС). Через год в этот техникум направляют и Анатолия Саратова.

В 1930 г. в связи с преследованием Кузебая Герда А. В. Сугатов покидает Удмуртию. Руководство драмколлективом переходит к Гаврилову, которому пришлось быть и режиссером, и актером в одноактных спектаклях по его же написанным пьесам.

В конце 1930 г. Обком партии принял решение открыть профессиональный удмуртский театр. И. Гаврилову поручают написать многоактную пьесу.

За короткий срок пьеса была написана и поставлена на сцене клуба им. Октябрьской революции (КОР). Премьера спектакля по пьесе И. Гаврилова «Река Вала шумит» («Вало ӧр куашетэ») состоялась 7 февраля 1931 г. Так началась творческая биография Удмуртского драматического театра.

Игнатий Гаврилович становится его художественным руководителем и драматургом. Первое десятилетие театра – его расцвет. Наряду с произведениями других драматургов (М. Петрова, М. Коновалова) в репертуаре театра пьесы Гаврилова «Холодный ключ» («Кезьыт ошмес»), «Груня Тарасова», «Портрет», «Голубые глаза» («Чагыр синъёс»), «Азин». Его переводы на удмуртский язык А. Островского «Гроза», Н. Гоголя «Ревизор», Ж.-Б. Мольера «Лекарь поневоле», К. Гольдони «Слуга двух господ». Кроме пьес, Игнатий Гаврилович переводит произведения Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», А. Пушкина «Полтава», «Медный всадник», «Борис Годунов». Не прекращает работать над стихами, многие из которых положены на музыку. Игнатий Гаврилович избирается председателем Правления Союза писателей Удмуртии, депутатом Верховного совета УАССР.

Отечественная война на какое-то время прервала драматургическую деятельность Гаврилова. Добровольцем ушел на фронт, работал военным корреспондентом армейской газеты «Победа за нами», писал стихи, очерки. Игнатий Гаврилович участвовал во многих военных операциях. Писал свои корреспонденции под огнем противника, по горячим следам боев. Гвардии капитан И. Г. Гаврилов

в своих статьях и очерках сумел рассказать о войне так, какой она была – огромным человеческим горем, пролитой кровью и счастьем Великой Победы.

После демобилизации Игнатий Гаврилович какое-то время работал директором Удмуртского театра, литературным консультантом при Союзе писателей УАССР

Во вт. пол. 50-х – 60-е гг. Гаврилов работает над прозой. Пишет повесть «В далекой бригаде» («Кыдёкын бригадаын») о людях удмуртского Нечерноземья и их делах; «В родных краях» («Вордйськем палъёсын»), переведенную на русский язык С. Никитиным («Корни твои»). Это роман о рождении и становлении удмуртской интеллигенции. В мемуарной книге «Я вспоминаю» («Тодам ваисько») писатель пишет о тех, кто вместе с ним рос, учился, создавал и развивал культуру удмуртского народа.

В то же время Игнатий Гаврилов постоянно работает в тесном контакте с театром, в репертуаре которого основными стали спектакли «Солнце взошло» («Шунды йужаз»), «Аннушка» («Аннок»), «Звонкая осень» («Жингрес сйзьыл») – за нее совместно с коллективом Удмуртского драматического театра удостоен звания Лауреата Государственной премии УАССР; «Снег белый» («Лымы тёдьы»). В общей сложности более 40 оригинальных пьес написано драматургом, 10 переведены с русского языка. Ни один автор не написал столько для театра, сколько Гаврилов, ни одного драматурга театр не ставил столько, сколько Игнатия Гавриловича.

В драматургии он в основном исследует социальные темы, проблемы современной ему жизни, исторические сюжеты. Полную картину пьес Гаврилова, поставленных на сцене Удмуртского театра, раскрыл театровед В. В. Ложкин в книгах «Сценическая история пьес И. Гаврилова» и «Духовный мир сценического героя», изданных издательством «Удмуртия» в 1982 и 1988 гг.

Спектакли, поставленные по пьесам Гаврилова, явились творческой школой для нескольких поколений актеров и режиссеров: народного артиста РСФСР К. А. Ложкина, заслуженного деятеля искусств УАССР А. И. Саратова, народных артистов УАССР Г. П. Овечкина, В. К. Виноградовой, заслуженных артистов РСФСР А. В. Шкляевой, Н. П. Бакишевой, В. Я. Перевощикова, Б. А. Безумова, заслуженных деятелей искусств РСФСР Г. В. Веретенникова, Л. Г. Романова.

Неотделимо от жизни и творчества Игнатия Гавриловича имя народной артистки УАССР Клавдии Кузьминичны Гавриловой – его жены, друга, советчика, помощницы. На протяжении всей жизни он оставался для нее учителем. Она сыграла во многих спектаклях по его пьесам, начиная от знахарки Куашкам в спектакле «Река Вала шумит» («Вало ӧр куашетэ»). Вся их жизнь была наполнена творческим поиском, стремлением помочь друг другу, она была первым его читателем и критиком. Когда мужа постигали творческие (и не только) неудачи, она всегда была рядом и поддерживала его. Благодаря ее оптимизму, большой внутренней выдержке Игнатий Гаврилович имел возможность плодотворно работать до последних дней своей жизни. Не будь рядом Клавдии Кузьминичны, кто знает, имели ли бы мы возможность читать, видеть со сцены все, что создано талантливым писателем и драматургом. Ей он посвятил несколько стихотворений,

на его слова, положенные разными композиторами на музыку, Клавдия Кузьминична с народной артисткой УАССР В. К. Виноградовой исполняла песни. Она и ее жизнь явились основой для создания собирательного образа главных героинь романа «Корни твои» (Кати и Варвары).

Многосторонний талант одаренного сына удмуртского народа, великого труженика отмечен двумя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, ему присвоено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР и УАССР».

Свой 81-й сезон Государственный национальный театр посвящает памяти Игнатия Гавриловича Гаврилова.

Засл. работник культуры УР,
член Союза журналистов РФ
А. Я. Евсеева

Р Е Ц Е Н З И Я

УДК 821.512.145

Ф. К. Сагдеева, Б. К. Миннуллин

Рец. на: Баширова И. Б. Татарский литературный язык. Семасиология: Монография. Казань, 2010. 532 с.

Вышедшая в свет в 2010 г. монография И. Б. Башировой «Татарский литературный язык. Семасиология» (на татарском языке) является продолжением опубликованной ранее монографии «Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века» (на татарском языке, 2006).

Предлагаемая читателю новая книга И. Б. Башировой содержит изложение теоретических воззрений на предмет семасиологии, изучающей вопросы, связанные со значением слова и с изменением его значения. Автор акцентирует внимание на проблемах семасиологии в татарском языке. Подробному исследованию подверглись такие категории, как лексическое значение слова, компоненты понятийного содержания слова, типы значений и др.

В книге анализируются спорные и сложные вопросы лексической семантики: эпидигматические, парадигматические (синонимические, антонимические, деривационные) и синтагматические связи – отношения татарского слова. На богатом практическом материале автор детально рассматривает вопросы трансформации иерархии значений в семантической структуре многоязычного слова, появление одних и устаревание других лексико-семантических вариантов, формирование и видоизменение семантического инварианта слова.

И. Баширова обращает внимание читателя на то, что словарный состав татарского языка богат синонимами. Лексические синонимы, по ее мнению, представляют собой вид словесной оппозиции, в основе которой лежит полное или частичное семантическое тождество. Специфика синонимов заключается в том, что они характеризуются тождеством денотативного компонента значения и возможностью варьирования сигнификативного и прагматического компонентов. Вслед за отечественными языковедами М. В. Никитиным, А. А. Уфимцевой и др., татарскими учеными К. С. Сабировым, Ш. С. Ханбиковой и др. именно этот фактор положен в основу выделения полных и неполных синонимов.

В книге четко и ясно представлены и антонимические парадигмы, относящиеся к семантическим средствам языка. Также определены роль и место омонимов в семантике татарского языка.

В монографии достаточно широко освещаются вопросы, касающиеся функционирования слов в художественном тексте отдельного писателя или поэта.

Следует отметить ценность теоретических разработок автора, относящихся к когнитивным факторам в формировании лексической семантики. Такие семантические понятия, как «сема», «семема», «архисема» рассматриваются в соотношении с широким ментальным пространством, базирующимся на понятии «концепт».

В заключение подчеркнем, что И. Б. Баширова, которая известна как глубокий исследователь, видный ученый-лингвист в области татарского языкознания, внесла своими трудами весомый вклад в разработку проблем семасиологии в татарском языке.

Поступила в редакцию 15.11.201

Фаузия Кабировна Сагдеева,
кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
г. Казань
E-mail: feride2412@mail.ru

Бахтияр Кимович Миннуллин,
кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
г. Казань
E-mail: feride2412@mail.ru

Fauzia Kabirovna Sagdeyeva,
Candidate of Sciences (Philology),
Institute of language, literature and art after G. Ibragimov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
E-mail: feride2412@mail.ru

Bakhtiyar Kimovich Minnullin,
Candidate of Sciences (Philology),
Institute of language, literature and art after G. Ibragimov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
E-mail: feride2412@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2011 ГОДУ В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

№ Стр.

К О Л О Н К А Р Е Д А К Т О Р А

Юбилейный контекст сотрудничества 3 7

Я З Ы К О З Н А Н И Е

Атаманов М. Г. Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем 1 27

Бусыгина Л. В. Названия купальницы в удмуртских диалектах 4 63

Дмитриева Т. Н. Этнические контакты на Казыме и таинственная рыба ванкар 3 22

Донадзе Н. З. Лингвистический атлас Европы: 1971–2011 гг. 4 19

Ившин Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ 3 30

Кириллова Л. Е. М. Г. Атаманов и удмуртская топонимика 1 67

Кондратьева Н. В. К вопросу происхождения абессивного суффикса в удмуртском языке 2 7

Максимов С. А. Удмуртская берёза и березняк в свете лингвогеографии 4 71

Насибуллин Р. Ш. Фиксация названий экзотических животных в удмуртских письменных источниках 4 30

Пекшеева Э. И. Ихтионимическая лексика марийского языка 2 14

Пялль П. О некоторых параллелях между удмуртскими и эстонскими топонимами 1 62

Ракин А. Н. Сравнительное исследование лексики материальной культуры (пермские языки) 4 48

Семёнов В. Г. Названия василька в удмуртских диалектах и их происхождение 4 91

Цыганкин Д. В. Топонимы, связанные с историей засечных черт 3 16

№ Стр.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Дни недели в системе представлений удмуртов о времени 3 38
Денисов В. Н. Вторая удмуртская экспедиция Фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР 2 21
Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии 4 99

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ванюшев В. М. «Тангыра» Михаила Атаманова как авторский вариант удмуртского эпоса 1 75
Егорова Н. В. Своеобразие художественно-публицистических форм мордовской прозы 2 40
Ермакова Г. А. Картина мира чувашского этноса в семиотике языковых единиц лирики М. Сеспеля и Г. Айги 2 32
Крестьянинова И.М. Образ малой родины – *Эгра* – в творчестве М. Г. Атаманова-Эграпи 1 93
Латышева В. А. Лирика Родины в мемуарах Питирима Сорокина (Зырянская юность мыслителя. Основы искусств. Природа и народ) 3 55
Родионов В. Г. Типология феномена Г. Верещагина (к проблеме становления национальных литератур) 4 113
Шкляев А. Г. «Тангыра» в контексте удмуртских эпических сказаний: параллели и отличия 1 87

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Бехтерева Л. Н., Васильева О. И. Удмуртское крестьянство накануне сплошной коллективизации 3 87
Гагиева А. К. Делопроизводственные документы центральных и местных учреждений Российской империи как источник по истории взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII веке 2 49
Загребин А. Е. О языке этнографических текстов второй половины XVIII века (на примере описания финно-угорских народов России И. Г. Георги) 3 62
Иванова М. Г. Иднакарский комплекс памятников в контексте этногенеза удмуртов 1 98
Ившина М. В. Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вт. четв. XIX – нач. XX в.) 2 72
Макаров Л. Д. Верхокамско-чепецкое междуречье – регион взаимодействия пермских народов с русскими поселенцами 4 120
Мельникова О. М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих…» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») 3 76

№ Стр.

Ныммела М. Становясь этнографом. Полевые исследования Фердинанда Линнуса в 1920-е гг. 4 138
Останина Т. И. Арские удмурты по археологическим данным 1 117
Харин Г. С. Апостольские труды отца Михаила 1 106
Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении 2 56

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

Карм С. Эхо Урала в Эстонском национальном музее, или музеологический аспект эстонского концепта «финно-угорский мир» 3 98
Хрущёва М. Г. Вальс и «вальсовость» в творчестве Александра Корепанова 2 82

ТЕХНОЛОГИИ, ИННОВАЦИИ

Студитских В. В. Институт родителей и его влияние на развитие личности ребенка в традиционной культуре удмуртов 2 96

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

Шадрин В. А. Состояние и развитие лесов центральной части территории Удмуртии (на примере природнохозяйственной системы села Люк Завьяловского района). Часть 2. Характеристика и экологическая ценность сообществ 2 103

ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ

Вереш П. Современные проблемы междисциплинарного исследования в области финно-угроведения 2 121
Кельмаков В. К. Михаил Атаманов и удмуртская народная песня. Штрихи к творческому портрету юбиляра 1 130
Мясникова А. Б. Языки малочисленных финно-угорских народов России как предмет внимания международного финно-угорского движения 4 147
Тот С. К вопросу о мансийском названии журавля в контексте хронической дезинформации в финно-угроведении 4 157
Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире 3 111

РЕЦЕНЗИИ

Никитина Г. А. Рец. на: Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.: ил. 3 126
Сагдеева Ф. К., Миннуллин Б. К. Рец. на: Баширова И. Б. Татарский литературный язык. Семасиология: Монография. Казань, 2010. 532 с. 4 166

№ Стр.

О Т З Ы В

Ванюшев В. М. Отзыв на диссертацию Т. И. Зайцевой «Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения» 2 137

Денисов В. Н. Уникальный труд Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» теперь доступен ученым Удмуртии 3 133

Отзывы о конференции 1 138

Ю Б И Л Е И

Его музыка приносит радость: страницы жизни и творчества композитора Александра Корепанова 2 150

Наш юбиляр – профессор Виктор Васильевич Туганаев 2 143

Первый художественный руководитель Удмуртского драматического театра, артист, драматург, поэт, прозаик (К 100-летию со дня рождения Игнатия Гавриловича Гаврилова) 4 162

Профессору, народному художнику Удмуртии С. Н. Виноградову – 75 лет 2 148

Гришкина М. В. М. Г. Атаманов – выдающийся просветитель удмуртского народа, ученый и писатель-публицист 1 13

Инициатору и создателю Удмуртского диалектологического атласа – 75 ..... 4 7

М. Г. Атаманов 1 7

Мерзлякова Г. В. Вступительное слово 1 9

Поздравления 4 10

РЕЗОЛЮЦИЯ Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича (25–27 ноября 2010 г., г. Ижевск) 1 136

Список публикаций Михаила Гавриловича Атаманова 1 141

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2011 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований» 4 168

Юбилейные поздравления 3 9

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений –10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104
тел./факс: 8 (3412) 52-61-83
e-mail: rvkir@mail.ru
Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)
Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 4

Под редакцией *Н. И. Леонова*

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н. Ю. Юрпалова, И. В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 23.12.2011. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 15.22. Уч.-изд. л. 13.03.
Тираж 300 экз. Заказ № .....

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru